

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Издание четвертое, исправленное и дополненное

Донецк -2008

БЖХ513. 1я 73

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор Добров П.В.

Доктор исторических наук, профессор Крапивин А.В., кафедра международных отношений и внешней политики.

Составитель: доктор исторических наук, профессор Беловолов Ю.Г. История дипломатии. Учебное пособие. Донецкий национальный университет, кафедра международных отношений и внешней политики. - Донецк: ДонНУ, 2008.-231 с.

ISBN 966-7277-70-4

Утверждено к печати Советом исторического факультета Донецкого национального университета. Выписка из протокола №10 от 29 июля 2000 г.

ISBN 966 - 7277 - 70 - 4

Издательство Донецкого национального университета.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
РАЗДЕЛ 1	11
ТЕМА 1. ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА	11
<i>ДОКУМЕНТЫ ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ</i>	11
Тель-Амарпская переписка (XV-XIV века до нашей эры)	11
Дипломат и дипломатия по учению Ману (I тысячелетие до нашей эры)	13
Договор египетского фараона Рамсеса II с царем хеттов Хатгушилем III (1278 г. до нашей эры)	14
Международная политика Ассирии в период ее преобладания (VIII-VII века до нашей эры)	16
ТЕМА 2. ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ	24
<i>МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ</i>	24
Проксения	24
Амфикионии	24
Договоры и союзы	24
Дельфийско-Фермопильская Амфикиония	25
Послы и посольства	26
ТЕМА 3. ЗАРОЖДЕНИЕ ДИПЛОМАТИИ В ГОМЕРОВСКОЙ ГРЕЦИИ (XII-VIII ВЕКА ДО Н.Э.)	28
Периклов проект созыва панэллинского мирного конгресса (448 г. до н.э.)	29
Дипломатическая борьба в эпоху Пелопоннесской войны (431-404 гг. до нашей эры)	30
Союзная конференция в Спарте (432 г. до нашей эры)	32
Никиев мир (421 г. до нашей эры)	33
Дружественный договор Спарты с Персией (412 г. до нашей эры)	35
Система политического дуализма Алкивиада	36
Анталкидов мир (387 г. до нашей эры)	37
ТЕМА 4. ГРЕЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В МАКЕДОНСКО-ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ	38
Филократов мир (346 г. до нашей эры)	38
Дебаты в Афинской экклесии по вопросу о Филократовом мире	40
Дипломатические письма македонского царя Филиппа к афинскому народу	41
Коринфский конгресс (338-337 гг. до нашей эры)	42
Манифест Полисперхона, регента малолетнего сына Филиппа Александра Великого (319 г. до нашей эры)	43
ТЕМА 5. ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО РИМА	45
Формы международных связей в Риме	45
Дипломатические органы	46
Расширение международных связей Рима в III-II веках до нашей эры	48
Дружественный союз Ганнибала с македонским царем Филиппом V (215 г. до нашей эры)	49
Организация дипломатического аппарата в эпоху империи	50
ТЕМА 6. ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО РИМА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	51
Дипломатическая победа римлян в Греции	51
Римская дипломатия в Африке (III век до нашей эры)	52
Замысел Ганнибала об окружении Италии	53
Дипломатия римлян в борьбе с македонским царем Персеем (II век до н.э.)	54
Переговоры македонского царя Персея с римским легатом Марцием	55
Дипломатическая победа римлян в Египте и в Ахейском союзе (II век до н.э.)	56
Выступление римских послов на общесоюзном собрании в Коринфе (147 г. до н.э.)	57
Поражение ахейцев (146 г. до н.э.)	59
ТЕМА 7. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ДИПЛОМАТИЯ РИМА	60
Риторско-дипломатические школы	63
Дипломатия Юлия Цезаря в Галлии (58-51 гг. до н.э.)	64

Союзные договоры с варварами (IV-V века н.э.).....	65
ТЕМА 8. ДИПЛОМАТИЯ ВРЕМЕН ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ	
НАРОДОВ	67
Римская империя и варвары	67
Константинопольский Двор и Атиллы	68
Одоакр и Теодорих	69
ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ	71
Дипломатия Юстиниана (527-565 гг.)	71
Посольское дело в Византии (VI-X века).....	74
ПАПЫ И ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО	77
Международное положение папства	77
Сношения пап с франкским государством.....	79
Дипломатия Карла Великого	80
Дипломатия арабов.....	81
РАЗДЕЛ II	84
ТЕМА 9. ДИПЛОМАТИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА	84
Политическая раздробленность на Западе	86
Распад империи Карла Великого.....	87
Феодальное распыление Европы.....	87
Право частной войны.....	88
Тема 10. ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА УКРЕПЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ МОНАРХИИ.	
СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ	
ИМПЕРИЯ И ПАПСТВО	89
Роль церкви в феодальной Европе	89
Григорий VII и Генрих IV	90
Крестовые походы	93
Тема 11. ДИПЛОМАТИЯ ИТАЛИИ XI-XV ВЕКОВ	93
Международные связи Италии	93
Организация консульской службы	94
Флорентийские дипломаты	96
Венецианская дипломатия	96
Посольское дело в Венеции	99
Тема 12. ДИПЛОМАТИЯ ФРАНЦИИ XII-XV ВЕКОВ	
3	10
Возникновение национальных государств	10
3	10
Сношения с монгольскими ханами	10
3	10
Филипп IV Красивый и Бонифаций VIII	10
5	10
Столетняя война	10
7	10
Людовик XI и его дипломатия	10
9	10
РАЗДЕЛ III. ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (XVI-XVIII вв.)	114
Тема 13. ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (XVI-XVIII вв.)	
4	11
ВВЕДЕНИЕ	
114	
Общая характеристика дипломатии и дипломатических органов в XVI-XVIII веках. Политическая карта Европы в XVI веке....	117
«Государственный интерес» как принцип политики	11
8	

Тема 14. ДИПЛОМАТИЯ ИСПАНИИ, ФРАНЦИИ И АНГЛИИ В XVI ВЕКЕ

0	Период испанского могущества в Европе. Испания Карла V и Филиппа II	13
0	Франция в XVI веке	13
3	Английская дипломатия в XVI веке	13
5	Ткмл 15. ДИПЛОМАТИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ	13
7	Международные отношения Киевской Руси IX-X веков	13
7	Международные отношения Киевской Руси в XI-XIII веках	13
8	Договоры русских городов с немецкими городами	14
0	Междукняжеская дипломатия на Руси XII-XIII веков	14
1	Посольская служба	14
3	Порядок заключения договоров	14
4	Русско-татарские отношения в XIII-XV веках	14
5	Дипломатия Московского великого княжества при Иване III	14
7	Дипломатия Ивана IV	15
0	Тнмл 16. ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ГЕГЕМОНИИ В ЕВРОПЕ В XVII ВЕКЕ	15
154	Дипломатия Генриха IV	15
4	Дипломатия Ришелье	15
7	Тридцатилетняя война и Вестфальский мир	15
8	Дипломатия Людовика XIV	16
	Войны Людовика XIV	16
2	I Имвевгснский мир	16
3	Тнмл 17. ДИПЛОМАТИЯ АНГЛИЙСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1640-1660 гг.)	16

.....	16
4	
Дипломатия «Долгого парламента»	16
.....	16
4	
Дипломатия Кромвеля	17
.....	17
0	
Тнмл 18. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII ВЕКЕ	17
.....	17
3	
Международное положение и дипломатия Московского государства в начале XVII века	17
.....	17
3	
Основные направления внешней политики Московского государства в XVII веке	17
.....	17
4	
Дипломатические учреждения Московского государства	17
.....	17
8	
Русские дипломаты XVII века	18
.....	18
0	
«Посольский обряд»	18
.....	18
2	
РЕМА 19. ДИПЛОМАТИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В XVIII ВЕКЕ	
196	
Война за испанское наследство и начало упадка международного значения Франции	19
.....	19
6	
Утрехтский мир	19
.....	19
9	
Французская дипломатия при Людовике XV	20
.....	20
0	
«Секрет короля»	20
.....	20
1	
1. <i>ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ В XVIII ВЕКЕ</i>	20
.....	20
2	
Питт Старший	20
.....	20
3	
Политика Англии в Индии	20
.....	20
3	
2. <i>ГЕРМАНИЯ МИЛЛЕТА. АВСТРО-ПРУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО</i>	
204	
Война за австрийское наследство. Фридрих II как дипломат	20
.....	20
4	
Семилетняя война и дипломатия Фридриха II	20
.....	20
6	
3. <i>ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII ВЕКЕ</i>	
210	

БИБЛИОГРАФИЯ

..... 23
0

Документы

..... 23
0

Литература

..... 23
0

ВВЕДЕНИЕ

Международные отношения издавна занимали большое место в жизни любого государства, общества и отдельного человека. Дипломатия как составная часть и квинтэссенция международных отношений зародилась еще в глубокой древности. Раннее рабовладение лежало в основе государственных объединений Древнего Востока - Египта, царства хеттов, Ассирии, Персии и Древней Индии. Внешняя политика этих государств направлялась на захват соседних территорий, рабов, скота, грабеж богатств, но эти государства вступали также и в оживленные дипломатические отношения. Для истории дипломатии самым известным из древнейших памятников международного права является договор египетского фараона Рамсеса II и хеттского царя Хаттушиля III 1278 г. до н.э., ставший образцом всех последующих международных договоров как для царств Древнего Востока, так и для Греции и Рима.

Внешняя политика этих рабовладельческих государств-городов («полисов») также определялась интересами борьбы за расширение территорий и приобретение рабов. Но в то же время растет стремление к поиску союзников, образованию группировок, вызывавших длительные конфликты между греками и персами на Востоке, между Римом и богатой торговой республикой Карфагеном - на Западе.

В последние два века Римской республики и в первые два столетия Империи рабовладение достигает наивысшего развития в античном мире. Внешняя политика императорского Рима следовала двум целям: создание могучей империи путем завоевания соседних территорий и оборона ее границ. В соприкосновении с варварскими племенами на европейских границах Империи дипломатия Рима использовала варваров в качестве военной и рабочей силы. Признаки распада Римской империи с конца II в. н.э. были связаны с кризисом рабовладения и появлением новых полуфеодалных способов эксплуатации труда (колонат и вольноотпущенники). Вследствие упадка военной и политической мощи Рима понижается и уровень его дипломатии.

Дипломатия периода средних веков служила интересам феодализирующихся варварских держав, сложившихся на развалинах бывшей Римской империи и других частей Европы. Средневековый строй покоился на феодально-крепостнических отношениях, более прогрессивных по сравнению с рабовладением древнего мира. В основе средневекового общества лежала система натурального хозяйства. Слабое развитие техники препятствовало формированию прочных экономических связей и способствовало политической раздробленности Европы.

Государства, возникшие путем завоеваний, оказывались непрочными и легко распадались на большое число варварских королевств со своей дипломатией и внешней политикой. Вместе с тем в недрах раздробленного феодального общества возникают и централизующие силы: развиваются товарно-денежные отношения, складываются нации, создаются города и формируется новый класс - буржуазия, заинтересованная в создании национального рынка и централизованной государственной власти - феодальной монархии. Внешняя политика и дипломатия крупных феодальных монархий - Англии, Франции, Испании и Московской Руси - направлялись на преодоление феодальной раздробленности, расширение государственной территории, поиски союзников и т.д. Союзниками феодальной монархии являлась церковь в лице папства с его сложными международными связями. Борьба пап с императорами за политическое преобладание вызвала к жизни искусство и тонкую дипломатию.

История дипломатии нового времени относится ко времени зарождения капиталистического строя в недрах феодализма. Мощный толчок этому процессу дали географические открытия и первые колониальные захваты XV-XVI веков. Расширилась мировая торговля. Ее пути переместились от Балтийского и Средиземного морей к берегам Атлантики, охватив Португалию, Испанию, Нидерланды, Англию и Францию. XVI век - это период испанского преобладания в Европе, время ожесточенных религиозных войн, в которых Испания принимала деятельное участие как оплот феодально-капиталистической реакции. Ускоренное развитие капиталистических отношений способствует усилению торговой и внешнеполитической мощи Англии и, как результат, победе буржуазной революции в середине XVII века и укреплению международного положения этой державы.

Морское законодательство парламента и войны с Испанией и Голландией превращают Англию в сильнейшую морскую державу в XVII веке, в то же время на континенте Европы господствующее положение занимала абсолютистско-феодалная Франция. Кульминационный момент французской гегемонии - Вестфальский мир 1648 года и связанная с ним внешняя политика Людовика XIV. Дипломатия Ришелье и Мазарини содействует укреплению централизованной государственной власти и подавлению крупных феодалов.

В отличие от Франции, Священная Римская империя германской нации после перемещения торговых путей на Атлантический океан теряет свое международное значение и распадается на множество мелких феодальных государств. В тот же период на востоке Европы в международных отношениях активно включается Московское государство.

XVIII век - это период английской гегемонии в Европе. В результате ряда победоносных войн Англия расширяет свои заморские владения за счет Франции и Испании и становится колониальной державой первостепенного значения. В том же XVIII веке значение серьезного международного фактора приобретает молодая Российская империя Петра I. Особое место занимает внешняя политика и дипломатия России XVIII века. Военно-феодалная империя Петра и его ближайших преемников успешно разрешает задачи на берегах Балтийского и Черного морей. Европа оказывается лицом к лицу с мощной Российской империей, дипломатия которой властно вторгается в международные отношения.

В XVI-XVIII столетии на передовые позиции в государствах Европы выходят буржуазия. Из своей среды

она выдвигает политических идеологов - Макиавелли в Италии, Боден во Франции, Гроций в Голландии, Гоббс в Англии, которые развивают идею государства как высшего начала. Основным принципом внутренней и внешней политики они провозглашают служение государственному интересу. Создаются коалиции и группировки государств для самообороны слабейших против сильного соперника. Так возникают новые правовые понятия: о праве войны и мира, о политическом равновесии, о естественных границах государства, о свободе морей, о незыблемости международных договоров. Это были основные принципы науки международного права.

Что касается современной системы международных отношений, в ней переплетаются, уже ушедшие в прошлое, но традиционные, многовековые силы и закономерности и новые, возникающие на наших глазах явления и тенденции.

«Со времени Вестфальского мира, зафиксировавшего почти на 350 лет международную систему, основанную на силовом взаимодействии, «столкновении» национальных государств, балансе сил, противоборстве союзов и т.д., в мировой политике появились новые действующие лица и новые тенденции глобального масштаба» [1].

Новый облик международных отношений сегодня определяют государства, межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, мировая экономическая взаимосвязь, распространение единой массовой культуры, глобальная демократизация и возникновение новых дестабилизирующих сил и тенденций, претендующих на национальную исключительность только потому, что государство обладает ядерным оружием. Это Ирак, Индия, Пакистан и др.

Достоянием политики стал религиозный фактор, дестабилизирующий международные отношения на Ближнем Востоке и в мире - это боевики-исламисты из «Хамас» (движение исламского сопротивления), «Аль-Джихад», «Хизбаллах» и др. Политическая и иная дестабилизация в результате глобальных изменений накладывает на участников современных международных отношений особую ответственность.

Предлагаемое учебное пособие ставит своей задачей - на основе I тома «Истории дипломатии» под редакцией В.П.Потемкина. - М.: ОГИЗ, 1941. - изложить историю дипломатии с древнейших времен до 70-80-х гг. XVIII века.

Учебное пособие предполагает изучение студентами истории дипломатии в последовательно сменявшие одна другую эпохи: древнего мира (XV в. до н.э. - V в. н.э.), средних веков (V в. н.э. - XV в. н.э.), нового времени (XVI-XVIII вв. н.э.).

С целью более качественного усвоения материала к основным темам даны вопросы, ориентирующие студента на наиболее важные проблемы дипломатической истории. Каждое практическое занятие снабжено планом и списком источников и литературы.

Для более качественного усвоения теоретического материала учебное пособие снабжено документами, почерпнутыми из хрестоматии по истории древнего Востока, Греции, Рима и нового времени. Документы приложения помогут студенту более глубоко проникнуть в перипетии древневосточной дипломатии, договоров и союзов греческой дипломатии в македонско-эллинистическую эпоху, международных связей Рима периода Республики и Империи.

Документы могут быть использованы при подготовке к практическим занятиям, при написании контрольных и курсовых работ студентами дневного и заочного отделений.

Данное пособие рассчитано на преподавателей и студентов специальности «Международные отношения», а также истории Древнего мира, средних веков и нового времени.

Составитель: доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики Донецкого национального университета Беловолов Ю.Г.

РАЗДЕЛ I

Тема 1. ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА ДОКУМЕНТЫ ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ

ДИПЛОМАТИИ

Тель-Амарнская переписка (XV-XIV века до нашей эры)

История Древнего Востока сохранила для нас некоторое количество документов - дипломатических писем, договоров и других международных актов, свидетельствующих об оживленных сношениях между царствами Древнего Востока.

Самым крупным государством Переднего Востока был Египет. Египетские границы при XVIII династии (середина второго тысячелетия до нашей эры) доходили до отрогов Тавра и реки Евфрата. В международной жизни Древнего Востока этого времени Египет играл первенствующую роль. Египтяне поддерживали оживленные торговые, культурные и политические связи со всем известным им миром - с государством хеттов в Передней Азии, с государствами севера и юга Месопотамии (государство Митанни, Вавилон, Ассирия), с сирийскими и палестинскими князьями, Критским царством и островами Эгейского моря. Дипломатической перепиской в Египте заведывала особая государственная канцелярия по иностранным делам.

Из многочисленных памятников древневосточной дипломатии наибольший интерес по объему и богатству содержания представляют Тель-Амарнская переписка и договор египетского фараона Рамсеса II с царем хеттов Хаттушилему III, заключенный в 1278 г. до нашей эры. Амарна - местность на правом берегу Нила в Среднем Египте, бывшая резиденция египетского фараона Аменофиса (Аменхотепа) IV. В 1887—1888 гг. во дворце Аменофиса был открыт архив, содержащий дипломатическую переписку фараонов XVIII династии— Аменофиса III и его сына Аменофиса IV (середина второго тысячелетия, XV— XIV века до нашей эры). В настоящее время Тель-Амарнский архив находится в Британском музее в Лондоне и в Государственном музее в Берлине. Он содержит около 360 глиняных табличек, представляющих переписку названных фараонов с царями других государств и с подвластными сирийскими князьями.

Существенным дополнением к Тель-Амарнскому архиву служит архив хеттского царя Суббилулиумы из Богаз-Кей, столицы хеттского государства (недалеко от современной Анкары).

Большую часть материала Тель-Амарнского архива составляют письма сирийских и палестинских князей к фараону, от которого они зависели. Сирийские и палестинские княжества играли роль буферных государств между двумя крупнейшими державами древневосточного мира - государством хеттов, с одной стороны, и Египтом - с другой. Фараону было выгодно поддерживать постоянную вражду между князьями и таким образом укреплять свое влияние в Сирии. Главное содержание писем сиро-палестинских князей составляют: обмен взаимными приветствиями и любезностями, переговоры о заключении браков и просьбы к фараону о присылке военной помощи, золота и подарков. "Золота же в Египте, - постоянно повторяется в письмах, - так мною, как песка". К приветствиям и просьбам присоединяются жалобы, доносы и клеветы князей друг на друга.

Наряду с Египтом на сиро-палестинские области претендовали хетты. При царе Суббилулиуме (1380-1346 гг. до нашей эры) Хеттское царство достигло преобладающего влияния в Азии и успешно оспаривало у Египта права на азиатские владения, - синайские рудники, ливанские леса и торговые пути. Рост Хеттского царства заставлял фараонов искать союзников среди государств Месопотамии - Митанни и Вавилона, - враждебных хеттам. В Тель-Амарнском архиве сохранились дипломатические письма вавилонских и митаннийских царей к Аменофису III и Аменофису IV. Содержание этих писем довольно разнообразно, но речь всегда идет о самих царях, личность которых отождествляется со всем государством. Аменофис III желает иметь в своем гареме вавилонскую царевну и уведомляет об этом своего "брата", вавилонского царя Кадашман-Харбе. Вавилонский царь медлит с удовлетворением этой просьбы, ссылаясь на печальную участь своей сестры, одной из жен фараона. В ответном письме фараон жалуется на недобросовестность вавилонских послов, давших царю ложные сведения о положении его сестры. Кадашман-Харбе со своей стороны упрекает фараона в недостаточном вежливом обращении с его уполномоченными. Их даже не пригласили на юбилейный праздник. В конце концов, Кадашман-Харбе соглашается отправить свою дочь в гарем фараона, но в благодарность за это желает получить себе в жены египетскую царевну, золото и подарки. Письмо начинается с обычных приветствий и изъявлений "братской" преданности.

"Царю египетскому, моему брату, Кадашман-Харбе, царь Кардуниаша (Вавилона), твой брат. Привет твоему дому, твоим женам, всей твоей стране, твоим колесницам, твоим коням, твоим вельможам, всем большой привет". Заканчивается послание настойчивым требованием присылки золота и подарков. "Что касается золота, - пишет царь, - шли мне золото, много золота, шли его до прибытия посольства. Пришли его теперь же, как можно скорей, в эту жатву, в месяц Таммуз".

Столь же настойчив в требовании золота и царь Митанни Тушратта. Свое послание Аменофису IV он заканчивает такими словами: "Итак, пусть брат мой пришлет мне золото, в таком большом количестве, которого нельзя было бы и исчислить... Ведь в стране моего брата много золота, столько же, сколько и земли. Боги да устроят так, чтобы его было еще больше в десять раз". Со своей стороны Тушратта готов оказать фараону какие угодно услуги и прислать всякие дары. "Если брат мой чего-либо пожелает для своего дома, я отдам в десять раз больше, чем он требует. Моя земля - его земля, мой дом - его дом". Все эти документы составлены клинописью, на вавилонском языке - дипломатическом языке того времени.

Дипломат и дипломатия по учению Ману (I тысячелетие до нашей эры)

Интереснейшим памятником древневосточной дипломатии и международного права являются индийские законы Ману. Подлинный текст законов Ману до нас не дошел. Сохранилась лишь его позднейшая (стихотворная) передача, по всей вероятности, относящаяся к I веку нашей эры. Законы Ману были в этой редакции открыты англичанами в XVIII веке. Написаны они на классическом санскрите. В XIX—XX веках они переведены были на ряд европейских языков, в том числе и на русский.

Согласно индийскому преданию, законы Ману - божественного происхождения: относятся они к эпохе легендарного Ману, считавшегося родоначальником арийцев. По своему характеру законы Ману представляют собой свод различных древнеиндийских постановлений, касающихся политики, международного права, торговли и военного дела. Эти правила складывались на протяжении всего первого тысячелетия до нашей эры.

С формальной стороны законы Ману являются сводом законов Древней Индии. Но содержание памятника значительно шире и разнообразнее. Он богат философскими рассуждениями; много внимания уделено в нем религиозным и нравственным правилам.

В основу древнеиндийской философии положено учение о совершенном человеке-мудреце. Под этим углом зрения рассматривается и дипломатия. Центр внимания переносится на личные качества дипломата, от которых зависит успех дипломатической миссии.

Дипломатическое искусство, согласно учению Ману, заключается в умении предотвращать войну и укреплять мир. "Мир и его противоположность (война) зависят от послов, ибо только они создают и срывают союзников. В их власти находятся те дела, из-за которых происходят между царями мир или война".

Дипломат осведомляет своего государя о намерениях и планах иностранных правителей. Тем самым он предохраняет государство от грозящих ему опасностей. Поэтому дипломат должен быть человеком проницательным, всесторонне образованным и способным расположить к себе людей. Он должен уметь распознавать планы иностранных государей не только по их словам или действиям, но даже по жестам и выражению лица.

Главе государства рекомендуется назначать дипломатов с большим выбором и осторожностью. Дипломат должен быть человеком почтенного возраста, преданным долгу, честным, искусным, обладающим хорошей памятью, представительным, смелым, красноречивым, «знающим место и время действия». Самые сложные вопросы международной жизни должны разрешаться, прежде всего, дипломатическим путем. Сила стоит на втором месте. Таковы основы учения Ману, касающиеся дипломатии и роли дипломата.

Договор египетского фараона Рамсеса II с царем хеттов Хаттуши-лем III (1278 г. до нашей эры)

Следующее столетие (XIV—XIII века до нашей эры) заполнено было ожесточенными войнами между хеттами и Египтом. Войны в одинаковой степени истощили обоих противников и не дали положительных результатов. Общее ослабление и отсутствие надежды на полную победу заставили борющиеся стороны пойти на обоюдные уступки и заключить дружественное соглашение. В 1278 г. до нашей эры был заключен мир и подписан договор между фараоном XIX династии Рамсесом II и хеттским царем Хаттушилем III. Инициатива мира и дружественного соглашения исходила от хеттского царя. После долгих предварительных переговоров Хаттушиль послал Рамсесу проект договора, начертанный на серебряной доске. В удостоверение подлинности документа на передней стороне доски имелось изображение царя, стоящего рядом с богом ветра и молнии Тешубом. На оборотной стороне изображена царица в сообществе солнечной богини Аринны.

Рамсес принял условия мира, предложенные ему хеттским царем, и в знак согласия отправил Хаттушилю другую серебряную доску с начертанным на ней текстом мирного договора. Оба экземпляра скреплены были государственными печатями и подписями.

Договор сохранился в трех редакциях (надписях) - двух египетских, в Карнаке и Рамессее, и одной хеттской, открытой в Богаз-Кёе. Сохранились как самый текст договора, так и описания предшествовавших ему заключению переговоров. Договор состоит из трех частей: 1) введения, 2) текста договорных статей и 3) заключения - обращения к богам, клятв и проклятий против нарушителя договора.

Во введении говорится, что испокон веков хетты и египтяне не были врагами. Отношения между ними испортились лишь в дни печального царствования брата Хаттушиля, сражавшегося с Рамсесом, великим царем Египта. Со дня подписания настоящего "прекрасного договора" между царями устанавливаются на вечные времена мир, дружба и братство. "После того, как я стал царем Хеттов, я с великим царем Египта Рамсесом и он со мной пребываем в мире и братстве. Это будет лучший мир и братство из существовавших когда-либо на земле". "Да будет прекрасный мир и братство между детьми детей великого царя Хеттов и Рамсеса, великого царя Египта. Египет и страна Хеттов да пребывают, подобно нам, в мире и братстве на все времена".

Между хеттами и Египтом заключался дружественный оборонительный и наступательный союз. "Если пойдет какой-либо враг против владений Рамсеса, то пусть Рамсес скажет великому царю Хеттов: иди со мной против него со всеми твоими силами". Договор предусматривал поддержку против врага не только внешнего, но, повидимому, также и внутреннего. Союзники гарантировали друг другу помощь на случай восстаний и мятежей в подвластных им областях. Имелись в виду, главным образом, азиатские (сиро-палестинские) области, в которых не прекращались войны, восстания, разбойничьи налеты и грабежи.

"Если Рамсес разгневется на своих рабов (азиатских подданных), когда они учинят восстание, и пойдет умирять их, то заодно с ним должен действовать и царь Хеттов".

Особой статьей предусматривалась обоюдная выдача политических перебежчиков знатного и незнатного происхождения. "Пели кто-либо убежит из Египта и уйдет в страну Хеттов, то царь Хеттов не будет его задерживать в своей стране, но вернет в страну Рамсеса". Вместе с перебежчиками возвращаются в целости также и все их имущество и люди. "Если убежит из египетской земли один, два, три и т. д. человека в землю Хеттов, то они должны быть возвращены в землю Рамсеса". Как они сами, так и их имущество, жены, дети и слуги возвращаются в полной невредимости. "Да не казнят их, да не повредят их глаз, уст и ног".

В свидетели верности и точности выполнения договора призываются боги и богини обеих стран. "Все, начертанное на серебряной доске, тысяча богов и богинь страны Хеттов обязуются исполнять по отношению к тысяче богов и богинь Египта. Они свидетели моих слов". Затем следует длинный перечень египетских и хеттских богов и богинь: "боги и богини гор и рек страны Египта, неба и земли, моря, ветра и бури". За нарушение договора угрожают страшные кары. За честное его выполнение боги даруют здоровье и благоденствие. "Да сгинут дом, земля и рабы того, кто нарушит сии слова. Да будет здравие и жизнь тому, земле и рабам того, кто их сохранит".

Обмен дипломатическими письмами и посольствами продолжался и после заключения "прекрасного договора". Обменивались письмами не только цари, но и царицы. Египетская и хеттская царицы выражали друг другу радость по поводу "прекрасного мира" и "прекрасного братства", установившегося между двумя могущественными деспотиями.

После смерти египетской царицы политический союз между хеттами и Египтом был скреплен династическим браком - женитьбой Рамсеса на красавице дочери Хаттушиля. Новая супруга великого царя Египта была торжественно встречена на границе обоих царств. На устроенном в честь ее прибытия пиршестве было предложено угощение и египетским и хеттским воинам.

Для истории дипломатии договор Рамсеса в Хаттушилем имеет первостепенное значение. Во-первых, это древнейший из известных нам памятников международного права. Во-вторых, по своей форме он послужил образцом всех последующих договоров как для царств Древнего Востока, так и для Греции и Рима. Форма международного договора в основном оставалась неизменной на протяжении всей истории древнего мира. Греция и Рим в этом отношении копировали древневосточную договорную практику. Наряду с этим в договоре Рамсеса - Хаттушиля нашла свое отражение характерная черта государственного строя Древнего Востока - полное отождествление государства с личностью носителя верховной власти. Все переговоры велись исключительно от имени царя. Отдельные статьи договора содержат обязательства ненападения и взаимной помощи. Достоинно внимания, что эта помощь предусматривается даже в виде обусловленной сторонами обоюдной интервенции для подавления внутренних восстаний. Таким образом, египетско-хеттский договор, имеющий больше чем трех-тысячелетнюю давность, являлся в некоторой степени прототипом позднейших международных соглашений.

Международная политика Ассирии в период ее преобладания (VIII-VII века до нашей эры)

В последующие столетия Египет и царство хеттов слабеют и постепенно утрачивают руководящую роль в международных отношениях Востока. Первенствующее значение приобретает государство Передней Азии - Ассирия, с главным городом Ашур на среднем течении реки Тигра в Месопотамии. Первоначально Ассирия представляла небольшое княжество (патеси), состоявшее из нескольких земледельческих и скотоводческих общин. По постепенно, приблизительно с XIV века (до нашей эры) территория Ассирии начинает расширяться, и Ассирия превращается в одно из самых сильных государств Древнего Востока. Уже в эпоху Телль-Амарнской переписки ассирийские цари называют себя в надписях "повелителями вселенной", которых боги призвали господствовать над "страной, лежащей между Тигром и Евфратом".

В ранний период своей истории Ассирия входила в состав Вавилонского царства, и царь Ашура подчинялся царю Вавилона. Но эта зависимость постепенно исчезала, и ассирийские цари становились самостоятельными. Вавилоняне против этого протестовали, но их протесты не имели успеха. Первое упоминание об Ассирии как самостоятельной державе находим в Телль-Амарнской переписке, где говорится о прибытии ассирийских послов в Египет. Против принятия их египетским фараоном Аменофисом IV решительно протестовал вавилонский царь Бурнабуриаш, который считал себя главой Ашура. А Зачем, - спрашивает он своего союзника Аменофиса, -они пришли в твою страну? Если ты расположен ко мне, не вступай с ними в сношения. Пусть они уезжают, ничего не добившись. Со своей стороны шлю тебе в подарок пять мин голубого камня, пять конных упряжек и пять колесниц". Однако фараон не счел возможным удовлетворить просьбу своего друга и отказать в приеме посла ассирийского царя.

Усиление Ассирии внушало тревогу наиболее крупным державам Востока - хеттам и Египту. Под влиянием этого опасения и был заключен договор 1278 г. между Рамсесом II и Хаттушилем III, косвенно направленный против Ассирии.

Таковы были первые шаги ассирийских царей на международном поприще. Своего наибольшего могущества Ассирийское царство достигает при Саргониде (VIII-VII века до нашей эры) - Саргоне, Синнахерибе и Ашурбанипале. Главным городом при Саргониде становится Ниневия, на север от Ашура. Саргониды - выходцы из среды военных командиров -произвели крупные реформы в политическом и военном строе Ассирии, увеличили численность ассирийского войска до высшего по тому времени предела - 150 тысяч человек - и повели широкую завоевательную политику.

Движущей силой ассирийской политики являлось стремление Ассирии завладеть плодородными оазисами, захватить места нахождения металлов, добычу и людей и, кроме того, обеспечить за собой обладание важнейшими торговыми путями. Наибольшее значение в то время имели две торговые артерии. Одна из них шла от Великого (Средиземного) моря к Месопотамии и, далее, в восточном направлении. Другая торговая дорога вела на юго-запад, в сторону Сиро-Палестинского побережья Египта.

По количеству и ценности исторических данных ассирийские архивы, содержащие около двух тысяч документов, не уступают Телль-Амарнской переписке.

Большая часть материала названных архивов относится ко времени царя Ашурбанипала. Все царствование Ашурбанипала проходит в напряженной борьбе с антиассирийскими коалициями, которые возникали то на одной, то на другой границе. Сложнее всего обстояло дело в Египте. Здесь политика Ассирии наталкивалась на отчаянное

сопротивление со стороны фараонов Эфиопской династии. Подобно Саргонидам, эти фараоны вышли из среды военных командиров, начальников ливийских отрядов. Самым крупным из них был Тахарка. С целью ослабления эфиопского влияния в Египте Ашурбанипал поддерживал египетского царевича Нехо, который проживал в Ассирии в качестве военнопленного. При ассирийском дворе Нехо пользовался особым почетом. Ему были подарены царем дорогие одежды, меч в золотых ножнах, колесница, лошади и мулы. С помощью своих египетских друзей и ассирийских отрядов Нехо победил Тахарку и завладел египетским престолом. Однако сын Нехо Псаметих изменил ассирийскому владыке. Опираясь на поддержку ливийских наемников и прибывавших с моря греков, он отделился от Ассирии и провозгласил независимость Египта (645 г. до нашей эры).

Основанная Псаметихом новая, по счету XXVI, династия с главным центром в городе Саисе просуществовала до завоевания Египта персами (525 г. до нашей эры).

Ашурбанипал вынужден был примириться с утратой Египта вследствие серьезных осложнений, возникших в Эламе и Вавилоне. В течение всего правления Саргонидов Вавилон являлся центром международных союзов и политических интриг, направленных против Ассирии. Кроме того, независимость Вавилона препятствовала государственной централизации, которую проводили ассирийские цари. Наконец, полное подчинение старинного торгового и культурного города развязывало руки ассирийским царям в отношении двух враждебных им стран - Египта и Элама. Всем этим объясняется долгая и упорная борьба Ассирии с Вавилоном.

I Ири Лшурбанипале "наместником Бела" (Вавилона) сделался младший брат царя II Иампи-II Иумукин. Шамаш-Шумукин изменил Ашурбанипалу, провозгласил независимость Вавилонского царства, а себя объявил вавилонским царем. Из Вавилона во все страны, ко всем царям и народам были отправлены посольства с целью вовлечения их в общий союз против Ассирии.

Па призыв Шамаш-Шумукина откликнулись многие цари и народы от Египта до I Персидской о залива включительно.

Кроме Египта, в союз вошли мидяне, Элам, город Тир и другие финикийские города, Лидия и арабские шейхи - словом, все, боявшиеся усиления политической гегемонии Ассирии. Узнав о военных приготовлениях Шамаш-Шумукина, Ашурбанипал объявил его узурпатором и стал готовиться к войне.

Враги Ассирии оказались достаточно сильными, и вследствие этого Ашурбанипалу пришлось вести борьбу с большой осторожностью. Было очевидно, что исход всей кампании зависит от поведения таких богатых и влиятельных городов Междуречья, как Вавилон и Ашур, и соседнего царства Элама. Это понимал и ассирийский царь. Поэтому он немедленно обратился к названным городам с дипломатическим посланием, текст которого сохранился в царском архиве. Содержание этого важнейшего документа дипломатии древневосточных народов заслуживает особого внимания. Обращение царя Ассирии к вавилонскому народу:

"Я пребываю в добром здравии. Да будут ваши сердца по сему случаю преисполнены радости и веселья. Я обращаюсь к вам по поводу пустых слов, сказанных вам лживым человеком, именующим себя моим братом. Я знаю все, что он говорил вам. Все его слова пусты, как ветер. Не верьте ему ни в чем. Я клянусь Ашуром и Мардуком, моими богами, что все слова, произнесенные им против меня, достойны презрения. Обдумав в своем сердце, я собственными моими устами заявляю, что он поступил лукаво и низко, говоря вам, будто я „намереваюсь опозорить славу любящих меня вавилонян, так же как и мое собственное имя“. Я таких слов не слышал. Ваша дружба с ассирийцами и ваши вольности, которые мною установлены, больше, чем я полагаю. Не слушайте ни минуть его лжи, не грязните вашего имени, которое не запятнано ни передо мною, ни перед всем миром. Не совершайте тяжкого греха перед богом...

Имеется еще нечто такое, что, как мне известно, вас сильно тревожит. Так как, - говорите вы, - мы уже восстали против него, то он, покорив нас, увеличит взимаемую с нас дань. Но это ведь дань только по названию. Так как вы приняли сторону моего врага, то это уже можно считать как бы наложенной на вас данью и грехом за нарушение клятвы, принесенной богам. Смотрите теперь и, как я уже писал вам, не порочьте вашего доброго имени, доверяясь пустым словам этого злодея. Прошу вас в заключение как можно скорее ответить на мое письмо. Месяц Аир, 23 числа, грамота вручена царским послом Шамаш-Балат-Суикби".

Обращение Ашурбанипала к населению Вавилона и обещание сохранять впредь вольности города имели решающее значение для всей последующей истории отношений с вавилонским царем. Города отпали от Шамаш-Шумукина и перешли на сторону Ашурбанипала.

Сохранение союза Вавилона с Ашурбанипалом нанесло удар всему движению, поднятому Шамаш-Шумукином, который являлся в глазах ассирийского царя узурпатором.

Сохранилось еще другое обращение того же самого царя к жителям города Ниппура, в котором тогда находился ассирийский представитель Белибни. К сожалению, этот документ сильно испорчен, что часто затрудняет точную передачу его смысла. По обычаю того времени царское послание начинается торжественным приветствием.

"Слово царя вселенной к Белибни и гражданам города Ниппура, всему народу, старому и молодому. Я пребываю в добром здравии. Да будут ваши сердца по сему случаю преисполнены радости и веселья".

Далее следует изложение самой сущности дела. Речь, по-видимому, идет о поимке главы антиассирийской партии, покинувшего Ниппур после взятия города ассирийскими войсками. «Вы знаете, - пишет царь, - что вся страна разрушена железными мечами Ашура и моими богами, выжжена огнем, вытоптана копытами животных и повержена ниц перед моим лицом. Вы должны захватить всех мятежников, которые ищут ныне спасения в бегстве. Подобно человеку, который у дверей просеивает зерна, вы должны отделить его от всего народа. Вам надлежит занять указанные вам места. Конечно, он изменит теперь свой план побега... Вы не должны никому позволять выходить из ворот города без тщательного обыска. Он не должен уйти отсюда. Если же он каким-либо путем ускользнет через лазейку, то кто позволит ему это сделать, будет строго мною наказан со всем своим потомством. Тот же, кто захватит его и доставит ко мне живым или мертвым, получит большую награду.

Я повелю бросить его на весы, определю его вес и доставившему его мне уплачу количество серебра, равное этому весу...

Прочь всякую медлительность и колебания. Прочь! Я уже писал вам об этом. Вам дано строгое повеление. Следите, чтобы связали его, прежде чем он уйдет из города".

Другим источником для знакомства с ассирийской дипломатией служат тайные донесения царских уполномоченных. Во всех городах "царь вселенной" имел своих людей, которые обычно именовали себя в переписке царскими рабами или слугами. Из этих донесений видно, с каким вниманием ассирийские уполномоченные следили за всем, что происходило в пограничных областях и соседних государствах. О всех замеченных ими переменах: приготовлениях к войне, передвижении войск, заключении тайных союзов, приеме и отправлении послов, заговорах, восстаниях, постройке крепостей, перебежчиках, уgone скота, урожае и пр. они немедленно ставили в известность царя и его чиновников.

Больше всего донесений сохранилось от вышеназванного царского уполномоченного Белибни, находившегося во время военных операций в Вавилоне или Эламе. После разгрома Шамаш-Шумукина многие вавилоняне бежали из опустевшего города в соседний Элам. В числе бежавших находился и внук престарелого вавилонского царя Мардук-Белиддина. Элам становился центром антиассирийских группировок и очагом новой войны. Это сильно беспокоило ассирийского царя, который не решался немедленно открыть военные действия против Элама. С целью выиграть время Ашурбанипал отправил в Элам посольство, старался разжечь раздоры в правящей фамилии, неугодных ему правителей устранил, а на их место ставил своих приверженцев.

Прибыв в Элам, посольство царя Ашура потребовало немедленной выдачи беглецов. Требование было выражено в весьма решительной форме. "Если ты не выдашь мне этих людей, - заявлял царь Ашура, - то я пойду на тебя войной, разорю твои города и уведу их жителей в плен, а тебя свергну с престола и посажу на твое место другого. Я раздавлю тебя так же, как раздавил прежнего царя Теумана, твоего предшественника. Эламский царь (Индабигас) вступил в переговоры с ассирийским царем, но отказался выдать беглецов. Вскоре после этого Индабигас был убит одним из своих военачальников Уммалхалдашем, который провозгласил себя царем Элама. Однако Уммалхалдаш не оправдал доверия Ашурбанипала и вследствие этого был свергнут с престола, а Элам подвергся жестокому опустошению (около 642 г. до нашей эры).

"Я уничтожил моих врагов, жителей Элама, которые не пожелали войти в лоно Ассирийского государства. Я отсек им головы, отрезал губы и переселил в Ашур".

В таких словах Ашурбанипал изобразил свою расправу о эламитам. После изгнания Уммалхалдаша на престол Элама был возведен новый царь Таммарит, поддержанный ассирийским двором. Некоторое время Таммарит успешно выполнял приказы ассирийского царя, но потом неожиданно изменил ему, организовал заговор против Ашурбанипала и перебил царские гарнизоны, стоявшие в Эламе. Это послужило поводом к открытию военных действий между Эламом и Ассирией. Во время этой войны эламский царь был убит, и на политической арене вновь появился Уммалхалдаш. Он захватил город Мадакту и крепость Бет-Имби, но на этом его успехи и закончились. Ашурбанипал, подтянувший свежие силы, взял столицу Элама Сузы, "вступил во дворец эламитских царей и предался в нем отдохновению".

Занятие ассирийскими войсками столицы Элама еще не означало полного покорения страны. Война продолжалась. Враждебные Ассирии элементы сгруппировались около Набу-Бел-Шумата, вавилонского царевича, который находился в Эламе. Поимка мятежного вавилонянина была поручена Ашурбанипалом Уммалхалдашу, который вновь всячески искал сближения с ассирийским царем. В конце концов мятежное движение было подавлено. Набу-Бел-Шумат лишился жизни. После этого Элам утратил политическую самостоятельность и вошел в состав Ассирийского царства.

Все вышеописанные события, связанные с покорением Элама, с мельчайшими подробностями отражены в донесениях Белибни и других проводников ассирийского влияния в Эламе. В 281-м письме (по изданию "Царской корреспонденции Ассирийской империи" Л. Уотермана) Белибни следующим образом описывает положение вещей в Эламе после вступления ассирийских войск. «Царю царей, моему повелителю, твой раб Белибни.

Новости из Элама: Уммалхалдаш, прежний царь, который бежал, затем вернулся, захватил престол и, подняв восстание, покинул город Ма-дакту. Захватив мать, жену, детей и вою свою челядь, он перешел реку Улаи в южном направлении. Он подступил к городу Тагах, его военачальники Умманшибар, Ундаду и все его союзники идут к городу Шухарисун-гур. Они говорят, что намерены поселиться между Хуханом и Хайдалу.

Вся страна вследствие прибытия войск царя царей, моего повелителя, объята великим страхом. Элам как бы поражен чумой. Когда они (мятежники) увидели столь великие бедствия, они впали в ужас. Когда они пришли сюда, вся страна отвернулась от них. Все племена Таххашаруа и Шал-лукеа находятся в состоянии мятежа.

Уммалхалдаш вернулся в Мадакту и, собрав своих друзей, упрекал их такими словами: "Разве я не говорил вам, прежде чем я оставил город, что желаю изловить Набу-Бел-Шумата, которого я должен был выдать царю Ассирии, чтобы он не посылал против нас своих войск? Разве вы не уразумели моих слов? Вы - свидетели сказанного".

И вот, - пишет далее Белибни, - теперь, если будет угодно царю царей, моему господину, пусть он пришлет скрепленную царскими печатями грамоту на имя Уммалхалдаша о поимке Набу-Бел-Шумата и прикажет мне собственноручно передать ее Уммалхалдашу. Разумеется, мой повелитель думает: "Я отправлю тайное послание с приказом схватить его". Но когда прибудет царский посланный в сопровождении вооруженной свиты, проклятый Белом Набу-Бел-Шумат услышит об этом, подкупит царских вельмож, и они его освободят. Поэтому пусть боги царя царей устроят дело так, чтобы мятежник был схвачен без всякого кровопролития и доставлен царю царей". Послание заканчивается заверениями в полной преданности Белибни своему повелителю.

"Я точно выполнил приказ царя царей и делаю все согласно его желанию. Я не иду к нему, так как мой господин не зовет меня. Я поступаю подобно собаке, которая любит своего господина. Господин говорит: "Не ходи близко к дворцу", и она не подходит. Чего царь не приказывает, того и не делаю".

Те же самые средства ассирийцы применяли и в отношении северных государств Урарту и других. В северные страны ассирийцев привлекали железные и медные рудники, обилие скота и торговые пути, которые связывали север с югом и запад с востоком. Ванское царство было наводнено ассирийскими разведчиками и дипломатами, следившими за каждым движением царя Урарту и его союзников. Так, в одном письме Упахир-Бел ставит в известность царя о действиях правителей армянских городов.

"Царю царей, моему повелителю, твой раб Упахир-Бел. Да будет здрав царь. Да пребывают в добром состоянии его семья и его крепости. Пусть сердце царя преисполнится радостью.

Я отправил особою уполномоченного собрать все новости, которые касаются Армении. Он уже вернулся и, по своему обыкновению, сообщил следующее. Враждебно к нам настроенные люди в настоящее время собрались в городе Харда. Они внимательно следят за всем происходящим. Во всех городах до самой Турушпии стоят вооруженные отряды... Пусть мой господин дозволит прислать вооруженный отряд и разрешит мне занять город Шурубубу во время жатвы".

Сходного типа донесение о положении дел в Урарту находим в письме Габбуаны-Ашура. "Царю, моему владыке, твой слуга Габбуана-Ашур. В исполнение твоего повеления относительно наблюдения за народом страны Урарту сообщаю. Мои посланцы уже прибыли в город Курбан. А те, которые должны пойти в Набули, Ашурбелдан и Ашуррисуа готовы отправиться. Имена их известны. Каждый из них выполняет одну определенную задачу. Ничего не упущено, все сделано. У меня имеются такие данные: народ страны Урарту еще не продвинулся за город Турушпию. Нам надлежит быть особенно внимательным к тому, что мне приказал царь. Мы не должны допускать какой-либо небрежности. В шестнадцатый день месяца Таммуза я вступил в город Курбан. В двенадцатый день месяца Аб я отправил письмо царю, моему владыке..."

Другой ассирийский уполномоченный доносит из Урарту о прибытии послов от народа страны Андия и Закария в город Уази. Они прибыли по очень важному делу - поставить в известность жителей этих мест, что ассирийский царь замышляет против Урарту войну. По этой причине они предлагают им вступить в военный союз. Далее указывается, что на военном совещании один из военачальников предлагал даже убить царя Ашура.

Борьба между Ассирией и Урарту продолжалась несколько столетий, но не привела к определенным результатам. Несмотря на ряд поражений и всю изворотливость ассирийской дипломатии, народы Урарту сохранили свою независимость и пережили своего сильнейшего противника - Ассирию.

При Ашурбанипале Ассирия достигает высшей точки своего могущества и включает в себя большую часть стран Переднего Востока. Границы Ассирийского царства простирались от снеговых вершин Урарту до порогов Нубии, от Кипра и Киликии - до восточных границ Элама. Обширность ассирийских городов, блеск двора и великолепие построек превосходили все когда-либо виденное. Ассирийский царь разъезжал по городу в колеснице, в которую были впряжены четыре пленных царя; по улицам были расставлены клетки с посаженными в них побежденными царями. И тем не менее Ассирия клонилась к упадку. Признаки ослабления ассирийской мощи чувствуются уже при Ашурбанипале. Бесперывные войны истощили силы Ассирии. Число враждебных коалиций, с которыми приходилось бороться ассирийским царям, все возрастало. Положение Ашура сделалось критическим вследствие притока новых народов, приходивших с севера и востока, - киммеров, скифов, мидян и, наконец, персов. Ассирия не выдержала напора этих народностей, постепенно утратила свое руководящее положение в международных отношениях Востока и стала добычей новых завоевателей. В VI веке до нашей эры самым сильным государством античного мира становится Персия, вобравшая в себя все страны Древнего Востока.

Вступление Персии на мировую арену открывается широковещательным манифестом "царя стран" Кира, обращенным к вавилонскому народу и жречеству. В этом манифесте персидский завоеватель именует себя освободителем вавилонян от ненавистного им царя (Набонида), тирана и утеснителя старой религии. "Я - Кир, царь мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света... отпрыск вечного царства, династия и владычество которого любезны сердцу Бела и Набу. Когда я мирно вошел в Вавилон и при ликованиях и веселии во дворце царей занял царское жилище, Мардук, великий владыка, склонил ко мне благодарное сердце жителей Вавилона за то, что я ежедневно помышлял о его почитании..."

Персидская держава Ахеменидов представляла собой одно из самых могучих древневосточных политических образований. Влияние ее распространялось далеко за пределы классического Востока как в восточном, так и в западном направлениях.

Что является предметом дисциплины "История дипломатии", каковы проблемы, структура, теоретические основы и периодизация курса?

Методологические основы науки "История древних веков".

Раскройте понятия: "первобытное общество", "рабовладельческий строй", "восточная деспотия", "внеэкономическое принуждение", "товарно-денежное хозяйство", "античный мир".

Приведите основные источники и литературу курса.

Какие вы знаете документы Древневосточной дипломатии XV-XIV в. до н.э.?

Охарактеризуйте содержание Хеттско-египетского соглашения 1278 г. до н.э.

Назовите представителей Ассирийской династии Саргонидов VII-VIII в. до н.э., дайте характеристику периодам их правления.

Тема 2. ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Проксения

Древнейшей формой международных связей и международного права в Греции была "проксения", т.е. гостеприимство. Проксения существовала между отдельными лицами, родами, племенами и целыми

государствами. Проксен данного города пользовался в нем по сравнению с прочими иностранцами известными правами и преимуществами в отношении торговли, налогов, суда и всякого рода почетных привилегий. Со своей стороны про-ксей принимал на себя нравственное обязательство по отношению к городу, где он пользовался гостеприимством, во всем содействовать его интересам и быть посредником между ним и властями своего города. Через проксенов велись дипломатические переговоры; приходившие в город посольства обращались прежде всего к своему проксену.

Институт проксении, получивший в Греции очень широкое распространение, лег в основу всех последующих международных связей древнего мира.

Все чужестранцы, проживавшие в данном городе, даже изгнанники, состояли под покровительством божества - Зевса-Ксения (гостеприимца).

Амфиктионии

Столь же древним международным институтом были и «амфиктионии». Так назывались религиозные союзы, возникавшие возле святилища какого-либо особо чтимого божества. Как показывает само наименование, в эти союзы входили племена, которые жили вокруг святилища (амфик-тионы - вокруг живущие), вне зависимости от их родственных отношений. Первоначальной целью амфиктионии были общие жертвоприношения и празднества в честь почитаемого божества, защита храма и его сокровищ, накопившихся от частных и общественных приношений, а также наказание святотатцев - нарушителей священных обычаев.

В случае надобности собравшиеся на празднества совещались по общественным делам, представлявшим интерес для всех членов данной амфиктионии. Во время празднеств запрещалось вести войны и провозглашался "божий мир" (иероме-мия). Таким образом, амфиктионии превращались в религиозно-политический институт международного характера.

Договоры и союзы

Третьим видом международных связей Греции служили договоры и военно-политические союзы - «симмахии». Из них самыми значительными были Лакедемонская и Афинская (Делосская) симмахии.

Лакедемонская симмахия образовалась в VI столетии до нашей эры как союз городов и общин Пелопоннеса. Во главе союза стояла Спарта. Высшим союзным органом было общесоюзное собрание (силлогос), созываемое городом-гегемоном (Спартой) один раз в год. Все города, входившие в союз, имели в нем по одному голосу, вне зависимости от их величины и значения. Дела решались по большинству голосов, после долгих прений и всяческих дипломатических комбинаций.

Другим крупным союзом эллинских городов была Афинская, или Делосская, симмахия, во главе которой стояли Афины. Делосская симмахия образовалась во время греко-персидских войн для борьбы с персами. Делосская симмахия отличалась от Лакедемонской двумя чертами: во-первых, входившие в нее союзники платили особый взнос (форос) в общественную казну на Делосе; во-вторых, они более зависели от своего гегемона - Афин. С течением времени Делосская симмахия превратилась в афинскую державу (архэ).

Отношения между обеими симмахиями с самого начала были враждебными. В конце концов, во второй половине V века это привело к общегреческой Пелопоннесской войне.

Дельфийско-Фермопильская Амфиктионии.

Амфиктионии в Древней Греции существовало много. Самой древней и наиболее влиятельной из них была Дельфийско-Фермопильская амфик-тиония. Она образовалась из двух амфиктионии: Дельфийской при храме Аполлона в Дельфах и Фермопильской при храме Деметры. В Дельфийско-Фермопильскую амфиктионию входило 12 племен. Из них каждое имело по два голоса.

Верховным органом амфиктионии было общее собрание. Оно созывалось два раза в год, весной и осенью, в Фермопилах и Дельфах. Решения общего собрания были обязательны для всех амфиктионов. Уполномоченными лицами собрания, фактически руководившими всеми делами, были иеромнемоны, назначаемые государствами по числу голосов амфиктионии, т.е. в количестве 24. Одной из главнейших обязанностей иеромнемонов было соблюдение "божьего мира" и устройство религиозных празднеств.

В конце V и IV веков до нашей эры появляется еще новая коллегия - "пилагоров". Через посредство пилагоров и иеромнемонов входившие в состав амфиктионии города приносили друг другу клятвы и принимали на себя известные обязательства по отношению к амфиктионам. Дельфийско-Фермопильская амфиктиония представляла значительную политическую силу, оказывавшую большое влияние на международную политику Греции. В руках Дельфийско-Фермопильской амфиктионии сосредоточивалась и светская и духовная власть. Дельфийские жрецы объявляли и прекращали войну, назначали и смещали общих правителей, входивших в амфиктионию. Иеромнемоны считались провозвестниками воли Аполлона. Согласно преданию, у дельфийских жрецов имелись "тайные книги", в которых содержались древние предсказания. Читать их разрешалось только тем, кто признавался потомком самого Аполлона, т.е. жрецам и царям.

Могущественным орудием в руках греческого жречества были священные войны, которые оно направляло против всех, причинявших какой-либо ущерб святилищу Аполлона. В священной войне должны были принимать участие все члены амфиктионии, связанные присягой. Текст этой присяги гласил: "Не разрушать никакого города, принадлежащего амфиктионии; не отводить воды ни во время мира, ни во время войны; общими силами выступать против всякого нарушителя присяги, разорять его город; наказывать всеми средствами, имеющимися в распоряжении, всякого, дерзнувшего нарушить достояние бога рукой или ногой".

Все политические договоры, прямо или косвенно, утверждались дельфийским жречеством. По всем спорным вопросам международного права тяжущиеся стороны обращались в Дельфы. Сила жречества заключалась не только

в его духовном, но и в материальном влиянии. Дельфы располагали огромными капиталами, образовавшимися из взносов городов, от доходов с массы паломников, от храмовых ярмарок и ростовщических сделок. Все это объясняет ту страстную борьбу, которая велась между греческими государствами за влияние и голоса в Дельфийской амфикионии в V-IV веках до нашей эры.

Послы и посольства

Возникавшие между общинами и полисами конфликты разрешались при посредстве специальных уполномоченных лиц, или послов. В гомеровской Греции они назывались вестниками (керюкс, ангелос), в классической Греции - старейшинами (пресбейс).

В государствах Греции, как, например, в Афинах, Спарте, Коринфе и др., послы избирались Народным собранием из лиц почтенного возраста, не моложе 50 лет. Отсюда и происходит термин "старейшины". Обычно послы избирались из состоятельных граждан, пользовавшихся авторитетом, имевших прокшенов в других городах, степенных, рассудительных и красноречивых. Чаще всего посольские поручения давались архонтам данного города и в особенности архонту-полемарху (военачальнику).

Известны случаи, когда послами назначали актеров. Актером, например, был знаменитый оратор Эсхин, представлявший афинское государство у македонского царя Филиппа II. Избрание актеров для выполнения высокой и почетной миссии посла находило свое объяснение в большом значении, какое в античных обществах имели красноречие и декламация. Искусство актера придавало большой вес и убедительность словам делегата, выступавшего на многолюдном собрании, на площади или в театре.

Число членов посольства не было установлено законом: оно определялось в зависимости от условий данного момента. Все послы считались равноправными. Лишь позже вошло в обычай выбирать главного посла - «архистарейшину», председателя посольской коллегии. На содержание послов за время их полномочий отпускались некоторые денежные суммы ("дорожные деньги"). К послам назначался определенный штат прислуги. При отправлении им давались рекомендательные письма (символа) к проксенам города, в который выезжало посольство. Цель посольства определялась вручаемыми старейшинами инструкциями, написанными на грамоте, состоявшей из двух сложенных вместе листов. Отсюда и происходит самый термин «дипломатия».

Инструкции служили основным руководством для послов. В них указывалась цель посольства, однако в пределах данных инструкций послы пользовались известной свободой и могли проявлять собственную инициативу.

Послы, прибывшие на место своего назначения, одни или вместе с проксеном направлялись к должностному лицу данного города, ведавшему дипломатическими делами. Они предъявляли ему свои грамоты и получали от него соответствующие указания и советы.

В ближайшие после регистрации дни (в Афинах обычно через пять дней) послы выступали в Совете или Народном собрании с объяснением цели своего прибытия. После этого открывались публичные дебаты или же дело передавалось на рассмотрение специальной комиссии.

Как правило, к иностранным послам относились с почтением, обеспечивали им хороший прием, предлагали подарки, приглашали на театральные представления, игры и празднества. По возвращении в родной город члены посольства отдавали отчет в Народном собрании о результатах своей миссии. В случае одобрения им выдавались почетные награды. Самой высокой из них был лавровый венок с приглашением на следующий день обедать в притани, особом здании близ Акрополя, в котором обедали почетные гости государства. Каждому гражданину предоставлялось право при отчете посла высказывать свое мнение и даже выступать против посла с обвинениями.

Одной из главных обязанностей послов в Греции, как и вообще в античных государствах, было заключение союзов с другими государствами и подписание договоров. На договор в древнем мире смотрели, как на нечто магическое. Нарушение договора, по суеверному убеждению людей древности, влекло за собой божественную кару. Поэтому заключение договоров и ведение дипломатических переговоров в Греции были обставлены строгими формальностями. Договорные обязательства скреплялись клятвами, призывавшими в свидетели сверхъестественную силу, якобы освятившую подписанный договор. Клятвы давались обеими сторонами в присутствии магистратов того города, где подписывался договор. К клятве присоединялось еще проклятие, падавшее на голову нарушителя договора.

Возникавшие на почве нарушения договора споры и столкновения передавались на рассмотрение третейской комиссии. Она налагала на виновников нарушения денежные пени, которые вносились в казну какого-либо божества - Аполлона Дельфийского, Зевса Олимпийского и др. Из надписей известны такие взыскания, равнявшиеся десяти и более талантам, что в то время составляло очень крупную сумму. В случае упорного нежелания подчиняться требованиям третейского суда против непокорных городов предпринимались принудительные меры, до священной войны включительно.

После принятия соглашения каждой стороне вменялось вырезать текст договора и клятвы на каменном столбе-стеле и хранить в одном из главных храмов (в Афинах - в храме Афины Паллады на Акрополе). Копии наиболее важных договоров хранились в национальных святилищах - Дельфах, Олимпии и Делосе. Договоры писались на нескольких языках, по числу договаривающихся сторон. Один текст обязательно поступал в государственный архив. В случае разрыва дипломатических отношений и объявления войны стела, на которой был вырезан договорной текст, разбивалась, и тем самым договор расторгался.

Международные связи Древней Греции. Что такое "проксения" и "амфикиония"?

Дайте характеристику Дельфийско-фермопильской амфикионии в Греции.

Как назначались послы в Древней Греции: социальное положение, возраст, способности, внешность.

Тема 3. ЗАРОЖДЕНИЕ ДИПЛОМАТИИ В ГОМЕРОВСКОЙ ГРЕЦИИ (XII-VIII века до н.э.)

В своем историческом развитии Древняя Греция, или Эллада, прошла ряд сменявших друг друга общественных укладов. В гомеровский период эллинской истории (XII-VIII века до нашей эры), в условиях складывающегося рабовладельческого государства еще сохранялся родовой строй. Для Греции классического периода (VIII-IV века до нашей эры) характерным типом политического образования являлись города-государства, по-гречески "полисы". Между этими самодовлеющими мирками возникали самые разнообразные формы международных связей.

Своими корнями международное право и дипломатия Греции уходят далеко в глубь веков. Зачатки международных связей выступают уже в "Илиаде" в виде межплеменных соглашений: глава Аргоса и "златом обильных" Микен Агамемнон склоняет военачальников—князей других ахейских городов - к походу на Трои. Вожди совещаются, принимают общее решение и отправляются в дальний поход. Агамемнон от имени всех ахейцев заключает договор с Приамом, царем Трои. Договор скрепляется клятвами, обращением к богам, принесением жертвы и распределением жертвенного мяса между предводителями ахейских и троянских дружин.

Нарушение договора рассматривалось как клятвопреступление. Перед началом войны ахейские послы отправляются в Трои с требованием возвращения похищенной Парисом Елены.

Троянский глашатай вручает предложение о мире Ахейскому собранию. В собрании эти предложения подвергаются всестороннему обсуждению всего народа.

Приведенные примеры показывают, что в гомеровской Греции уже существовали в зародыше те дипломатические связи, которые впоследствии развились в обширную систему международных отношений.

Периклов проект созыва панэллинского мирной о конгресса (448 г. до нашей эры)

В Греции классического периода центры международной жизни раньше всего сложились в богатых приморских юрдах Малой Азии (Ми-лет, Эфес, Галикарнас), на Эгейских островах и Балканском полуострове (Афины, Коринф, Спарта). В Афинах оживленные дипломатические отношения начинаются со времени тирании Пизистрата (VI век до нашей эры) и в особенности с греко-персидских войн (V век до нашей эры).

Греко-персидские войны (500-449) между Персией и древнегреческими городами-государствами, отстаивавшими свою независимость, завершилась победой греков. Персия лишилась владений в Эгейском море, на побережьях Геллеспонта и Боспора, признала политическую независимость полисов Малой Азии.

490 до н.э., 13 сентября Марафонская битва. Афиняне и платейцы (9-10 тыс. человек) под командованием стратега Митьтиада одержали крупную победу над персидскими войсками.

480-479 до н.э. Поход персидского царя Ксеркса Первого в Грецию. В походе участвуют до 150 тыс. чел. пехоты, несколько дес. тыс. кавалерии и флот в составе более 1000 кораблей.

480 до н.э. Сражение у Фермопил. 300 спартанцев во главе с царем Леонидом стойко обороняют горный проход Фермопилы от персов и все погибают в неравном бою.

480 до н.э., 28 сентября. Сражение у острова Саламин. Греческий флот (350-380) кораблей под командованием Эврибиада, действуя по плану афинского стратега Фемистокла, разгромил персидский флот свыше 1000 кораблей под командованием царя Ксеркса.

479 до н.э. В сражении при Платее победила объединенная армия греческих полисов (70-80 тыс. чел.). Почти одновременно в морском сражении у мыса Микале потерпел новое поражение персидский флот.

469 до н.э. Греческий флот во главе с афинским полководцем Кимоном в устье реки Эвримедонт уничтожил персидский флот, а затем греки высадились и вступили в бой с персидскими войсками на суше. Победа греческих войск привела к освобождению греческих городов-полисов в Малой Азии.

465-424 до н.э. Правление персидского царя Артаксеркса Долгорукого. Заключил с Афинами Кадиев мир (449), зафиксировавший поражение персов в Греко-персидских войнах.

Все крупные государственные деятели Греции были в то же время и дипломатами. Дипломатами были Пизистрат, Фемистокл, Аристид, основатель Делосской симмахии, Кимон и в особенности Перикл. При Перikle начались серьезные трения между Афинами и Спартой из-за гегемонии в эллинском мире. Следствием этого была война между Афинами и Спартой, окончившаяся Тридцатилетним миром (445 г. до нашей эры). Этот мир закрепил в Греции систему политического дуализма. В своем стремлении к гегемонии обе стороны, воздерживаясь до поры до времени от агрессивных действий, старались усилить свое влияние дипломатическим путем.

В 448 г. до нашей эры глава афинского государства Перикл выступил с предложением созыва в Афинах панэллинского (общегреческого) конгресса. На конгрессе предполагалось разрешить три вопроса, волновавшие всех греков: о восстановлении разрушенных персами храмов, обеспечении свободного морского плавания и упрочении мира во всей Элладе. Одновременно созывом конгресса Перикл рассчитывал содействовать превращению Афин в политический и культурный центр всей Эллады.

Для осуществления этого проекта из Афин было отправлено посольство в составе 20 человек во все греческие города с приглашением прислать своих представителей на предстоящий конгресс. Депутация разделилась на четыре части. Одни отправились в малоазиатские города и острова; другие - на берега Геллеспонта и Фракии; третьи - в Беотию и Фокиду, четвертые - в Пелопоннес. Афинские послы убеждали граждан каждого города принять приглашение своих представителей на конгресс в Афины. Предложение Перикла не нашло отклика. Особенно сильное сопротивление оказали пелопоннесцы из боязни усиления Афин.

Дипломатическая борьба в эпоху Пелопоннесской войны (431-404 гг. до нашей эры)

Усиление Афин, нарушавшее систему политического дуализма в пользу Афин, послужило причиной

Пелопоннесской войны (431-404 гг. до нашей эры). Пелопоннесская война обострила все внутренние и внешние противоречия эллинского мира. Для всевозможных дипломатических комбинаций открывалось самое широкое поле.

Открытие военных действий предшествовала ожесточенная дипломатическая борьба, продолжавшаяся целых пять лет (436-431 гг. до нашей эры). В ней приняли участие все греческие государства, которые входили в Лакедемонскую и Афинскую симмахии.

Ближайшим поводом к войне послужил эпидамнекий инцидент. То было столкновение чисто местного значения, возникшее на почве географической тесноты эллинского мира. Вскоре, однако, местный спор перерос в конфликт общегреческого значения. Канва событий такова. В богатом и многолюдном городе Эпидамне (современный Дураццо), колонии острова Керкиры на западном берегу Греции, в 436 г. до нашей эры произошло столкновение демократов с олигархами. Последние призвали себе на помощь соседей-варваров. Теснимые противниками, эпидамнекие демократы, не получая помощи от Керкиры, своей метрополии, отправили посольство в Дельфы за советом, не передать ли им своего города Коринфу, оспаривавшему права у Керкиры на Эпидамн. Дельфийское жречество высказалось за такое решение.

Тогда керкиряне со своей стороны отправили посольство в Коринф с требованием передать вопрос об Эпидамне на решение третейского суда. Не получив определенного ответа от Коринфа, поглощенного подготовкой к войне, керкиряне отправили посольство в Афины, прося принять их в Афинскую симмахию и признать их право на Эпидамн. Керкирские послы доказывали афинянам, что если Керкире не будет оказана помощь, они вынуждены будут подчиниться коринфянам. Тогда Афинам придется сражаться с двумя сильнейшими морскими державами Греции - Коринфом и Керкирой.

Вслед за посольством Керкиры в Афины прибыло и коринфское посольство. Оно обвиняло керкирян в наглости и корыстолюбии и протестовало против принятия их в Афинскую симмахию. Афиняне решили не принимать керкирян в свою симмахию, а заключить с ними лишь оборонительный союз. Формально они не нарушали условий Тридцатилетнего мира, который запрещал одной симмахии расширяться за счет другой. Вступая с керкирянами в дружественный союз, Афины рассчитывали достигнуть сразу двух целей: 1) посеять вражду между двумя сильнейшими в то время морскими державами Греции - Керкирой и Коринфом - и тем самым ослабить этих главных своих противников и 2) укрепиться в важнейших гаванях на западном торговом пути в Италию и Сицилию.

Расчеты Афин на поединок Керкиры и Коринфа оправдались. В разразившейся Керкиро-коринфской войне обе воюющие стороны были обессилены. Но военная помощь, оказанная Афинами Керкире, вызвала протест Пелопоннесского союза по поводу нарушения Афинами договора 445 г.

К этому присоединился и второй конфликт между пелопоннессцами и афинянами - из-за колонии Потидеи на Халкидском полуострове. На Потидею имели виды и афиняне и коринфяне. На сторону последних стал и македонский царь Пердикка. Он был обижен на афинян за их союз с его братом и врагом Филиппом и поднял против афинян пограничные племена. Воспользовавшись этим случаем, большая часть городов Халкидского полуострова восстала против афинян. Однако отправленная Афинами эскадра в 30 кораблей разбила войска потидеян и коринфян и положила конец восстанию.

После этого коринфяне, потидеяне и Пердикка направили посольства в Спарту с требованием немедленного созыва общесоюзного совещания (сил-логос) по поводу нарушения Афинами договора 445 г. Этот протест поддержали и другие греческие города, недовольные Афинами. В результате в 432 г. в Спарте было созвано совещание всего Пелопоннесского союза.

Союзная конференция в Спарте (432 г. до нашей эры)

Совещание 432 г. было настоящей дипломатической конференцией. На ней резко столкнулись интересы ряда греческих государств. Прения носили бурный характер. Первыми выступили коринфские делегаты. Они обрушились на своего гегемона Спарту. Заинтересованные в немедленном открытии военных действий против Афин, они обвиняли спартанцев в бездеятельности, медлительности и неосведомленности в общегреческих делах. "Вы, - говорили коринфские представители спартанцам, - отличаетесь рассудительностью, но вы плохо знаете, что творится за пределами вашей страны". Другое дело - афиняне. Осведомленностью, быстротой и сообразительностью они далеко опередили всех остальных греков. Благодаря этому они одну часть греков уже поработили, а другую намерены покорить в скором времени. "Афиняне всегда на словах выступают против войны; на самом же деле они усиленно к ней готовятся".

Коринфяне делали вывод о необходимости создания антиафинской коалиции и немедленного открытия военных действий против Афин, похитивших греческую свободу. С ответом на речь коринфян выступили афинские делегаты.

В высшей степени искусно построенная аргументация афинских послов разворачивалась по двум линиям. С одной стороны, они доказывали, что гегемонию в эллинском мире и среди варваров афиняне приобрели не насилием и интригами. Они достигли ее вполне законным путем во время национальной войны с персами, проявив в защите общегреческих интересов "величайшее рвение и отвагу".

Приходится удивляться не тому, говорили послы, что Афины занимают руководящее положение в эллинском мире. Удивительно то, что при такой мощи они столь умеренно пользуются своими преимуществами и проявляют больше справедливости, чем это вообще свойственно человеческой природе. "Мы полагаем, что всякий другой на нашем месте лучше всего показал бы, насколько мы умеренны".

Афинские делегаты предлагали Союзному собранию учесть, с каким могущественным государством предстоит борьба членам Пелопоннесского союза, коль скоро они склонятся к решению предпочесть миру войну. "Подумайте, сколь велики неожиданности войны. Не принимайте на себя ее тяжелого бремени в угоду чужим замыслам и

притязаниям. Не нарушайте договора и не преступайте данной вами клятвы".

После этого все союзные послы покинули собрание. Оставшись одни, спартанцы стали обсуждать вопрос в закрытом совещании, взвешивая доводы за и против немедленного объявления войны Афинам. Мнения самих спартанских представителей по этому вопросу разделились.

Первым выступил царь Архидам. "Человек рассудительный и благоразумный", он высказался за осторожную политику. Исходя из чисто военных соображений, Архидам советовал не доводить дела до вооруженного конфликта с первоклассной морской державой - Афинами, при недостаточности союзнического флота. "Не следует, - говорил он, - ни проявлять слишком много военного задора, ни обнаруживать излишней уступчивости. Нужно умело устраивать собственные дела, заключая союзы не только с греками, но и с варварами. Главное, всеми способами необходимо увеличивать свою денежную и военную мощь".

Против Архидама выступил эфор Сфенелаид. Он предлагал голосовать за немедленное объявление войны. Только быстрым налетом, полагал он, можно захватить Афины врасплох и выполнить свой долг перед союзниками. По окончании речи Сфенелаид поставил вопрос на голосование уполномоченных государств, которые присутствовали на конференции. Большинство высказалось за предложение эфора, признав, что мирный договор 445 г. нарушен Афинами и что неизбежным следствием этого нарушения является война.

Таким образом, усилия дипломатов не предотвратили Пелопоннесской войны. Однако они оказали существенное влияние как на ее подготовку, так и на все последующее течение событий. Во всяком случае, благодаря дипломатии общегреческая катастрофа была отсрочена на целых пять лет.

Война распадается на три периода.

431 год до н.э. Начало Пелопоннесской войны - крупнейшей в истории Древней Греции войны между союзами полисов - Делосским во главе с Афинами и Пелопоннесским во главе со Спартой. Пелопоннесская война охватила Грецию и греческие города Южной Италии и Сицилии.

421 г. до н.э. Первый 10-летний период войны (Архидамова война) завершен Никиевым мирным договором на 50 лет. Договор предусматривал восстановление довоенного статус-кво, взаимный возврат территорий и обмен военнопленными.

Никиев мир (421 г. до нашей эры)

Обмен посольствами продолжался и после объявления войны. Разница состояла лишь в том, что переговоры велись воюющими странами "без глашатаев", т.е. полуофициальным путем. В 423 г. обессиленные войной противники пришли к соглашению и заключили перемирие, завершившееся так называемым Никиевым миром 421 г. Текст Никиева мира интересен как образец дипломатических документов античной Греции. В передаче Фукидида текст договора гласит: "Настоящий договор заключили афиняне и лакедемоняне с союзниками на следующих условиях, утвержденных клятвами каждого города... Да не позволено будет лакедемонянам с их союзниками братья за оружие с целью нанесения вреда афинянам и их союзникам, ни афинянам с их союзниками - для нанесения вреда лакедемонянам и их союзникам, какими бы то ни было способами".

Далее определялись права городов, возвращаемых лакедемонянами афинянам и обратно. Эти города объявлялись независимыми. "Городам, - гласил подписанный текст договора, - быть независимыми, пока они уплачивают дань, установленную Аристидом. Да не позволено будет по заключении договора ни афинянам, ни их союзникам братья за оружие во вред городам".

Вторым центральным пунктом Никиева мира был вопрос о возвращении захваченных территорий и об обмене военнопленными. В последнем были больше всего заинтересованы спартанцы, которые потеряли в сражении при Сфактерии свой отборный корпус.

"Лакедемоняне и союзники обязуются возвратить афинянам Панакт, афиняне лакедемонянам - Корифаси... и всех лакедемонских граждан, содержащихся в заключении в Афинах или в какой-либо другой части Афинского государства, а равно и всех союзников... Также и лакедемоняне с их союзниками обязуются возвратить всех афинян и их союзников". Особой статьей были оговорены права Дельфийского храма.

Договор заключался на 50 лет. Он должен был соблюдаться заключившими его сторонами "без коварства и ущерба на суше и на море" и скреплялся присягой: "буду соблюдать условия и договор без обмана и по справедливости". Присягу условлено было возобновлять ежегодно и в каждом городе отдельно. В конце договора имелась оговорка, которая позволяла в случае нужды вносить в текст необходимые изменения. Договор входил в силу за шесть дней до конца месяца Ела-феболиона. В конце следовали подписи лиц, заключивших договор.

В том же году между Афинами и Спартой было заключено еще одно характерное для рабовладельческих государств "дружественное соглашение". Оно предусматривало взаимопомощь обеих сторон в случае нападения какой-либо третьей державы или восстания рабов, которые всеми без исключения правительствами античных государств признавались опасной силой. В этом сказался вполне определившийся рабовладельческий характер греческого государства того времени. На Древнем Востоке в известном договоре Рамсеса II с Хаттусишем III также предусматривалась взаимная помощь двух царей в случае внутренних восстаний. Но там имелись в виду мятежные выступления подвластных племен. Здесь, в Греции периода Пелопоннесской войны, Афины и Спарта заключают соглашение о взаимной интервенции против класса рабов. Несмотря на свою политическую борьбу, они оказываются солидарными перед лицом враждебного класса рабов, выступления которых угрожали основам античного рабовладельческого строя.

420-413 г. до н.э. Второй период Пелопоннесской войны (Сицилийская война). Адкивиад, племянник Перикла и ученик Сократа, создает (420) коалицию Пелопоннесских полисов (Аргос, Мантиней, Элея), которая при поддержке Афин выступила против Спарты. Войска коалиции разбиты при Мантинее (418). Весной 415 г. афиняне предприняли экспедицию в Сицилию, но попытка штурмовать Сиракузы успеха не имела. Афинский

флот разбит и сожжен в сиракузской Гавани, а отступившее вглубь острова войско окружено и разгромлено. В 413 г. Афины направили в Сиракузы дополнительные силы, однако успеха не имели. Военная авантюра Афин потерпела крах.

Через несколько лет вооруженный конфликт между Афинами и Спартой возобновился и принял чрезвычайно широкие размеры. Исходным моментом второго периода Пелопоннесской войны послужила военная экспедиция Афин в Сицилию (415 г. до нашей эры). Посылка этой экспедиции была серьезной ошибкой афинской дипломатии, предварительно не изучившей политического состояния Сицилии и слепо доверившейся сообщениям сицилийских посольств, которые прибыли в Афины просить помощи против Сиракуз.

Сицилийская катастрофа имела своим последствием государственный переворот в Афинах (411 г. до нашей эры) и глубокие изменения в международных отношениях греческого мира. "Вся Эллада пришла в сильное возбуждение ввиду тяжелого поражения Афин". Каждое государство спешило объявить себя врагом Афин и примкнуть к антиафинской коалиции. Все враги Афин, замечает Фукидид, были убеждены, что "дальнейшая война будет кратковременной, а участие в ней почетным и выгодным".

Дружественный договор Спарты с Персией (412 г. до нашей эры)

Однако враги Афин скоро убедились, что могущественная Афинская республика даже и после сицилийской катастрофы продолжает сохранять свою морскую мощь. Победить Афины можно было лишь при наличии большого флота, которого ни Спарта, ни союзники не имели. Постройка же флота предполагала наличие богатой казны, которой также не обладали ни Спарта, ни ее друзья. Единственный выход из создавшегося положения антиафинская коалиция видела в том, чтобы обратиться за денежной помощью к персидскому царю Дарию II.

Царь охотно принял на себя роль международного банкира. Дарий считал создавшееся положение как нельзя более благоприятным для восстановления своего могущества в Эгейском море и Малой Азии. В качестве дипломата персидского царя в эти годы выступал человек незаурядных способностей - Тиссаферн, царский наместник (сатрап) в Приморской области, в которую входили греческие города.

По предложению Тиссаферна в Спарту было отправлено сразу два посольства: от островных греков, которые отпали от Афинского союза, и от самого Тиссаферна. Оба посольства предложили лакедемонянам мир и союз. Тиссаферн надеялся достичь сразу двух целей: ослабить Афины и при поддержке Спарты обеспечить более регулярное поступление дани царю от подвластных ему греческих городов Малой Азии. Имея за своей спиной Афины, малоазиатские греки уплачивали дань крайне неаккуратно и притом постоянно грозили отпадением. Кроме того, при поддержке Спарты Тиссаферн рассчитывал наказать своих врагов, проживавших в Греции.

В результате недолгих переговоров в 412 г. в Лакедемонии был заключен союз между Спартой и Персией на выгодных для царя условиях. Согласно этому договору, персидскому царю передавались "вся страна и все города, какими ныне владеет царь, и какими владели его предки". По другой статье, все подати и доходы указанных стран и городов, которые до тех пор получали Афины, отныне передавались персидскому царю. "Царь, лакедемоняне и их союзники обязуются общими силами препятствовать афинянам взимать эти деньги и все остальное". Следующая статья гласила, что войну против Афин должны вести сообща царь, лакедемоняне и их союзники. Прекращена война может быть только с общего согласия всех участников договора, т.е. царя и Спартанской симмахии. Всякий, кто восстанет или отложится от царя, Спарты или союзников, должен считаться общим их врагом. Текст договора был скреплен подписями Тиссаферна от имени Персии и Халкидеем, спартанским навархом (начальником морских сил), от имени Спарты.

Договор 412 г. был навязан Спарте ее безвыходным положением. Он вскоре вызвал недовольство самих спартанцев, потребовавших его пересмотра. С другой стороны, и Тиссаферн не вполне точно соблюдал принятое им на себя обязательство - выплачивать содержание лакедемонским морякам.

413-404 г. до н.э. Заключительный период Пелопоннесской войны (Декалейская война).

Начался захватом спартанцами Декалеи в 22 км от Афин. Две победы нового афинского флота при Абидосе (410), но затем поражение у мыса Но-тия (407). Морская победа афинян при Аргинусских островах у берегов Малой Азии (406), затем поражение при Эгоспотамах (405). Афины, окруженные спартанцами с суши и моря, капитулировали (404). По условиям мира Делосский союз распускается. Признается гегемония Спарты в греческом мире. В Афинах устанавливается олигархический режим тридцати тиранов.

Начались новые переговоры. В результате между спартанцами и персами был заключен договор в городе Милете. По сравнению с прежним соглашением Милетский договор был более выгоден для Спарты. Царь подтвердил свое обязательство поддерживать и оплачивать войско Лакедемонского союза, находящееся на персидской территории.

Впрочем, и этот договор не мог вполне удовлетворить лакедемонян, ибо они претендовали на общегреческую гегемонию. Притом в силе оставалась весьма растяжимая статья, передававшая царю все города и все острова, какими владел не только он сам, но и его предки. "По смыслу этой статьи, - говорит Фукидид, - лакедемоняне вместо обещанной всем эллинам свободы вновь наложили на них персидское иго".

Требование Спарты устранить эту статью вызвало гнев Тиссаферна. Персидского сатрапа уже начинал беспокоить твердый тон спартанских дипломатов. С этого времени персидская дипломатия делает поворот от Спарты в сторону Афин, своего недавнего врага.

Система политического дуализма Алкивиада

Советником Тиссаферна был афинянин Алкивиад. В это время он состоял на спартанской службе, но тяготился тамошними порядками и подготовлял почву для своего возвращения в Афины. Алкивиад советовал Тиссаферну вернуться к исконной дипломатии восточных царей: поддерживать в греческом мире систему политического дуализма и, таким образом, не допускать чрезмерного усиления ни одного из греческих госу-

дарств. Если, говорил Алкивиад, господство на суше и на море в Греции будет сосредоточено в одних руках, царь не будет иметь себе союзника в греческом мире. Вследствие этого, в случае обострения отношений с греками, он будет вынужден вести войну один с большими расходами и риском. Гораздо легче, дешевле и безопаснее для царя предоставить эллинским государствам истощать друг Друга.

С точки зрения интересов персидской политики, в данный момент целесообразнее было поддерживать не спартанцев, а афинян. Диктовалось это тем соображением, что афиняне стремились подчинить себе лишь часть моря, предоставляя в распоряжение царя и Тиссаферна всех прочих эллинов, живущих на царской территории. Между тем, в случае перехода гегемонии к Лакедемонскому союзу, спартанцы не только освободили бы эллинов от афинского гнета, но, весьма вероятно, пожелали бы также освободить их и от персидского ига. Из всего этого Алкивиад делал практический вывод: не торопиться с окончанием войны, истощить афинян до последней степени, а потом, соединившись с ними, разделаться также и с пелопоннесцами. Первым шагом к этому должно было явиться уменьшение жалования пелопоннесским морякам, по крайней мере, наполовину.

Алкивиад своей политикой преследовал прежде всего личные цели. Он мечтал вернуться в Афины и заменить демократический строй республики олигархией. Достигнуть этого он и его друзья надеялись при помощи Тиссаферна и царской казны. Предательская деятельность Алкивиада достигла своей цели. Персия стала оказывать поддержку Афинам против Спарты.

После смерти Алкивиада афинскому стратегу Конону удалось организовать в 395 г. до нашей эры антиспартанскую коалицию в составе Афин, Коринфа, Фив и других городов. Началась долгая и ожесточенная Коринфская война (395-387 гг. до нашей эры). В результате ее гегемония Афин возродилась, зато Спарта была вконец разорена и истощена.

Анталкидов мир (387 г. до нашей эры)

Победы Конона оживили Афины. Экономическая и политическая жизнь Афинского союза возрождалась. Между Афинами и Пиреем были сооружены новые укрепления (Длинные стены). Афинская рабовладельческая демократия с ее стремлением к панэллинской гегемонии подняла голову. Возрождение демократических Афин пугало не только спартанцев. Оно тревожило и персидских сатрапов и самого персидского царя, склонного скорее поддерживать спартанских олигархов, чем Афинскую республику с ее демократическими порядками. С этого времени между спартанцами и афинянами возобновляется яростная борьба за влияние на персидского царя. Спартанцы отправили к персидскому сатрапу Тирибазу посольство во главе с Анталкидом. Этому хитрому и ловкому дипломату было поручено любой ценой добиться заключения мира между персидским царем и лакедемонянами. Афиняне и союзники со своей стороны снарядили посольство к тому же Тирибазу. Анталкид предлагал мирные условия, приемлемые как для царя, так и для лакедемонян. "Лакедемоняне, - говорил он, - не оспаривают у царя греческих городов, которые находятся в Малой Азии. С них достаточно того, чтобы прочие юрода получили автономию. Раз мы согласны на эти условия, чего ради царь станет воевать с нами и расходовать деньги?" Тирибаз пришел в восторг от речей Анталкида. Но против предложения спартанского дипломата решительно восстали афиняне и фиванцы. Они рассматривали требование автономии городов как коварный маневр, направленный к уничтожению всех военно-политических союзов в Греции.

Тем не менее, дипломатический маневр Анталкида увенчался успехом. Обе стороны, истощенные борьбой, вынуждены были согласиться на условия, продиктованные царем Артаксерксом. Тирибаз объявил, чтобы все желающие немедленно прибыли к нему, чтобы выслушать присланные персидским царем условия мира. По прибытии посланцев Тирибаз, указывая на царскую печать, удостоверявшую подлинность документа, прочел следующее: "Царь Артаксеркс полагает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Малой Азии, а из островов - Клазомены и Кипр. Всем прочим городам, большим и малым, должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые попрежнему остаются во власти Афин". Такими были условия знаменитого царского, или Анталкидова, мира (387 г.), который узаконивал политическую раздробленность, а следовательно, и слабость Греции. В конце мирного текста имелась многозначительная приписка: "Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ней государствам окажу поддержку кораблями и деньгами".

Какие периоды своего развития прошла Древняя Греция? Главные черты классического периода Древней Греции в VIII-IV в. до н.э.

Что стало причиной Пелопонесской войны?

Чем закончились политические противоречия между Афинами и Спартой?

Тема 4. ГРЕЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В МАКЕДОНСКО-ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Филократов мир (346 г. до нашей эры)

Анталкидов мир явился торжеством персидской политики, которая ставила своей целью раздробление Греции и ослабление как спартанской, так и афинской гегемонии. Но в недрах самой Греции уже развивался противоположный централистический процесс. Носителем этой тенденции стало Македонское царство. При царе Филиппе II (359-336 гг. до нашей эры) Македония превратилась в одно из сильнейших государств Эгейского бассейна, которое подчиняло своему влиянию одну греческую область за другой. Этой судьбы не миновали и Афины.

Подчинение греческих государств Македонии совершалось военным и дипломатическим путем. Филипп пускал в ход все имевшиеся в его распоряжении средства: подкуп, дипломатические послания («письма Филиппа»), материальную и моральную поддержку греческих «друзей Македонии», союзы с соседними варварскими князьями,

дружбу с персидским царем, организацию восстаний во враждебных ему государствах. Особенно большое значение Филипп придавал подкупу, утверждая, что нагруженный золотом осел возьмет любую крепость.

Оплачивалось не только политическое красноречие, но и политическое молчание. На заявление одного греческого трагика, что он получил талант за одно лишь выступление, оратор Демад ответил, что ему царь за одно красноречивое молчание дал десять талантов.

Помимо личных качеств Филиппа, прирожденного политика и дипломата, успехи Македонии исторически объяснялись прогрессивным характером македонской политики. Стремление к созданию крупных государственных объединений вызывалось ростом производительных сил в Средиземноморском бассейне, развитием торговой и промышленной инициативы, увеличением числа наемников и подъемом завоевательных настроений. Замыслы смелого и властолюбивого македонского царя соответствовали стремлениям некоторых греческих идеологов, например, популярного оратора Исократ. В своем сочинении «Панегирик» Исократ развивал идею объединения всех греческих государств под гегемонией одной страны и одного вождя, «Объединенная Греция, - писал Исократ, - предпримет поход против исконного врага эллинского народа - Персии. Счастливая война с Персией откроет простор предпринимательскому духу и освободит Грецию от массы бедного люда, дав работу бродячим элементам, угрожающим самому существованию эллинского государства и культуре...» «Пусть одушевленное патриотической идеей воинство сделает Грецию обладательницей неисчерпаемых сокровищ Востока, центром мирового обмена».

В 346 г. до нашей эры между Македонией, Афинами и их союзниками был подписан Филократов мир. Его горячо приветствовал Исократ как первый шаг к осуществлению его давнишней идеи объединения Греции для «счастливой войны» с Персией. «Ты освободишь эллинов, - писал он Филиппу, - от варварского деспотизма и после этого осчастливишь всех людей эллинской культурой».

Против централистических тенденций Филиппа и македонской партий в Афинах выступала антимакедонская группа, во главе ее стоял знаменитый греческий оратор Демосфен. В своих речах против Филиппа («Филиппиках»), как и во всех других речах, Демосфен со всей страстью своего бурного красноречия обрушивался на «македонского варвара». Но и сам Демосфен не отрицал необходимости объединения Греции. Он, полагая лишь, что это дело должно совершиться путем создания союза свободных эллинских городов, без участия Македонии. Однако, как показали последующие события, правильная сама по себе идея создания греческой федерации не могла быть осуществлена вследствие глубокого внутреннего разложения самой демократий полиса, подтачиваемой узостью ее базы, раздорами партий, восстаниями рабов, и все обострявшегося соперничества между отдельными греческими государствами.

Демосфена поддерживали афинские демократические массы граждан, стоявших вне и выше рабов. Для них победа Македония означала конец демократических учреждений. Между тем ядро македонской партии, которое составляли богатое гражданство, главным образом купечество, рассчитывало на наживу, в случае «счастливой войны» с Персией, и на под- держку государственной) порядка со стороны твердой власти македонского царя. В рядах македонской партии находилось немало и греческой интеллигенции. Величайший представитель ее Аристотель удостоен был приглашения на должность воспитателя сына царя Филиппа - Александра, будущего Александра Великого.

Дебаты в Афинской еkkлeсии по вопросу о Филократовом мире.

В афинском Народном собрании кипела ожесточенная борьба между сторонниками и противниками македонской гегемонии. Дело шло о направлении всей внешней и внутренней политики Афин. В центре спора стоял Фи-лократов мир, заключенный в 346 г. до нашей эры между Афинами и Македонией. Демосфен и другие демократические вожди считали этот мир губительным для Афин. Они требовали предания суду Эсхина и Филократа, которые подписали этот договор. По вопросу о Филократовом мире Демосфен произнес целый ряд речей («О мире», «Об острове Галоннесе», «Филиппики»). Для истории дипломатии особенно интересна «Третья Филиппика» Демосфена. В этой замечательной речи оратор предостерегал афинских граждан против лживых заверений Филиппа. Напрасно твердит македонский царь о своих мирных намерениях. Всем известны факты насильственного захвата Филиппом греческих городов. «Я не говорю об Олинфе, Метоне, Аполлонии и о 30 городах Фракийского побережья, - говорил Демосфен, - которые все до единого беспощадно разорены Филиппом... Умалчиваю я и о жестоком истреблении им фокидян. А каково положение Фессалии?.. И разве эвбей-ские государства уже не подчинены тирану? И это - на острове, находящемся в ближайшем соседстве с Фивами и Афинами!». «Все помыслы и действия Филиппа, продолжал Демосфен, направлены к одной цели - уничтожению греческой свободы и эллинской образованности. Правда, Филипп называет себя филэллином, т.е. другом Эллады. Это - не более, как обман. Филэлли-ном царь не может быть уже в силу своего варварского происхождения. Он не эллин, и ни в каком родстве с эллинами не состоит, он даже не инородец доб-ропорядочного происхождения. Он только жалкий македонец. А в Македонии, как известно, в прежнее время нельзя было купить даже приличного раба». Столь же резко обрушивался Демосфен и на афинских граждан, которые стояли за мир с Филиппом. Эсхина и его брата Филократа, скрепивших этот мир своими подписями, Демосфен обвинял в измене интересам родины.

Приверженцы Македонии, как и сам Филипп, также не оставались в долгу. В дошедших до нас речах Эсхина и письмах Филиппа содержатся целые обвинительные акты против Демосфена и его друзей. Их обвиняли в клевете, демагогии и продажности. В речи «О недобросовестно выполненном посольстве» Эсхин называет Демосфена заносчивым человеком, который только себя самого считает «единственным охранителем государственных интересов», а всех остальных клеймит как предателей. «Он все время оскорбляет нас. Он осыпает возмутительной бранью не только меня, но и других». Клеветнические обвинения Демосфена столь многочисленны, запутанны и противоречивы, что трудно их даже и запомнить. Только афинский народ, говорил Эсхин, может избавить его, Эсхина, от возводимой на него гнусной клеветы. К народу, как к

единственному прибежищу и носителю справедливости, Эсхин и обращается. «Вам я воздаю хвалу, -воскликает Эсхин, обращаясь к согражданам. - Вас я люблю за то, что вы больше верите жизни обвиняемого, чем возводимым на него небывицам».

Наряду с обвинениями в забвении государственных интересов противники Эсхина утверждали, что он запятнан насилием над свободной женщиной. Это обстоятельство порочило звание посла Афин, от которого требовалась безупречная нравственная чистота.

В развернувшейся в Афинах дипломатической борьбе принял участие и сам Филипп. У него имелись искусные секретари, да и сам македонский царь в совершенстве владел письменной и устной греческой речью. Об этом можно судить по нескольким сохранившимся открытым письмам царя, с которыми он обращался к афинскому народу.

Дипломатические письма македонского царя Филиппа к афинскому народу.

Поводом для составления одного из таких писем послужил инцидент с островом Галоннесом в Эгейском море. В 342 г. до нашей эры остров был захвачен пиратами. Филипп изгнал их, но остров удержал за собой. На требование афинян вернуть остров царь отвечал отказом. Остров принадлежит ему: при желании он может его подарить афинянам, но не возратить им как их собственность. Демократические вожди подняли в экклесии кампанию против Филиппа. Они упрекали его в самоуправстве и нарушении условий Филократова мира. К этому присоединился еще ряд других правонарушений Филиппа: захват им нейтрального города Кардии, нападение на фракийского князя Керсоб-лепта и т. д. Филипп был весьма обеспокоен этими нападениями. Чтобы оправдаться от возводимых на него обвинений, он обратился к Афинской экклесии с обширным письмом. Последнее было полно укоров по адресу афинских граждан, руководимых «продажными ораторами». Затем следовало приветствие афинскому народу и объяснение цели послания.

«Филипп желает всего хорошего Афинскому собранию и народу! После того, как вы не обратили никакого внимания на мои частые посольства к вам, имевшие целью обеспечить соблюдение клятвенных обязательств и предлагавшие добрососедские отношения, я решил письменно обратиться к вам по поводу некоторых обвинений, которые, как мне кажется, возводятся на меня несправедливо». Эти обвинения Филипп считает выдумкой «продажных ораторов», которые сознательно разжигают войну. «Ведь сами наши граждане говорят, что мир для них - война, а война - мир. Поддерживая вояк, они за это получают от них, что нужно, а пороча лучших граждан и нападая на людей, пользующихся доброй славой и за пределами Афинского государства, они делают вид, будто служат интересам народа».

Филиппу удалось достигнуть поразительных результатов. Он был избран членом Дельфийско-Фермопильской амфикистии и стал арбитром в спорах между греческими городами. Это дало царю возможность отсрочить войну с Афинами и произвести необходимые преобразования в своем государстве. Однако даже дипломатическому искусству Филиппа не удалось предупредить войну Македонии с Афинами. Слишком велика была противоположность между единодержавной Македонией и демократическими Афинами. В 338 г. при Херонее и Беотии произошла генеральная битва между Филиппом и Греческой союзной лигой, созданной Демосфеном. В этом бою союзная лига была разбита наголову. Такое поражение зависело столько же от силы противника, сколько от внутреннего бессилия самой лиги.

Херонея заканчивает классический период античной истории. Она является рубежом, обозначающим начало перехода от классического периода к эпохе эллинизма.

Коринфский конгресс(338-337 гг. до нашей эры)

После Херонее Филипп отправился походом в Южную Грецию. Все города Пелопоннесского союза, за исключением Спарты, признали власть македонского царя. Филипп избегал практики односторонних повелений. С каждым городом в отдельности им был заключен оборонительный и наступательный союз. Основой этого союза было сохранение внутренней автономии и свободы данного города. Для разрешения вопросов, касавшихся всей Греции, Филипп создал в 338 г. до нашей эры в Коринфе общегреческое совещание - Коринфский конгресс (синедрион). На конгрессе представлены были все греческие государства, за исключением Спарты.

Председателем конгресса был сам Филипп. Конгресс провозгласил прекращение войны в Греции и установление всеобщего мира. Затем приступили к обсуждению других вопросов. Греческая раздробленность была преодолена созданием общегреческой федерации, с включением в нее Македонии и под председательством македонского царя.

Между объединенными государствами и македонским царем был заключен вечный оборонительный и наступательный союз. Под страхом тяжелого наказания ни одно государство, ни один грек не должны были выступать против царя или помогать его врагам. Все возникавшие между греческими государствами спорные вопросы передавались на рассмотрение суда амфикистии. Главой же коллегии амфикистии был Филипп. Преступными актами объявлялись какие бы то ни было изменения в конституции городов, конфискация имущества, отмена долгов, призыв рабов к восстанию и пр. В заключение конгресс принял решение начать войну с Персией. Филипп надеялся отвлечь внимание от греческих дел «быстрой и счастливой» войной в Азии. Предводителем (гегемоном) союзного греческого ополчения был назначен тот же Филипп. Слово «царь» в актах Коринфского конгресса не встречается. В сношениях с греками Филипп никогда не именовал себя царем (басилевсом). Для свободных эллинов он был не басилевс, а гегемон.

В 336 г. до нашей эры Филипп был убит, и выполнение его планов принял на себя его сын Александр Великий (336—323 гг. до нашей эры). В течение каких-нибудь 10 лет Александр покорил всю Персию, которая включала в себя весь Передний Восток до Индии. Подобно своему отцу, Александр действовал не только силой оружия, но и дипломатическими средствами. Путем дипломатии он склонил на свою сторону малоазиатские города, заключил союз с египетскими жрецами и использовал взаимную вражду индийских раджай.

К Александру прибывала масса посольств от самых различных стран и народов - греков, персов, скифов, сарматов, индусов и многих других. С одними он был чрезвычайно любезен и щедр, с другими - открыто жесток.

Манифест Полисперхона, регента малолетнего сына Филиппа Александра Великого (319г. до нашей эры)

После смерти Александра наступает самый сложный и запутанный период греческой истории - период эллинизма. После Александра оставалось огромное наследство в виде массы покоренных земель. Совершеннолетних наследников у Александра не было. В качестве претендентов на престол выступили сподвижники Александра, его полководцы. После долгих споров и вооруженных столкновений верховным правителем был признан Пердикка, старший из полководцев Александра. Пердикка правил в качестве регента малолетнего сына Александра. Однако назначение Пердикки регентом вызвало недовольство других полководцев, которые считали себя обойденными. Следствием этого были ожесточенные войны, заполняющие весь период преемников Александра (диadoхов) вплоть до битвы при Иссе (301 г. до нашей эры).

Для истории дипломатии правление диadoхов, как и вся эллинистическая эпоха (IV-II века до нашей эры), представляет богатейший материал. Никогда в течение всей греческой истории не заключалось такого множества симмахий и эпимахий (оборонительных и наступательных союзов), как в эллинистическую эпоху.

Памятниками дипломатии эллинистической эпохи служат союзные договоры, дипломатические письма и некоторые другие документы.

Одним из наиболее интересных памятников эллинистической дипломатии является нижеприводимый манифест Полисперхона к греческим городам (319 г. до нашей эры). После смерти Пердикки и Антипатра регентом сделался Полисперхон, проживавший тогда в Македонии. Против него образовалась сильная коалиция, во главе которой стояли Кассандр, сын Антипатра, Антигон Одноглазый, Птолемей, Селевк и др. Коалиция была сильнее Полисперхона. Это обстоятельство и заставило его пойти на искусный дипломатический маневр. В поисках союзников Полисперхон обратился с широковещательным манифестом к греческим городам, обещая им восстановление демократии и свободы.

В этом манифесте Полисперхон выступает в роли законного наследника и защитника династии Филиппа и Александра, а своих врагов объявляет мятежниками и узурпаторами.

Вступительные слова манифеста гласили: «Так как наши предки всегда оказывали эллинам благо, то и мы желаем продолжать их дело и представить доказательство нашей благосклонности к греческому народу. Эллинам возвращается государственное устройство, которое они имели при Филиппе и Александре», — говорилось в манифесте.

Изгнанным демократам разрешалось вернуться на родину, чтобы получить прежние гражданские права. Все распоряжения мятежных стратегов отменялись. Если бы в законах Филиппа и Александра, говорилось в манифесте, оказались какие-либо недочеты, то они подлежат исправлению. Особо оговаривались права Афин. Все афинские владения объявлялись неприкосновенными. Кроме того, Афинам отдавались Самос и Ороп.

Манифест заканчивался призывом, обращенным ко всем грекам, ни при каких обстоятельствах не поднимать оружия против законных правителей и не поддерживать мятежников. Ослушникам этого постановления грозили изгнание и конфискация имущества как их самих, так и всех их родственников и друзей.

Своим манифестом Полисперхон достигал намеченной цели: временного ослабления враждебной коалиции. Рядом политических мероприятий в пользу демократических низов он обессиливал верхние слои (олигархов), которые поддерживали его врагов. Вместе с тем Полисперхон обратился с особым посланием к Аргосу и другим городам Пелопоннеса с призывом изгнать из своих стен всех граждан, подозреваемых в сочувствии мятежным стратегам. Наконец, Полисперхоном было отправлено письмо в Эпир к Олимпиаде, матери Александра, с предупреждением об опасности, угрожающей династии.

Манифест Полисперхона вызвал во всех греческих городах волнения демоса, громившего олигархов. Игра на социальных противоречиях являлась одним из обычных приемов античной дипломатии, как греческой, так и римской. Эллинистические царя в этом отношении следовали примеру своих учителей, Филиппа и Александра. Тем не менее, победа в конце концов осталась за коалицией.

В результате ряда войн за наследство Александра образовались три крупных эллинистических царства: 1) царство Птолемеев в Египте; 2) царство Селевкидов в Азии и 3) царство Антигонидов в Европе.

По своему характеру эллинистические царства представляли своеобразное сочетание греческого (эллинского) полиса и древневосточных деспотий. Монархический элемент в этих царствах.

с каждым столетием усиливался. Зато влияние эллинского мира отчетливо сказывалось в культурной области. Греческая культура широко распространялась по всему Средиземноморскому бассейну и землям Древнего Востока. Самый термин «эллинизм» обозначает соединение западных и восточных культур и религий.

История эллинистических царств охватывает около двух столетий с IV по II век до нашей эры, когда эллинистические царства пали под ударами другой великой античной державы - Рима.

Тема 5. ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Формы международных связей в Риме

Международные связи в Риме были столь же древними, как в Греции и на Востоке. С незапамятных времен в Риме существовали проксения и коллегия фециалов, напоминавшая греческую коллегия амфикионов. Фециалы регулировали возникавшие между племенами и племенными союзами споры и недоразумения. В круг их полномочий входили: охрана международных соглашений, объявление войны и заключение мира. Фециалы -

жреческая коллегия с гражданскими функциями. Ни одно важное предприятие не могло быть ни начато, ни кончено без санкции фециалов. Они объявляли войну, заключали мир и подписывали договоры.

Коллегия фециалов состояла из 20 человек, которые принадлежали к древним родам и пожизненно пребывали в своем звании. Деятельность фециалов протекала под покровом глубокой тайны. Совершались различные обряды, произносились магические слова, смысл которых был понятен одним лишь посвященным. Внешним признаком фециалов служила шерстяная одежда, головная повязка и на голове ком священной земли травой и кореньями, вырезанный на Капитолийском холме. Земля служила символом территории представляемого ими государства.

В таком облачении представитель коллегии "святой отец" отправлялся к границе соседнего народа для урегулирования спорных вопросов или объявления войны.

Все спорные вопросы прежде всего старались разрешить миром. В случае невозможности достигнуть этого прибегали к оружию. Объявление войны в Древнем Риме было в высшей степени сложной процедурой. Ведение переговоров возлагалось на специальную комиссию из четырех человек со "святым отцом" во главе. Комиссия несколько раз отправлялась в город, нарушивший международные установления. При этом всякий раз совершались обряд и громким голосом произносились магические слова и проклятия по адресу нарушителя международного права. Затем комиссия возвращалась в Рим и в течение 33 дней ожидала ответа. В случае неполучения такого фециалы докладывали Сенату и народу, который принадлежало право объявления войны. После этого "святой отец" в последний раз отправлялся к границе враждебного города и бросал на вражескую землю дротик с обожженным и окровавленным концом.

Процедура объявления войны со всей полнотой описана в истории Тита Ливия в рассказе о войне римлян с албанцами, решенной поединком трех братьев Горациев и Куриациев.

Заключение мира тоже сопровождалось многими церемониями и было весьма сложным делом. По выполнении всех положенных церемоний "святой отец" читал текст договора и произносил особую клятву фециалов, которая призывала всякие беды и несчастья на голову нарушителя мира. "Римляне никогда не нарушат первыми условий, начертанных на этих таблицах, которые я вам сейчас прочел... если же они их нарушат, то тогда пусть поразит их Юпитер так, как я сейчас поражаю это жертвенное животное, но во столько раз сильнее, во сколько бог сильнее человека".

С течением времени вышеописанные формы объявления войны и заключения мира видоизменялись, но никогда не исчезали совершенно. Коллегия фециалов упоминается в источниках позднереспубликанского и даже императорского периода.

Центральное положение Рима и Италии в Средиземноморском бассейне с самого начала благоприятствовало развитию экономических международных связей. Этим объясняется тот многозначительный факт, что "право народов" наиболее полное выражение получило именно на римской почве. О "праве народов" не один раз по различным поводам упоминают римские писатели конца Республики и Империи. Особенно много внимания анализу этого понятия уделяет Цицерон в трактатах "О государстве" и "Об обязанностях". "Право народов" противопоставлялось гражданскому праву, которое распространялось только на римских граждан. Оно сохраняло свою силу как во время мира, так и во время войны. Нарушение "святоści посольства и договоров" относилось к области международного права. Зачатки международного права содержатся уже в сборнике древнейших юридических формул фециалов.

Дипломатические органы

Организация и структура дипломатических органов античного Рима отражает особенности его политического строя. Если в Греции классического периода, с ее развитой дипломатией, значительную роль во внешней политике играли Народные собрания, т.е. собрания граждан, стоявших вне и выше рабов, не имевших гражданских прав, то в Риме классического периода политическим руководителем внешней политики являлся орган римской, рабовладельческой знати - Сенат.

Посольства в Риме назывались легациями, а послы - легатами, ораторами и жезлоносцами. В древнейший (царский) период римской истории право посылать посольства принадлежало царю, а послами были фециалы. При Республике это право перешло к Сенату. Права Народного собрания (комиций) в Риме были более ограничены, чем в Греции. Внешняя политика, прием и отправление посольств подлежали ведению Сената. Посольские функции считались очень важными и предполагали высокие качества людей, на которых они возлагались. Вследствие этого назначение личного состава посольской миссии в Риме было очень сложным делом. Вопрос обсуждался в Сенате, и всякий раз по этому поводу издавалось специальное сенатское постановление. "Слышал ли кто-либо, чтобы когда-нибудь в Риме послы избирались без сенатского постановления?" - спрашивает Цицерон в одной из своих речей.

Сенатус-консультум устанавливал только нормы или принципы, на основании которых должно было быть построено посольство. Посол при всех условиях должен был поступать в соответствии с "достоинством и пользой римского народа". Самый же выбор послов предоставлялся председательствующему в Сенате - консулу или претору. Иногда послов выбирали по жребию. Никто не имел права отказываться от посольства. Послы обычно избирались из сенаторского сословия.

Римские посольства никогда не состояли из одного человека. Это противоречило бы духу римского права республиканской эпохи. Делегации состояли из двух, трех, четырех, пяти и даже десяти человек. Но их обычный состав - три человека. Все посольства имели председателя, или главу посольства. Эта роль принадлежала сенатору высшего ранга. Личность посла была защищена обычаем и законом.

Внешним отличием послов служил золотой перстень, дававший право на бесплатный проезд и получение в пути всего необходимого. Для усиления престижа послов их иногда сопровождали военные суда (квинкверемы). На содержание посольских делегаций отпускались дорожные деньги и все необходимые принадлежности - серебряная посуда, одежда, белье, походная постель. Кроме того, к послу прикреплялся целый штат прислуги

(свободные и рабы): секретари, переводчики, булочники, кондитеры, мясники и другие слуги.

Цели посольства могли быть самыми различными: объявление войны и заключение мира, подписание договоров, организация покоренных провинций, третейское улаживание международных конфликтов и разрешение религиозных споров.

По окончании своей миссии легаты отдавали Сенату отчет о своей деятельности. На дипломатическом языке Рима это называлось "сделать доклад о посольстве".

Сенату принадлежало право не только отправлять, но и принимать посольства. Прибывшие в Рим посольства иностранных держав делились на две категории: 1) посольства держав, находившихся с Римом во враждебных отношениях, и 2) посольства дружеских государств. Послы враждебного государства в город не допускались. Они помещались за городской чертой, на Марсовом поле, в особой "загородной вилле". Здесь они ожидали приглашения Сената для получения аудиенции. Аудиенция происходила в храме Беллоны (богини войны), который находился рядом с "загородной виллой". Бывали случаи, когда послам враждебных держав отказывали в приеме. Тогда они должны были в определенный срок покинуть территорию Италии и не являться вновь без формального разрешения.

Совсем иным было отношение к послам дружественных государств и народов, хотя и здесь не было полного равенства. Делегации государств первого ранга обычно встречал квестор (государственный казначей). Он сопровождал их, следуя на почтительном расстоянии, во время их проезда по Италии и при отъезде домой. Во время пребывания послов в Италии им оказывалось полное внимание. Они останавливались в самом Риме, в одном из лучших зданий города (грекостасис). Их приглашали на празднества, театральные и цирковые представления и предоставляли им лучшие почетные места. В Риме существовал обычай дарить послам подарки. В честь особо важных персон даже ставили статуи у подножия Капитолия. Со своей стороны, приезжавшие в Рим послы имели обыкновение делать очень крупные вложения в римскую казну в виде золотых и серебряных вещей. Известен, например, "скромный подарок" Карфагена - золотой венок, весивший 25 фунтов, и не менее "скромный" дар сирийского царя Антиоха - золотые вазы весом в 500 фунтов.

О цели своего прибытия иностранные миссии сообщали римскому магистрату по-латыни или через переводчика. Магистрат, обычно квестор, делал доклад Сенату. Решение Сената или объявлялось делегатам (непосредственно в самом зале заседания или в вестибюле), или же доводилось до их сведения через магистрата. В случае сложных и запутанных вопросов назначалась особая комиссия, в каждый вопрос решался самостоятельно.

Наряду с легациями иностранных государств в Рим приходила масса посольств провинциальных городов (муниципий), всевозможных корпораций и союзов.

Расширение международных связей Рима в III-II веках до нашей эры

История римской дипломатии начинается с первых столетий римского государства. Об этом свидетельствуют договоры (федера) города Рима с другими городами, входившими в Римско-Италийскую федерацию, и торговый договор с Карфагеном - конца VI века до нашей эры. Тексты этих договоров сохранились в передаче римских историков и юристов. Подлинных документов официального характера в Риме сохранилось сравнительно немного. Объясняется это следующим обстоятельством. Материалом, на котором в Риме изготовлялись государственные документы, служили полотно, деревянные, бронзовые и медные доски. Полотно и дерево легко подвергались действию времени. Металлические же доски погибали при пожарах, расхищались во время захватов Рима варварами и переплавлялись в оружие или какие-либо иные предметы. Между тем в Греции официальные записи вырезывались на мраморных плитах, почти не поддающихся разрушительному действию времени.

Переломный момент в истории международных отношений и дипломатии Рима представляет Вторая Пуническая война, или война с Ганнибалом (218-201 гг. до нашей эры). С этого времени Рим выходит на широкую международную арену и вступает в более тесные сношения с культурными странами средиземноморского мира. Удлинение радиуса международных связей являлось следствием внутреннего роста и внешнего усиления римского государства.

Рим - городская республика, начал превращаться в мировое государство - Римскую империю. Соответственно расширялась и усложнялась внешняя политика Рима; большее значение приобретала и дипломатия как инструмент внешней политики государства. Исход Пунических войн и одновременных с ними войн на греко-эллинистическом Востоке в значительной мере зависел от дипломатической активности воюющих держав. В III-II веках до нашей эры римская дипломатия достигла высшей точки развития. Это совпало с наиболее напряженным периодом борьбы, со Второй и Третьей Пуническими войнами и войнами Рима с эллинистическими царствами. Противником Рима был карфагенянин Ганнибал - столь же гениальный дипломат, как и стратег. Впервые римская и карфагенская дипломатия резко столкнулись по вопросу о союзниках. Ввиду равенства вооруженных сил Рима и Карфагена уже с самого начала войны было очевидно, что ее исход в значительной степени зависит от отношения к воюющим державам нейтральных стран - соседних варварских народностей и в особенности греко-эллинистических государств. Поддержка, оказываемая Ганнибалу его союзниками, - князьями нумидийских, испанских и галльских племен, была недостаточна. При таком критическом положении приходилось искать выхода где-либо на стороне, за пределами римско-карфагенского мира. Тогда Ганнибал и устремил свои взоры на Восток, на греко-эллинистический мир.

Дружественный союз Ганнибала с македонским царем Филиппом V (215 г. до нашей эры).

Из эллинистических государств в непосредственной близости к Италии находилась Македония. К македонскому царю прежде всего и направил свои дипломатические миссии запертый в Италии Ганнибал. В Македонии в это время правил Филипп V (221-179 гг. до нашей эры), человек энергичный и властолюбивый, по своему характеру напоминавший Филиппа II. Подобно своему предку, он стремился к созданию великой Македонии, которая включала бы весь Балканский полуостров от Эгейского до Адриатического моря. Для достижения своей цели Филипп должен был прежде всего преодолеть греческую раздробленность и подчинить Грецию своему влиянию. Другими словами, — разрешить ту же самую политическую задачу, которую в свое время ставили перед собой все македонские цари, начиная с Филиппа II. Таким образом, предложение Ганнибала о союзе и войне с римлянами попадало на хорошо подготовленную почву.

В 215 г. до нашей эры между Филиппом и Ганнибалом был подписан дружественный договор. Согласно общему правилу, договор начинался с клятв и обещаний пребывать во взаимной дружбе, братстве и верности на вечные времена. «Главномандующий карфагенской армией Ганнибал, сын Гамилькара, и все члены Верховного совета Карфагена, с одной стороны, и македонский царь Филипп, сын Деметрия, с другой, - клянутся перед лицом сорабствующих богов - солнца, луны и земли, перед лицом рек, гаваней и вод, перед лицом всех божеств пребывать на вечные времена в клятвенном союзе дружбы и нелицемерного благоволения, как друзья, родственники и братья».

За вступлением следовал и самый текст договора. Македонцы и карфагеняне заключали оборонительный и наступательный союз: «Мы, македоняне, не будем злоумышлять друг против друга и будем врагами врагов карфагенян». Те же самые слова повторили и карфагеняне в отношении македонян. В договоре прежде всего обеспечивалась взаимная помощь сторон в войне с Римом. «Если римляне пойдут войной на нас или на вас, то мы обязуемся помогать друг другу, если, конечно, в том будет нужда...» «Вы, македоняне, будете нашими союзниками в войне до тех пор, пока боги не даруют нам и вам полную победу».

Далее объявлялось, что Македоно-карфагенский союз является прочной гарантией мира и устойчивости международных отношений. «При наличии нашей дружбы римляне никогда не подымали бы против нас войны и не властвовали бы над керкирянами, аполлинатами и многими другими народами».

Договор Ганнибала и Филиппа вызвал страшную тревогу в Риме. Практически македоно-карфагенское дружественное соглашение означало бы раздел всего средиземноморского мира на две сферы влияния - восточная половина отходила к Филиппу, а западная - к Ганнибалу. Риму при таком дележе не оставалось места на земном шаре. Уже было известно, что Филипп в спешном порядке готовил большую флотилию в Адриатическое море, которую он предполагал отправить в Сицилию на помощь Ганнибалу. Помимо общеполитических и военных соображений от усиления Македонии страдали в первую очередь интересы римской торговли в Адриатическом море.

Организация дипломатического аппарата в эпоху империи.

Римская империя создавалась в процессе борьбы Рима с Карфагеном и эллинистическими царствами. Эта борьба содействовала централизации государственной власти. Республиканские учреждения постепенно заменялись бюрократическими императорскими канцеляриями. Все управление государством переходило в руки императора, который управлял страной посредством многочисленных, зависимых от него чиновников (прокураторов и легатов). Сенат продолжал существовать, но из руководящего органа государства, каковым он был при Республике, превратился в государственный совет.

Соответствующим образом изменилось и управление делами внешней политики и дипломатии. В императорский период (I-V века нашей эры) все дела внешней политики - объявление войны, заключение мира, прием и отправление посольств и пр. - подлежали ведению императора. Дипломатия превращалась в ведомственную функцию и утрачивала демократический характер, который она имела при Республике. Изменилась и роль посла. Послы в императорскую эпоху не выбирались, а назначались, как и все другие чиновники, самим ирринцеисом. Ему одному они были обязаны и отчетом о своей деятельности. Характерной для Республики гласности и публичной отчетности при Империи тоже не существовало. Со времени императора Клавдия (середина I века) посольскими делами ведала личная канцелярия императора, возглавляемая императорским секретарем. Вместе с тем личная канцелярия императора являлась высшим административным органом всей Империи. Общее законодательство в отношении послов иностранных государств при Империи оставалось тем же, каким оно было и при Республике. Личность посла даже враждебных государств считалась священной и неприкосновенной. Нарушение посольских прав квалифици-

ровалось как нарушение международного права. «Рхли кто-либо нанесет ущерб послу враждебной страны, - замечает по этому поводу юрист Пом-поний, - это должно рассматриваться, как нарушение права народов, ибо послы признаются священными особами».

В памятниках императорского периода очень много внимания уделяется отношениям Рима с иностранными государствами, союзными царствами, городами и общинами, а также вопросам организации и деятельности посольств. Все это свидетельствует о важности этой государственной отрасли в Римской империи.

Назовите основные формы международных связей и дипломатические органы Древнего Рима.

Какой была римская дипломатия в период Республики?

Дайте характеристику дипломатического аппарата во времена Римской империи.

Тема 6. ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО РИМА (продолжение)

С целью предупреждения опасных последствий Македоно-карфагенского союза римляне немедленно объявили войну Филиппу. В этой, так называемой Первой Македонской войне (214-205 гг. до нашей эры), и последующих за ней других войнах дипломатия играла не меньшую роль, чем борьба оружием. Римляне с редким искусством сумели использовать вековую вражду Македонии и Греции, с одной стороны, и внутренние противоречия Греции и всего эллинистического мира - с другой.

Дипломатическая победа римлян в Греции

Для борьбы с Филиппом римляне организовали внушительную антимакедонскую коалицию греческих держав. В нее вошли два союза, наиболее сильных в военном и политическом отношениях: Спарта и Этолийский союз, боявшиеся усиления Македонии. В 211 г. до нашей эры между римлянами и этолийцами был заключен дружественный союз. К Риму отходило морское побережье на западе и некоторые острова в Адриатическом море, а за этолийцами утверждались все их территориальные приобретения на пространстве от Греции до Малой Азии. Это означало, что Македония отрезана с запада и востока от моря и превращается в континентальное государство. По этому поводу римский проконсул Марк Валерий Левин с гордостью доносил Сенату, что он этим договором связал Филиппа по рукам и по ногам.

Филипп оказывал отчаянное сопротивление, но, в конце концов, вынужден был уступить. В 205 г. до нашей эры в эписирском городе Фенике был подписан мирный договор между Римом и Македонией. Филипп соглашался на территориальные уступки Риму и, самое важное, отказывался от союза с Ганнибалом.

Римская дипломатия в Африке (III век до нашей эры).

Неудачи Филиппа нашли свое отражение и на главном театре военных действий - в Италии, Испании и Африке. В Африке римской дипломатии удалось заключить дружественный союз с одним из нумидийских царей - Сифаксом. Это была большая потеря для Ганнибала, так как нумидийская кавалерия, предводительствуемая нумидийскими царями, составляла ядро карфагенской армии. Римляне воспользовались соперничеством двух нумидийских царей: Сифакса и Масиниссы, которые боролись за первенство в Нумидии. Масиниссу поддерживали карфагенские аристократы, а Сифакса как злейшего врага Масиниссы склонили на свою сторону римские дипломаты. Сифакс долго колебался, но, наконец, под влиянием римских успехов в Македонии перешел в римский лагерь. Поддерживаемый Римом, Сифакс поднял войну против Карфагена в самой Африке и одержал несколько побед.

Важнее всего было то, что успехи Сифакса и катастрофическое положение Карфагена в конце концов поколебали верность старого друга Карфагена Масиниссы. После долгих колебаний Масинисса, подобно Сифаксу, перешел на сторону Рима. Таким образом, на территории самого Карфагена был образован общий фронт против Ганнибала. Конечным результатом всех этих дипломатических махинаций Рима было поражение самого Ганнибала. В генеральном сражении между Ганнибалом и Сципионом при Заме в Африке (202 г. до нашей эры) Ганнибал был разбит.

Однако и после поражения карфагенский вождь не сложил оружия и не отказался от своего плана поднять войну против Рима в Греции и на эллинистическом Востоке. После Замы он бежал в Сирию, к сирийскому царю Антиоху III.

Отсюда Ганнибал протянул свои нити на все Средиземное море. Все последующие войны против Рима, прямо или косвенно, исходили от Ганнибала.

Замысел Ганнибала об окружении Италии.

Неудача союза Карфагена с Македонией не принудила Ганнибала к сдаче своих позиций. Взамен этого союза он замыслил теперь еще более обширную и страшную для ненавистного ему «западного варвара» тройственную коалицию - Сирии, Карфагена и Македонии. Тройственный союз составлял лишь одну часть грандиозного плана, предложенного карфагенским вождем. Ганнибал предполагал зажечь огонь восстания в Этрурии, Лигурии и Цизальпинской Галлии. Тем временем сам Ганнибал должен был неожиданно явиться под стенами Рима. В случае осуществления этого плана «вы, говорил Ганнибал, будете имен, против римлян соединенные силы Азии и Европы. Могущество Рима состоит не в его военной мощи, а в его способности разъединять противников».

Однако замечательный по широте и смелости план Ганнибала не был принят. Не располагая достаточными морскими силами, Антиох боялся нападения на свой тыл со стороны флота враждебной ему Родосской республики. Кроме того, честолюбивый царь в душе завидовал Ганнибалу и потому медлил с осуществлением его плана. В противоположность стремительной тактике карфагенского вождя и войне в Италии он предпочитал затяжную войну в Греции в расчете на свободолюбие греческих городов, которые начинали тяготиться римской

опекой.

Медлительностью Антпоха воспользовались римляне и направили все силы своей дипломатии на то, чтобы расстроить намечавшийся тройственный союз. Важно было прежде всего оторвать от коалиции Филиппа. Немедленно в город Пеллу, столицу македонского царя, было отправлено посольство. Главную роль в этом посольстве играл молодой талантливый римлянин Тиберий Семпроний Гракх, отец знаменитых народных трибунов братьев Гракхов. Гракх блестяще выполнил возложенное на него поручение. Ему удалось получить доступ к царю. Во время пира во дворце, когда царь находился в благодушном настроении, римский посол сумел расположить его в свою пользу. Филипп обещал помощь римлянам против Антиоха, который недостаточно поддержал его в предшествующей войне. И, действительно, Филипп выполнил свои обещания. Римские войска, отправляемые в Азию, свободно проходили через македонские владения.

Преданный своим союзником Филиппом, Антиох потерпел от римлян два крупных поражения: при Фермопилах в Греции (191 г. до нашей эры) и затем при Магнезии в Азии (190 г. до нашей эры). После этого он вынужден был заключить мир.

Подписанию мира предшествовали длительные дипломатические переговоры между римским полководцем Сципионом (Африканским) и Ан-тиохом, временами переходившие в настоящие философские диспуты. Сирийские послы пространно говорили о превратностях человеческой судьбы, «предписывающей людям быть умеренными в счастье и не угнетать слабых». В заключение послы Антиоха заявили, что при настоящем положении пешей им не остается ничего другого, «как только спросить вас, римляне, какой жертвой мы можем искупить ошибки царя и снискать у вас мир и прощение?» Сципион на это ответил, что «римляне никогда в счастье не возносились, а в несчастье не падали духом». Царь, полагал Сципион, несмотря на сознание всей горечи своего настоящего положения, не должен упорствовать в подписание мира, памятуя, что «царям с высоты труднее скатиться до середины!., нежели от середины до низу».

Мирный договор был подписан в городе Апамее в Сирии (188 г. до нашей эры). Сирийское царство лишалось политической самостоятельности и сокращалось в своих размерах. Часть земель передавалась римским союзникам, а малоазиатские города отходили к Риму. Одним из главных условий мира была выдача Ганнибала. Предупрежденный о грозящей ему участи, Ганнибал покончил с собой, приняв яд. Ганнибал сошел с исторической арены, но его план окружения Италии сохранял свою силу в течение всей последующей истории. Зажженный им пожар войны вскоре вспыхнул новым ярким пламенем.

Дипломатия римлян в борьбе с македонским царем Персеем (II век до н.э.).

Через несколько лет после Сирийской войны последовала новая, Македонская, война (171-168 гг. до нашей эры) - с Персеем, младшим сыном Филиппа V. Для римлян, занятых на других фронтах, эта война была полной неожиданностью. Все преимущества находились на стороне Македонии. И тем не менее Персей проиграл кампанию исключительно вследствие своих дипломатических промахов.

Первую неудачу Персей потерпел в ахейском вопросе. Самым сильным государством в Греции был в то время Ахейский союз, во главе которого стоял город Коринф. Желая привлечь на свою сторону этот союз, Персей обратился с письмом к Союзному собранию, предлагая вступить с ним в дружественный союз. При этом он обещал вернуть ахейским городам рабов, которые находили себе до того времени приют в Македонии. Однако попытке Персея оказала противодействие более искусная дипломатия Рима.

Обращение Персея вызвало горячие дебаты в многолюдном собрании. Большинство собрания склонялось к предложению Персея о возобновлении союза с Македонией. Но в самый последний момент это предложение ловким маневром сорвали ахейские архонты (старейшины), сторонники Рима. Они указывали, что Персей, письмо которого содержало всего несколько строк, пренебрежительно относится к ахейскому народу. Для столь важного дела, говорили они, недостаточно даже одного посольства, а не только короткого письма.

Решение собрания относительно предложения Персея было отложено. Когда же через несколько дней прибыло новое посольство, то оно совсем не было допущено из опасения вызвать неудовольствие римлян. Таким образом, дипломатический ход Персея успеха не имел.

Не менее искусно римляне использовали и углубили конфликт Македонии и Пергама из-за Геллеспонта и Малоазиатского побережья. Из опасения захвата названных мест Македонией пергамский царь Эвмен обратился к третьей стороне посредничеству Рима. В Риме Эвмен встретил восторженный прием. Ныло назначено экстраординарное заседание Сената, на котором пергамский царь выступил с докладом о военных приготовлениях Персея. В благодарность за это сообщение Сенат провозгласил Эвмена «лучшим другом» римского народа и заключил с ним союз.

Возмущенный предательством Эвмена, Персей пытался даже расправиться с ним при помощи наемных убийц. С этой целью он подговорил несколько лиц, которые должны были убить Эвмена во время его паломничества в Дельфы на обратном пути из Рима. Засада была устроена в ущелье около узкой тропы, которая вела к оракулу. Заговорщики сбросили с высокого утеса два огромных камня на проходившего Эвмена, сильно его ранили, но не убили. Заговор не удался, и Эвмен вскоре благополучно вернулся в Пергам. Само собой разумеется, это покушение отнюдь не содействовало укреплению политических позиций Персея и установлению его дружественных связей с Пергамом. Персей имел теперь перед собой двух врагов: Рим и Пергам. В последовавшей вскоре войне Рима с Македонией Эвмен сражался на стороне Рима и оказал римлянам очень существенные услуги.

Переговоры македонского царя Персея с римским легатом Марцием.

Несмотря на разрыв дипломатических сношений с Пергамом, Персей продолжал оставаться для римлян очень серьезным противником, с которым они не рисковали вступать в открытое сражение. Вследствие этого они всячески старались оттянуть начало войны и тем временем лучше подготовиться к предстоящей военной кампании. Персей не учел этого обстоятельства, не воспользовался преимуществом своего положения и не начал

вовремя военных действий. Не теряя надежды разрешить конфликт мирным путем, он вступил в переговоры с римским легатом Квинтом Марцием Филиппом, своим проксе-ном. Марций, конечно, принял предложение македонского царя об открытии мирных переговоров и назначил место встречи. Встреча должна была состояться на реке Пенее, в Фессалии.

Описание этой встречи дает наглядное представление о той сложной процедуре и массе формальностей, которыми сопровождалось ведение переговоров в Риме. В назначенный день и час к указанному месту прибыли македонский царь и римский легат с их свитами. Свидание привлекло массу зрителей. Со всех сторон стекались толпы окрестных жителей— мужчин, женщин и детей. Переговоры открылись спором о формальностях: кто первым должен был перейти реку, и с каким числом людей. Одни полагали, что надо отдать преимущество царскому достоинству, а другие - имени римского народа, тем более, что о переговорах просил Персей.

Марций разрешил спор шуткой, сказав, что сын должен подойти к отцу. К го звали Филипп, -- как же как отца Персея. По второму вопросу уступил также Персей. Он хотел перейти реку со всей свитой, между тем как римляне соглашались только на трех человек. В конце концов, дело решили компромиссом. Царь переходит со всей свитой, но, во избежание какого-либо коварства с его стороны во время переговоров, он даст заложников.

Та пустая формальность имела очень серьезное значение. Она показывала всему народу и всем союзникам, что свидание македонского царя состоялось с послами Рима «не как равного с равными». После этого Марций и Персей приветствовали друг друга не как враги, а как друзья, сели рядом на приготовленные кресла и приступили, наконец, к переговорам. Переговоры велись в форме вопросов и ответов. При этом инициатива все время оставалась в руках римского представителя, выступавшего как бы в роли государственного обвинителя. «Ты изгнал Абрупола, римского союз-ника, ты дал убежище убийцам Архиатавра, ты, вопреки договору, прошел с войной через Фессалию и т. д.» На все эти вопросы Персей давал обстоятельные ответы. «Я не совершил ничего непоправимого, за что мне следовало бы мстить войной», - таков был смысл всех ответов Персея.

Марций одобрительно выслушал ответы Персея и как бы в знак сочувствия предложил ему отправить послов в Рим, а до получения ответа заключить перемирие. Персей согласился. Собственно этого-то и желал Марций. «Перемирие было необходимо для римлян, так как они в то время еще ничего как следует не подготовили для войны - ни войск ни вождя».

Как путем обмана, пользуясь доверчивостью своего друга, римский легат достиг очень важных результатов. По возвращении в Рим Марций и его коллега Атилий хвастались своей победой, как они, «подав ложную надежду на мир, провели Персея».

В 168 г. до нашей эры при Пидне Персей потерпел полное поражение от римлян, которое явилось в значительной мере результатом его дипломатических ошибок. Македония утратила свою политическую самостоятельность и была поставлена в зависимость от Рима. Решающую роль в этой битве сыграла пергамская кавалерия царя Эвмена, союзника Рима. Это обстоятельство очень характерно для Рима. Римляне всегда предпочитали вести войны не собственными силами, а силами союзников, и не на своей, а на чужой территории. В изучаемый период такой нейтральной стороной, на территории которой велись бесконечные войны, была Греция.

Дипломатическая победа римлян в Египте и в Ахейском союзе (II век до н.э.)

В том же году римская дипломатия одержала еще одну крупную победу - над сирийским царем Антиохом IV, сыном Антиоха III. Воспользовавшись благоприятным международным положением, Антиох вмешался в дела Египта и захватил большую его часть. Между Антиохом и египетским царем Птолемеем уже велись переговоры о подписании мира и об уступке Антиоху части египетской территории. Однако предложенные Антиохом условия были слишком унижительны для Кгипта, и египетские уполномоченные их не приняли. Тогда Антиох с войском направился в столицу Египта Александрию, но в 4 милях от города его неожиданно встретило римское посольство. Смущенный сирийский царь приветствовал римское посольство и протянул главе посольства Попилию правую руку.

Попилий, не отвечая на приветствие Антиоха, вручил царю дощечку с написанным на ней постановлением Сената и просил прежде всего прочесть ее. Сенат требовал, чтобы Антиох немедленно очистил Египет. Прочитав это постановление, Антиох просил предоставить ему возможность предварительно обсудить со своими приближенными, как поступить. Попилий, человек сурового нрава, в ответ на это очертил палкой, которую он держал в руке, круг на земле и сказал царю: «Прежде чем выйти из этого круга, дай точный ответ, который я мою бы передать Сенату». Пораженный столь неожиданной постановкой вопроса, Антиох уступил. «Я исполню все, чего требует Сенат», - таков был ответ сирийского царя. Лишь после этого Попилий протянул руку Антиоху как союзнику и другу римского народа. На следующий день римские послы, помирив соперничавших между собой братьев Птолемеев, удалились из Египта. Таким образом, Египет вновь был возвращен Птолемею в тот самый момент, когда сирийский флот разгромил египетскую флотилию и сирийские войска находились на египетской территории. С этого времени Египет попадает в сферу римского влияния, постепенно утрачивает свою политическую самостоятельность и, наконец, превращается в римскую провинцию. Античные историки приводят этот факт как пример величайшей дипломатической победы Рима, которая приобрела мировую известность.

После превращения Македонии в римскую провинцию очередь дошла и до Ахейского союза, который еще сохранял свою независимость. Борьба за Ахейский союз была длительной и в высшей степени напряженной. Внешние и внутренние противоречия сплетались в запуганный клубок. Римляне ирали на социальных противоречиях внутри самого союза. Опираясь на поддержку ахейских олигархов, крупных рабовладельцев, они действовали против демократических элементов, главную массу которых составляли ремесленники - свободные и вольноотпущенники. В конце концов им удалось совершенно обессилить Ахейский союз и подготовить его военный разгром.

Выступление римских послов на общесоюзном собрании в Коринфе (147 г. до н. э.).

Поводом к открытому столкновению Рима с Ахейским союзом послужил очередной конфликт ахеян со Спартой. Между Ахейским союзом и Спартой возгорелась война из-за отказа Спарты войти в Ахейскую федерацию. Спартанцы обратились к посредничеству Рима. В 147 г. до нашей эры в Коринф, центр Ахейской федерации, прибыл римский посол Аврелий Орест. Орест имел поручение Сената: поддержать Спарту и ослабить неприязнь ахеян к Риму. Однако миссия Ореста привела к прямо противоположным результатам.

Римское посольство прибыло в Коринф во время общесоюзного собрания, на котором преобладали демократы. Не осведомившись о настроении собрания, римский посол через глашатая объявил декрет Сената об исключении из Ахейской федерации городов, неродственных по крови ахеянам: Спарты, Лргоса, Орхомена и даже Коринфа. Практически это означало низведение Ахейского союза на уровень второстепенного государства.

Провозглашенный на собрании декрет Сената об «освобождении городов» вызвал бурное негодование. Большинство присутствующих демонстративно покинуло собрание; в городе начались волнения; демократы избивали спартанцев и громили дома римских друзей. Римское посольство поспешило оставить город и отправилось назад в Рим. По возвращении в Рим Орест доложил Сенату об оскорблении римских послов.

По обсуждению доклада Ореста решено было отправить в Грецию новое посольство. Во главе этого второго посольства был поставлен Секст Юлий Цезарь, пользовавшийся славой разумного и осторожного человека. Ему дано было указание - не разжигать страстей и все несогласия уладить дипломатическим путем. Секст добросовестно выполнил возложенное на него поручение. На общесоюзном собрании он произнес «пространную и любезную» речь, лишь косвенно упомянув об оскорблении римских послов. В своей речи римский представитель увещевал ахеян не следовать «дурным советникам» и в будущем не враждовать ни с Римом, ни с его союзниками—спартанцами. Небольшая часть собрания - римские друзья - приняла речь римского легата с полным сочувствием. Большинство же собрания пребывало «в пагубном молчании», не зная, что возразить оратору. Тогда выступили вожди демократической партии Дизей, Критолай и другие «роковые для союза люди». Они предлагали собранию не выносить никакого решения, созвать новое общесоюзное собрание через 4 месяца, а тем временем отправить посольство в Рим с докладом о положении дел в Ахейском союзе. Предложение было принято. Миссия Секста, недовольная решением вопроса, покинула Грецию. Вслед за ней направились в Рим и ахейская делегация.

После отъезда римской миссии в Греции началась настоящая революция. Демократические вожди повели энергичную агитацию против Рима. В своих выступлениях на собраниях в различных городах они вскрывали истинные цели римской дипломатии. Любезные речи римских послов, говорили они, насквозь лицемерны. Римляне в настоящее время ведут войну с Карфагеном и в Галлии и несут тяжелые потери. Поэтому они нуждаются в мире на Востоке. По окончании войны они расправятся с ахеянами и спартанцами так же, как они свели счеты с македонцами.

Агитацию против Рима ахейские вожди связывали с выступлениями против собственной плутократии: они отменили долги, провозгласили передел земель, объявили свободу рабов и т. д.

Поражение ахеян (146 г. до н.э.).

Таково было состояние Греции, когда весной 146 г. до нашей эры в Коринф прибыла новая римская миссия с Гнеем Папирием во главе. Папирий должен был выступить на многолюдном собрании, большинство которого состояло из ремесленников. Коринф был тогда одним из самых крупных промышленных центров Средиземноморья. Главную массу его ремесленников составляли вольноотпущенники и рабы. По данным историка Тимея, число рабов в Коринфе доходило до 400 тысяч человек. Таким образом, исход дипломатической миссии Папирия был уже предreshen социальным составом собрания. Несмотря на все дипломатическое искусство римского посла, собрание не дослушало его речи до конца. Поднялись крики, шум, насмешки, посыпались оскорбления. Римские легаты вынуждены были покинуть собрание. «Коринфский народ, - говорит историк Полибий, - находился тогда в состоянии умоисступления».

Обе стороны стали спешно готовиться к войне. Верховным стратегом Ахейского союза с 147 г. (до нашей эры) был Дизей, человек кипучей энергии. Дизей мобилизовал все силы на оборону страны, объявил всеобщий набор, обложил богатых высоким налогом, объявил свободу рабам и т. д. Таким путем была создана довольно внушительная демократическая армия. Однако общее состояние Ахейского союза было весьма непрочным. Силы населения были истощены; производство вследствие массового ухода рабов расстроено; общее настроение было подавленным, повсюду царили печаль и уныние.

Этим воспользовались ахейские олигархи, симпатии которых были на стороне Рима. На римлян они смотрели, как на избавителей от всех бед. В тех местах, где римляне появлялись, олигархи их встречали радостными криками, с ветвями маслин в руках.

Генеральное сражение между римскими и ахейскими войсками произошло при Левкопетре, на Истме, в 146 г. до нашей эры. Победили римляне. Ахейская армия частью была взята в плен, частью погибла или рассеялась. Сам Дизей бежал в свой родной город Мегалополь и там лишил себя жизни.

В том же 146 г. до нашей эры был взят Карфаген и тем положен конец Третьей Пунической войне (149-146 гг. до нашей эры).

Покорением Греции и Карфагена заканчивается первый, самый трудный период римских завоеваний. С середины II века (до нашей эры) римский полис превращается в мировую средиземноморскую державу, а сам город Рим - в центр средиземноморской торговли, денежно-ростовщических операций и рабовладения. Соответственно с этим изменялся и политический строй римского государства, превращавшегося в средиземноморскую империю.

Проанализируйте ход войны между Римом и Карфагеном. Как закончился жизненный путь

Ганнибала? Что стало с Карфагеном после войны с Римом?

Тема 7. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ДИПЛОМАТИЯ РИМА

Самостоятельный раздел античной дипломатии представляет внутренняя дипломатия. Своего высшего развития внутренняя дипломатия достигает в период Римской империи. При неопределенности отношений между отдельными частями и центром в Римской империи невозможно установить точную грань, ни между ее внутренней и внешней политикой, ни между внутренней и внешней дипломатией.

Переход от Республики - города-государства к мировой Средиземноморской державе был длительным процессом. Римская абсолютная монархия в собственном смысле, или Доминат, сложилась лишь в III веке нашей эры. Предшествующие два столетия могут быть рассматриваемы как переходный период от Республики к Доминату. В отличие от Домината первые века (I век) носят название времен Принципата. При Принципате Римская империя представляла сложный мир самых разнообразных политических единиц - провинций, муниципий, всевозможных союзов и корпораций. Правильнее всего Принципат рассматривать как федерацию более или менее самостоятельных городов (муниципиев).

С точки зрения государственного права Рима каждый муниципий и даже более мелкие единицы рассматривались как самостоятельные политические тела, как бы государства в государстве. Одним из выражений этой самостоятельности являлось право посольства. Каждая из названных организаций могла посылать посольства в центр и другие организации, заключать договоры и пр., одним словом, действовать как юридически самостоятельная единица или сторона. На этой почве собственно и развилось единственное в своем роде право народов, о котором упоминалось выше.

Посольства при Империи играли большую роль, чем при Республике. Они связывали центр с провинциями, а провинции - друг с другом и со всем миром. Дипломатические нити протягивались по всему «кругу земель» и выходили далеко за его пределы. Посольства отправлялись по самым разнообразным поводам: по случаю какого-либо важного события в императорской фамилии, со всякого рода просьбами, жалобами и судебными спорами. При Калигуле, например, в Рим прибыло греческое посольство, чтобы поздравить нового императора со вступлением на престол. В одной надписи сохранился ответ Марка Аврелия на врученное ему посольством одного малоазиатского города поздравление с днем рождения принцепса. Известен также ответ императора Диоклетиана жителям города Афродизии, которые поздравляли его через послов с приходом к власти.

Наряду с выражением верноподданнических чувств преданности легации часто преследовали и более практические цели. Через послов города и корпорации добивались снижения налогов, денежной помощи фиска - на постройку общественных зданий, храмов в честь императора, бань и дорог, гимназий и т. д. Всякого рода конфликты, судебные процессы и жалобы на неправильные действия центральных и местных властей также доводились до сведения высшей власти при помощи посольств.

В сочинении Филона сохранилось подробное описание посольства александрийских евреев к Калигуле с жалобой на римского наместника Авиллия Флакка. Получив разрешение у александрийских властей на право выезда, депутация отправилась в путь и благополучно достигла Рима. В Риме на Марсовом поле депутаты впервые встретили императора, который любезно ответил на их поклон, что считалось хорошим знаком. Далее описывается сам разговор депутатов с принцепсом, происходивший в садах Мecenата. Вначале благосклонно настроенный, император начал раздражаться и, наконец, пришел в сильное возбуждение, недовольный отрицанием божественности его власти. «Вы - единственные, - говорил Калигула, - которые не почитают меня богом... Почему вы не едите свиного мяса?» и т. д. Диалог продолжался долгое время, но в общем миссия александрийских евреев успеха не имела. Другие миссии оказывались более удачными. Так, Дион, возглавлявший посольство города Смирны, сообщает, что император Траян был чрезвычайно милостив и любезен. «Император по его высшей доброте и прозорливости даровал мне все, что я просил, как и всем другим посланцам... В город полилась целая волна золота».

Обмен посольствами происходил не только между провинциями и центром, но и между отдельными муниципиями и корпорациями. Связь между христианскими общинами тоже поддерживалась при посредстве посольств. Этим объясняется тот, на первый взгляд, странный и интересный факт, что почти вся христианская терминология - апостол (посланник), пресвитер (пресбейс - посол), символ и т. д. - заимствована из дипломатического языка Римской империи.

В своем развитии внутренняя дипломатия Рима прошла несколько этапов. В республиканский и ранний императорский период посольства были сравнительно редким делом. Послом мог быть всякий гражданин, который обладал необходимыми для этого средствами и досугом. Никаких специальных знаний от него не требовалось. Участвовать же в посольской делегации, посетить Рим и быть на приеме у самого императора считалось величайшей честью для всякого провинциала. Лица, успешно выполнившие возложенные на них миссии, становились патронами данного города, пользовались почетом и уважением. В честь их устраивались празднества, воздвигались памятники и статуи. Избрание в посольскую делегацию рассматривалось как начало большой карьеры данного лица. Главами провинциальных посольств обычно бывали члены муниципальных курий (городских сенатов), которые впоследствии становились имперскими сенаторами, членами римского Сената. Все расходы, связанные с посольством, возлагались на самих делегатов; поэтому естественно, что посланцами могли быть лишь самые богатые люди, принадлежавшие к первому классу муниципальных курий.

Первые императоры, которые еще не особенно прочно чувствовали себя патроне, охотно принимали провинциальные делегации, поощряя их, и расходы на содержание делегатов в Риме брали на свой собственный счет или на счет государства. С течением времени, однако, щедрость императоров к притекавшим в Рим со всех сторон легатам стала ослабевать. Это объяснялось двумя главными причинами: увеличением расходов императорскою фиска (государственной казны) и чрезвычайным возрастанием числа посольств. При

реконструкции сгоревших во время гражданской войны 68-69 г. зданий на Капитолии Веспасиан извлек три тысячи бронзовых досок, на которых были записаны государственные документы. Большую их часть, несомненно, составляли договоры и всякого рода другие дипломатические акты. Три тысячи бронзовых таблиц составляли лишь незначительную часть колоссального государственного архива Рима, помещавшегося на Капитолии.

Ввиду огромного наплыва посольств императоры вынуждены были изыскивать меры сокращения расходов фиска на приемы и содержание послов. Начало этому положил эдикт Флавия Веспасиана, ограничивавший число членов посольства тремя лицами.

Последующие императоры продолжили и расширили ограничительные меры Веспасиана. Постепенно начали не только регулировать число членов посольства, но и ограничивать самое «право посольства» муниципий и других общественных корпораций. Отчасти это делалось в интересах самих названных организаций, главным же образом по соображениям экономии императорского фиска. Так, Траян освободил все муниципии провинции Мезии от необходимости снаряжать поздравительные посольства к наместнику названной провинции. «Пусть, - пишет он в одном из своих писем Плинию, - начальник Мезии извинит, если его будут почитать с меньшими расходами».

Важнейшую дату в истории римской дипломатии и провинциального управления составляет Эдикт Феодосия I. Феодосий ответственность за посылку легаций возложил на префекта претория. В столицы Империи, Рим и Константинополь, допускались лишь те посольства, которые были достойны внимания императора. Ограничение права посольства наносило удар автономии местных общественных мирков, превращало легации в колёса государственной машины, а легатов - в государственных чиновников.

В соответствии с этим изменялся и личный состав посольств. По мере увеличения числа посольств и охлаждения к ним императоров участие в посольской делегации из права превращалось в обязанность. Богатые люди, сенаторы первого ранга местных курий под различными предлогами уклонялись от высокой чести участвовать в посольской миссии. При Домициане в связи с повышением государственных налогов и поборов легации превратились в одну из наиболее тяжелых повинностей римских граждан.

Личный состав посольств менялся и потому, что при массе и разнообразии вопросов от него требовались профессиональные качества, знание законов, посольской техники и красноречие. Всем этим требованиям лучше всего могли удовлетворить лица с юридическим образованием (адвокаты), окончившие юридические школы и школы красноречия. Муниципии и корпорации ставили адвокатов и риторов (профессоров красноречия) во главе посольств и поручали им ведение дел. Все расходы по снаряжению посольств и оплате адвоката падали на муниципальные курии и корпорации. Многие из адвокатов на посольских делах наживали большое состояние и удостаивались высокого почета.

Риторско-дипломатические школы.

Профессия адвоката, ритора и дипломата в императорском Риме считалась одной из самых выгодных, ибо приносила большие доходы и доставляла высокое общественное положение. Этим объясняется стремление римской молодежи получить высшее юридическое образование и пройти обязательную для юриста риторскую школу. Дипломатическому искусству в этих школах уделялось очень большое внимание. Риторские школы в то же самое время были и дипломатическими школами. Ученики школ упражнялись в произнесении речей на самые разнообразные темы дипломатического характера, частью исторические, частью отвлеченные. Давались такие темы, как «Мир между Афинами и лакедемонянами» (445 г. до нашей эры), «Пилосский конфликт», «Проект оборонительного союза греков против Филиппа Македонского». Инсценировали диспут Демосфена с Эсхином на тему о посольстве в коллегии амфикионов и т. д.

Постепенно сложились определенные правила составления дипломатических ораций (речей) и манеры их произношения. Отступления от этих правил рассматривались как нарушения этикета и отсутствие хорошей школы дипломатического искусства. В сочинении Менандра приведены правила составления дипломатических речей, произносимых по разным случаям. Так, например, речь, произносимую от имени города, пострадавшего от землетрясения или какого-либо иного стихийного бедствия, рекомендовалось строить по таким правилам. Орация начиналась со вступления, рассчитанного на возбуждение чувства гуманности принцепса. Постарайтесь, говорится в названном руководстве, прежде всего, подействовать на высокие качества принцепса, на его гуманность и доброту. Императору надо внушить идею о его богоизбранности. Потом следует напомнить ему о его доблестях на войне и во время мира и восстановить в его памяти облик города, от имени которого произносится речь. Полезно при этом пустить в ход риторические контрасты, указать, например, на трагическую судьбу Трои: некогда знаменитый город, который мог вести войну против всей Европы, пал до полного ничтожества. Это сравнение укажет властелину на хрупкость и изменчивость судьбы всего существующего и всех людей. За риторическим введением следовало, наконец, самое изложение цели посольства. Для большего впечатления легатам рекомендовалось упасть перед принцепсом на колени с молитвенными ветвями в руках.

Образец речи об установлении дружбы между городами представляет сороковая речь Диона Хризостома. Темой речи служит предполагаемый союз города Прузы с Лпамеей. Оратор начинает противопоставления великих благ дружбы и великих несчастий вражды, «И Иудумайте только, граждане, сколь приятно, путешествуя по землям своих соседей, встречать друзей вместо врагов, насколько лучше пользоваться гостеприимством, участвовать совместно в религиозных празднествах, зрелищах и молитвах, нежели осыпать друг друга поношениями и оскорблениями... Оскорбительные слова приличествуют лишь бесстыдным людям, но они несвойственны благородным людям и мудрым гражданам».

В руководствах по ораторскому и дипломатическому искусству подробно разрабатывались не только планы речей, но и содержались также образцы стиля и определялись размеры речи. Речь дипломата в среднем не должна превышать, говорится в одном из подобных руководств, ста пятидесяти или максимум двухсот строк.

К разряду дипломатических речей относятся также и панегирики, хвалебные речи в честь императора. В

панегириках наряду с восхвалением императора и его дома содержались пожелания, выражаемые от лица какой-либо группы населения или всего муниципия.

Дипломатия Юлии Цезаря в Галлии (58-51 гг. до н. э.).

Период объединения Римом Средиземноморья был наиболее блестящим периодом римской дипломатии. Завершив свои победы в бассейне Средиземного моря, где противниками римлян являлись государства высокой культуры, Рим переходит к распространению своей власти на менее культурные страны и народы, границы которых соприкасались с римскими. Во второй половине II и I столетий до нашей эры Рим ведет большую политику на Востоке - в Малой Азии и Сирии, и на севере - в Галлии, Германии и Британии. Масштаб внешней политики Рима в эти века был очень широк. Велика была и роль дипломатии. Но деятельность дипломатов протекала в сравнительно более благоприятных и легких условиях. За спиной римского посла и «оратора» теперь стоял великодержавный Рим, во много раз превосходивший своих противников. Соответственно упрощались задачи и методы дипломатии.

Наиболее блестящим представителем этого периода в истории римской дипломатии является Гай Юлий Цезарь. Свои дипломатические дарования он обнаружил с особым блеском во время галльской кампании (58-51 гг. до нашей эры).

Галлия в то время переживала глубокий внутренний кризис. Старинный первобытно-общинный строй сменялся государственным. К древней вражде племен присоединились еще социальные противоречия между различными группами галльского населения. Цезарь в высшей степени искусно использовал все эти противоречия в интересах римского государства. С помощью «римских друзей» ему удалось организовать общегалльскую конференцию. То был своего рода дипломатический конгресс представителей всех галльских племен. Цезарь добился того, что конференция провозгласила его вождем и защитником общегалльских интересов. Этот чисто дипломатический ход облегчил Цезарю задачу покорения Галлии. К нему как к третейскому судье и защитнику галлов начали обращаться галльские племенные князья со своими нуждами, жалобами и взаимными доносами. Это давало Цезарю полную осведомленность во внутренних делах Галлии, возможность вмешиваться в междуплеменные распри и безошибочно направлять свои дипломатические и военные предприятия.

Не последнюю роль в дипломатических успехах Цезаря сыграли и его личные качества. Юлий Цезарь отличался сильным характером и легко ориентировался в сложной обстановке. Вместе с тем он был общителен, щедр, прост и благодарен этим качествам легко располагал к себе людей, с которыми ему приходилось встречаться, независимо от их положения, возраста и национальности. В своей политике Цезарь руководствовался исключительно принципом целесообразности, государственной и личной выгоды.

Разделяя своих противников, приближая и объединяя своих сторонников, Цезарь к концу 52 г. привел галльские племена к полному подчинению Риму. Таким образом, благодаря Цезарю одна из богатейших областей тогдашней Западной Европы - Галлия, которая включала в себя нынешние Францию, Бельгию и часть Германии, - была присоединена к римской территории.

Политику Юлия Цезаря в Галлии, Германии, Британии и в особенности на Востоке продолжал его приемный сын Октавиан Август, первый римский император (принцис). С Августа начинается история Римской империи, продолжавшаяся около 500 лет (I-V века нашей эры).

Союзные договоры с варварами (IV-V века н. э.). Третий раздел римской дипломатии составляют договоры с варварскими народностями. Поселения варваров на римской территории на правах союзников, или федератов, начинаются еще с конца Республики и первых лет существования Империи, с Цезаря и Августа. В последующие столетия они расширялись и получили наибольшее распространение в III-V веках нашей эры, в период «великого переселения народов». Поселение варваров на римской территории являлось следствием кризиса рабовладельческого способа производства и ослабления Империи. Варвары, по выражению Энгельса, вливали свежую кровь в дряхлевшее тело Римской империи.

По своему юридическому положению федераты находились на правах «иностранных союзников». Этим они отличались от других категорий варваров, живших в пределах Римской империи, но не связанных с Римом договорными отношениями. Федераты пользовались покровительством римского закона и многими привилегиями по сравнению с остальной массой варварских поселенцев.

Среди многочисленных договоров с федератами наибольшее историческое значение имел договор Константина Великого с готами (332 г.). Римляне предоставляли готам землю для поселений на Дунае и обещали уплачивать дань за военную помощь со стороны готов. К этим статьям прибавлялась еще особая статья о торговле по обеим сторонам Дуная. Для облегчения торговых связей Константин построил мост через Дунай. Соглашение Константина с готами расстроилось с того момента, когда им стало известно, что Константин одновременно заключил тайное соглашение с сарматами, старыми врагами готов. Возмущенный этим поступком, готский князь обязал клятвой своего сына, будущего короля Лтанариха, что он никогда не вступит на римскую территорию для оказания помощи римлянам.

Из соглашений последующего времени наибольшее значение по своим историческим последствиям имел договор 369 г. между Валентом, императором восточной половины Римской империи, и Атанарихом, королем готов. Соглашение было составлено в письменной форме и скреплено подписями обеих сторон. Готы получали право поселения во Фракии. Ввиду взаимного недоверия переговоры происходили на плотках посредине Дуная. Через несколько лет последовало новое соглашение между готами и Валентом. Теснимые гуннами, готы отправили в 376 г. к Валету посольство с предложением заключить союз. Император принял предложенные готскими легатами условия договора. Римляне брали на себя обязательства: 1) оказывать готам временную поддержку продовольствием и 2) предоставить земли для поселений и обработки. Для Валента эти условия были чрезвычайно выгодны. В лице готских федератов он получал необходимую ему военную помощь - ка-

валерию. Готская кавалерия считалась лучшей. Вместе с тем договор избавлял римских землевладельцев от поставки рекрутов. Однако Валент не сумел воспользоваться вытекавшими из договора возможностями. Недоверчивый и склонный к подозрительности император слишком затянул переговоры. Тем временем стоявшие на Дунае массы готов двинулись через Дунай, нахлынули в соседние римские провинции и их жестоко опустошили. Сам Валент погиб в сражении с готами при Адрианополе в 378 г.

Последующие императоры, наученные горьким опытом, во избежание повторений событий 377-378 гг., старались более точно соблюдать принятые на себя обязательства в отношении своих федератов. Кроме того, для побуждения варварских князей к заключению договоров они старались их предварительно задобрить подарками - золотом и всевозможными дорогими вещами: ожерельями, бусами, кольцами и пр., к которым варвары обнаруживали большую склонность.

В 382 г. Феодосий I заключил договор с Аларихом на условиях, более выгодных для Алариха, чем для Империи. Готам предоставлялись земли во Фракии и Мезии с правом заниматься земледелием без уплаты земельного налога и несения каких-либо иных повинностей, кроме военных.

Дружественные договоры с Аларихом и другими вождями варваров заключались также и при преемниках Феодосия, императора западной и восточной половины Империи. В последние годы своего существования Римская империя держалась исключительно силою варваров, находившихся на римской службе. Между варварами и римлянами установились более тесные отношения. Влияние варварских обычаев нашло отражение и в дипломатии. Одновременно с ростом этого влияния происходил и другой процесс - освоение варварами римской культуры, процесс романизации. Из сочетания лих потоков образовались в первой половине средних веков варварские общества и государства, выработавшие и свою собственную дипломатию.

Какой была организация внутренней дипломатии императорского Рима?

Главные черты и результаты дипломатии Юлия Цезаря в Галлии (58-51 гг. до н.э.).

Какие цели преследовал Рим, составляя союзнические соглашения с варварами (IV-V в. н.э.)?

Тема 8. ДИПЛОМАТИЯ ВРЕМЕН ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Римская империя и варвары.

С конца IV века нашей эры волны нашествия германских племен, давно бившиеся о границы Римской империи, прорываются внутрь и затопляют ее области. Сотрясаемая кризисом рабовладельческого способа производства, нарастающей революцией рабов и колонов, Империя не в состоянии была отражать все новые полчища варваров, привлекаемых плодородием ее земель и молвой о неисчислимых богатствах ее вилл и городов. Экономически более слабая Западная империя, в которой кризис рабовладельческого хозяйства сказался к тому же с большей силой, теряла область за областью. С крайним напряжением сил отражала все новые удары и Восточная империя. Вестготы Алариха опустошили ее провинции, разгромили Италию, взяли и разграбили древнюю столицу Империи - «вечный город» Рим. В Испании и юго-западной Галлии вестготы основали свое королевство - первое варварское государство на территории Римской империи. За ними вандалы, свевы, бургунды, франки отнимали одну область Империи за другой. Наконец, гунны, представлявшие монгольские племена, захватили огромные пространства от Волги до Рейна, вплотную подошли к границам Империи, опустошали ее земли, требовали дани, угрожали самому ее существованию. Империи как Восточной, так и Западной приходилось не только воевать с варварами, но и вступать с ними в сложные политические сношения. Обычно варвары являлись в Империю сначала не как завоеватели, а как вассалы и союзники. С ними устанавливались договорные отношения, быстро менявшие свой характер, поскольку вчерашние вассалы сегодня превращались в бунтовщиков, а завтра в завоевателей. С ними надо было договариваться, их надо было подкупать, от них надо было избавляться. Они в свою очередь предъявляли все новые притязания, требуя золота, серебра, новых земель для поселения. На этой почве возникали сложные дипломатические отношения между варварами и Римской империей, или, вернее, двумя римскими империями.

Варвары, размещаясь в областях Западной империи, быстро переходят к новым общественным порядкам. Ускоренным темпом идет у них процесс образования классов, возвышается королевская власть, из догосударственного состояния они переходят в государственное. Между возникающими варварскими королевствами границы неясны и не установлены. Споры разрешаются не только оружием, но и переговорами. По мере образования варварских королевств неизбежно возникает у них и своя дипломатия.

Константинопольский Двор и Л. п. ла.

Столкновения римского и варварского миров рождают своеобразные формы международного общения. Сохранилось подробное и богатое живыми деталями описание дипломатических сношений восточноримского (константинопольского) двора с вождем гуннов Аттилой. Это описание оставлено неким Приском - лицом, близко стоявшим к дипломатическим кругам Константинополя. Из его рассказов можно видеть, как варвары постепенно усваивали приемы римской дипломатии. Но и Империи приходилось приспособляться к обычаям варваров. Приск описывает одно из посольств восточного императора Феодосия II к гуннам в 433 г. Встреча послов императора с гуннами произошла близ границы. Гунны заявили, что желают вести переговоры, не сходя с лошадей. «Римские послы, заботясь о своем достоинстве, имели с ними свидание также верхом», - говорит Приск. Был заключен договор, унижительный для Империи, по которому она обязалась выдать гуннам всех перебежчиков и платить ежегодно по 700 фунтов золота. После этого обе стороны принесли клятву соблюдать договор, каждая по обычаю своих предков.

Варвары, усваивая обычаи римской дипломатии, старались извлечь из них для себя пользу, иногда в довольно грубой форме. В Империи был обычай делать послам подарки. Аттила отправил в Константинополь

послов с требованием выдать перебежчиков. Послы были осыпаны подарками и отправлены назад с ответом, что в Империи перебежчиков нет. Тогда Атила отправил других послов. Когда и эти получили подарки и были отпущены, он отправил третье посольство, а за ним и четвертое. «Атила, зная щедрость римлян, зная, что они оказывали ее из опасения, чтобы не был нарушен мир, - кому из своих хотел сделать добро, того и отправлял к римлянам, придумывая к тому разные пустые причины и предлоги». Но Атила из переговоров с Империей научился не только этому. Приск сообщает, что у Атилы был присланный ему Аэцием писец Констанций, который составлял для него грамоты, - по-видимому, на латинском языке. Для ведения переговоров Атила использовал опытных в этих делах римлян из захваченных им областей Империи. Приск подробно описывает посольство Атилы к Феодосию II в 448 г. Послом Атилы был гунн Эдикон, «отличавшийся великими военными подвигами». С ним вместе был послан римлянин Орест, который жил в одной из пограничных областей, недавно отошедших под власть Атилы. Эдикон был представлен императору и вручил ему грамоту Атилы, в которой вождь гуннов жаловался на невыдачу перебежчиков и требовал установления новых пунктов для торговли между гуннами и Империей. Император прочел грамоту, написанную по-латыни. Затем Эдикон сделал устные добавления к грамоте, переведенные придворным Вигилой, знавшим гуннский язык.

Судьба этого посольства интересна для характеристики приемов византийской дипломатии. Некоторые из константинопольских сановников с ведома императора подбивали Эдикона убить Атилу, обещая ему «великое богатство». Эдикон притворно согласился на сделанное ему предложение и отправился в страну гуннов вместе с посольством императора, в которое вошел и Вигила, бывший главным исполнителем всего замысла. Эдикон выдал Атиле заговор. Интересно, что Атила не решился убить Вигилу, хотя и обратился к нему с гневной речью, заявив, что его следовало бы посадить на кол и бросить на расклевание птицам, если бы этим не нарушились права посольства. Отсюда видно, что у варваров уже укоренилось представление о неприкосновенности послов.

Атила требовал, чтобы к нему присылали для переговоров не простых людей, а самых знатных, носивших консульское звание. Послы в переговорах с ним ссылались на то, что в посольства к варварам обычно отправляют незнатных людей, преимущественно военных, но Атила настоял на своем. В 449 г. к нему были отправлены патриции Анатолий и Ном. Атила из уважения к их сану выехал встречать их к самой границе, «чтобы не подвергать их трудам дальнейшего странствования». Сначала он говорил с ними надменно, но потом смягчился и заключил выгодный для Константинополя договор. На прощание он дал им богатые подарки - лошадей и меха. Так, сносась с Империей, варвары постепенно усваивали римские понятия и обычаи в посольском деле.

Одоакр и Теодорих.

В 476 г. Западная Римская империя прекратила свое существование. Вождь германо-варварской дружины Одоакр низложил последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула. Первым же актом завладевшего Италией Одоакра было установление дипломатических отношений с Восточной Римской (Византийской) империей. Он отправил в Константинополь знаки императорского достоинства - диадему и пурпурное одеяние, в знак того, что на Западе больше не будет особого императора. Себе Одоакр испрашивал разрешение носить титул патриция и править Италией. Император Востока (Зенон) повел против Одоакра сложную интригу. Он направил на завоевание Италии вождя остготов Теодориха, который угрожал перед тем Константинополю. Этим отводилась опасность от Империи, и натравливались друг на друга два беспокойных соседа-варвара. Теодорих, долго живший в Константинополе, показал, что он неплохо усвоил принципы византийской дипломатии. Не добившись решительной победы, он предложил Одоакру разделить господство над Италией и на пиру собственноручно его убил. Коварство и измена отдали Италию в руки остготов.

Хорошо известна приверженность Теодориха к римским политическим формам. Этот варвар, не умевший даже подписать свое имя, окружил себя римскими учеными и государственными людьми, поручил всю администрацию и посольское дело римлянам. Международное положение Остготского королевства было сложно. Византийские императоры с опасением смотрели на нового сильного соседа. Отобрание остготами у римских землевладельцев трети земель вызвало крайнее недовольство римской аристократии, которая смотрела на византийского императора, как на свою защиту, и нетерпеливо призывала его к интервенции. Хотя Теодорих-арианин и терпимо относился к католицизму, духовенство готово было поддержать византийскую интервенцию, которая должна была восстановить господство католической церкви. Это осложняло отношения остготов с Востоком.

Остготскому государству пришлось вести сложную дипломатическую игру и на Западе, среди варварских государств. Здесь одним из средств умиротворения опасных соседей была политика брачных союзов. Одна из дочерей Теодориха была выдана замуж за короля бургундов, другая—за короля вестготов, сестра - за короля вандалов, сам Теодорих женился на сестре короля франков. Руководителем политики Теодориха был знаменитый Кассиодор, продолжавший традиции римской дипломатии. Кассиодор придавал дипломатии огромное значение. «Дело посла, - пишет он, - великое искусство». Послов надо выбирать осторожно. «Поскольку каждое посольство требует мудрого человека, которому можно было бы доверить дела провинции и государства, надо выбирать для этого самого умного, способного спорить с наиболее хитрыми и говорить в собрании мудрых так, чтобы множество искусных людей не могло взять над ним верх в поручаемом ему деле». Послами отправляли самых знатных людей, чтобы оказать честь чужим государям и в то же время повысить авторитет посольства. Через остготские посольства римские обычаи прививались и у западных варваров. При франкском и вестготском дворах устанавливается константинопольский этикет. Варварские короли начинают требовать от послов земных поклонов, какие отдавались императорам. Правда, в сношениях с западными варварами приходилось иногда прибегать к своеобразным мерам, чтобы обеспечить себе успех. Так, к Хлодвигу вместе с двумя послами Теодорих отправил певца и музыканта, чтобы музыкой смягчить свирепый дух франкского завоевателя. Посольство это увенчалось полным успехом.

У варваров все более укореняется представление о неприкосновенности послов. Дополнение к «Салической Правде» устанавливает за убийство посла огромный выкуп (вергельд) в 1800 солидов (убийство простого франка выкупалось вергельдом в 200 солидов, убийство королевского дружинника -вергельдом в 600 солидов). Подобные же постановления встречаются в аламанской, саксонской, фризской «Правдах». «Правды»

устанавливают право послов на даровое помещение и питание в пути и налагают штрафы на тех, кто откажет им в этом.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Дипломатия Юстиниана (527-565 гг.).

Образцом для варварских королевств была дипломатическая служба в Восточной Римской (Византийской) империи. Сохранив старые римские традиции, все более изоцряясь в новой, сложной и опасной обстановке, когда чаще приходилось полагаться на хитрость и интригу, византийская дипломатия оказала огромное влияние на вею дипломатию средневековья. Ее обычаи и приемы были усвоены ее ближайшей западной соседкой Венецией и через нее перешли в практику итальянских государств и в дипломатию западноевропейских монархий нового времени. Как принципы, так и внешние приемы византийской дипломатии заслуживают поэтому более внимательного рассмотрения. Всего ярче они выразились в деятельности одного из замечательнейших дипломатов того времени - императора Юстиниана. В дальнейшем византийская дипломатия верно следовала его примеру, лишь становясь все изощренней и изворотливей по мере ослабления политической мощи государства и роста окружающих его опасностей. Может быть, в дипломатию Юстиниана, правившего Империей из своего рабочего кабинета, вносила струю некоторой живости и гибкости Феодора, в юности - актриса, потом всеильная супруга величайшего из византийских императоров. Ее влияние на внешнюю политику Юстиниана бесспорно. Она писала царю Ирана Хосрову: «Император ничего не предпринимает, ие посововетовавшись со мной». Иноземные посольства направлялись не только к Юстиниану, но и к Фсодо-рс, а иногда раньше к Фсодорс, чем к Юстиниану. Это влияние «гинекея», женской половины дворца, чрезвычайно характерно и для позднейшей истории византийской дипломатии.

Восточная Римская империя достигла в царствование Юстиниана наивысшего внешнего могущества. Ее дипломатические связи охватывали огромное пространство от Китая и Индии до Атлантического океана, от Внутренней Африки до причерноморских степей. Юстиниан умело комбинировал искусную дипломатическую игру с меткими военными ударами, которые расширили пределы Империи далеко на запад.

Византия со всех сторон была окружена беспокойными, находившимися в постоянных передвижениях племенами, к которым она применяла общее название «варваров». Византийцы тщательно собирали и записывали сведения о варварских племенах. Они хотели иметь точную информацию о нравах «варваров», об их военных силах, о торговых сношениях, об отношениях между ними, о междоусобиях, о влиятельных людях и возможности их подкупа. На основании этих тщательно собранных сведений строилась византийская дипломатия, или «наука об управлении варварами».

Главной задачей византийской дипломатии было заставить варваров служить Империи, вместо того чтобы угрожать ей. Наиболее простым способом был наем их в качестве военной силы. Варваров покупали, заставляя их вести войны в интересах Византии. Ежегодно Византия выплачивала пограничным племенам большие суммы. За это они должны были защищать границы Империи. Их вождям раздавали пышные византийские титулы, знаки отличия, золотые или серебряные диадемы, мантии, жезлы. Сам Атила получал жалованье как «полководец Империи». Варварам давали земли, где они селились на положении вассальных союзников (федератов). Лангобарды получили земли в Норике и Паннонии, герулы - в Дакии, гунны - во Фракии, авары - на Саве. Так одни варвары служили оплотом Империи против других. Варварских князей старались покрепче привязать к византийскому двору. За них выдавали девушек из знатных византийских фамилий. В то же время в Константинополе зорко следили за раздорами, обычными в княжеских родах варваров. Неудачным претендентам, изгнанным князьям давали приют и держали их про запас, на всякий случай, чтобы выставить своего кандидата на освободившийся престол или выдвинуть опасного соперника против зазнавшегося варварского князя.

Эти «мирные средства» были, однако, ненадежны. Варвары, получавшие от Византии деньги, требовали все больше и больше, как Атила, и угрожали перейти на сторону врагов Империи. Важно было не давать им усиливаться, уметь натравливать их друг на друга, ослаблять их взаимными усобицами. Старое римское правило («разделяй и властвуй») нашло самое широкое применение в византийской политике. Умение играть соседями, как шахматными фигурами, отличало дипломатию Юстиниана. Юстиниан возвел это натравливание в целую систему. Против болгар он подымал гуннов, против гуннов - аваров. Вандалов он одолел при помощи остготов, а остготов при содействии франков. Военное вмешательство во внутренние дела других государств было одним из средств политики Юстиниана. Всего ярче эта политика выразилась в войнах Юстиниана с вандалами и остготами. В Африке и Италии Юстиниан использовал недовольство римских землевладельцев, вызванное захватом их земель варварами, и возмущение духовенства господством варваров-ариан. Его войны слиты с социальной борьбой в этих странах. Римские землевладельцы и духовенство поддерживали Юстиниана. Папа Вигилий умолял его довести до конца неудачно начатую интервенцию в Италии. Остготские короли отчаянно защищались, поддерживаемые рабами и колонами, положение которых было облегчено варварами. Победа Юстиниана обозначала реставрацию рабовладельческой империи. Юстиниан вернул римским крупным землевладельцам и церкви отобранные у них земли, отнял у рабов и колонов все облегчения, добытые ими при готских королях. Вандальские и готские войны Византии были интервенцией, направленной против революции рабов и колонов.

Если сильного врага нельзя было ни купить, ни одолеть своим или чужим оружием, Юстиниан прибегал к его политическому и экономическому окружению. Самым опасным соперником Византии было иранское государство Сасанидов, особенно усилившееся при Хосрове I. Военные действия против Ирана были неудачны. Юстиниан подымает против Хосрова всех его соседей. Против Ирана были брошены сабирские гунны, северные его соседи, кочевники Сирийской пустыни, угрожавшие ему с юга, бедуины Неджда, арабы Йемена, Эфиопское царство Аксума. Юстиниан поддерживал царей Лазики, загораживавших Ирану путь к Черному морю. Чтобы избежать посредничества Ирана в торговле с Индией и Китаем, Юстиниан стремился направить эту торговлю по морским путям через Красное море.

Расширение торговых связей также использовано было Византией как одно из сильнейших орудий дипломатии.

Торговые города, расположенные на окраинах Империи, были форпостами ее политического влияния. Купцы, проникавшие к отдаленным народам, приносили в Византию сведения о них. С византийскими товарами к варварам шло и византийское влияние.

За купцом следовал миссионер. Распространение христианства также было одним из важнейших дипломатических орудий византийских императоров на протяжении многих столетий. Миссионеры Юстиниана проникали в горы Кавказа, в равнины Причерноморья, в Абиссинию, в оазисы Сахары. Впоследствии христианство усиленно распространялось среди южнославянских племен. Хорошо известны те столкновения, которые имели место в Моравии между византийскими и немецкими миссионерами из-за влияния на западных славян. Распространение христианства на Руси было большой дипломатической победой Византии. Константинополь - Царьград - становится священным городом для новообращенных народов. Миссионеры были в то же время и дипломатами, трудившимися над укреплением византийского влияния. Они подлаживались к князьям, к влиятельным лицам, особенно же к влиятельным женщинам. Нередко у нехристианских варварских князей были жены христианки, которые под влиянием «духовных отцов» служили сознательными или бессознательными проводниками интересов Византии. В противоположность папскому Риму, который не допускал церковной службы на национальных языках, Византии облегчала миссионерам дело распространения христианства, разрешая службу на месных языках, переводя священное писание на языки повообращаемых народов. Евангелие было переведено на готский, гуннский, абиссинский, болгарский и другие языки. Труды эти не пропадали даром. В обращенных странах утверждалось византийское влияние. Духовенство, зависимое от Византии, играло огромную роль в варварских государствах как единственный носитель грамотности. Кпископы-грски или ставленники греков заседали в княжеских советах. Школа всецело зависела от духовенства.

1 Юсольское дело в Византии (VI-X века).

При византийском дворе всегда можно было видеть пеструю толпу посольств со всех концов Европы, Азии, Африки в разнообразных национальных костюмах, слышать все языки мира. Ведомство иностранных дел, которое находилось под управлением первого министра (впоследствии «великий логофет»), обладало огромным штатом, держало переводчиков со всех языков, выработало сложный порядок приема послов, рассчитанный на то, чтобы поразить их воображение, выставить перед ними в самом выгодном свете мощь Византии. В то же время их прием обставлялся так, чтобы не дать им возможности видеть или слышать слишком много, разузнавать слабые стороны Империи.

Послов встречали на границе. Под видом почетной стражи к ним приставляли зорких соглядатаев. Послам ие позволяли брать с собой слишком большую вооруженную свиту, так как были случаи, когда такие послы захватывали врасплох какую-нибудь византийскую крепость. Иногда послов везли в Константинополь самой длинной и неудобной дорогой, уверяя, что это единственный путь. Это делалось с той целью, чтобы внушить варварам, как трудно добраться до столицы, и отбить у них охоту к попыткам ее завоевать. В дороге послы должны были получать пищу и помещение от специально назначенных для этого лиц, которым нередко должно было оказывать содействие и окрестное население. Строились и специальные дома для приема послов в пути. По прибытии послов в Константинополь им отводился особый дворец, который, в сущности, превращался в тюрьму, так как к послам не пускали никого и сами они ие выходили без конвоя. Послам всячески мешали вступать в общение с местным населением. Прием у императора должен был поразить и ослепить послов. Лиутпранд, ездивший в Константинополь в X веке послом от короля Италии Беренгария, с восхищением варвара описывает необычайную роскошь первой аудиенции у императора. Перед тронном царя стояло золотое дерево, на котором щебетали и порхали золотые птицы. По сторонам трона стояли золотые или - сомневается Лиутпранд, - может быть, золоченые львы, которые били хвостами и рычали. Когда, по этикету простершись ниц перед царем, Лиутпранд снова поднял голову, он к своему изумлению увидел, что трон с сидящим на нем царем поднялся до потолка и

что на царе уже другая богатая одежда. Лиутпранд был приглашен на роскошный пир, во время которого давали представление жонглеры и акробаты. Его наивное восхищение перед всем, что ему довелось увидеть, вызвало смех у царя и придворных. Лиутпранду пришлось побывать в Константинополе еще раз в качестве посла императора Отгона I. Теперь у него было совсем другое настроение... Отчет Лиутпранда о посольстве 968 г. - один из любопытнейших документов по истории дипломатии в раннее средневековье. Целью посольства было установление дружественных отношений с Византией и заключение их браком сына Отгона с византийской принцессой Феофаной. Досаду на свою полную неудачу Лиутпранд выместил в подробных описаниях византийской столицы и ее государя, составленных в ироническом и даже карикатурном стиле. Насколько все его раньше восхищало в Константинополе, настолько теперь все в нем возбуждает насмешку. Надо сказать, что прием Лиутпранду на этот раз был оказан самый неприязненный. Его поместили в особом дворце, где держали как пленника, оставляя часто даже без воды; не позволили ему ехать ко дворцу на лошади, предложив отправиться туда пешком; Отгона I не называли императором (василевсом), а упорно титуловали королем (реке); германцев все время называли варварами.

Из описаний Лиутпранда видно, что византийцы, если это им было нужно, могли ошеломить иноземных послов роскошью приема, но умели также и унижать их и отравить им пребывание в Константинополе.

Обычно послов старались очаровать и обласкать, чтобы тем легче обмануть. Послов водили по Константинополю, показывали им великолепные церкви, дворцы, общественные здания. Их приглашали на праздники или даже специально устраивали праздники в их честь. Послов приглашали не только к императору, но и к императрице, а также к важнейшим вельможам. Им показывали военное могущество Константинополя, обращали внимание на толщину его стен, на неприступность его укреплений. Перед послами проводили войска, причем для большего эффекта их пропускали по несколько раз, меняя их одежду и вооружение. Слепленные и подавленные, послы уезжали, наконец, из Константинополя. Их провожали с трубными звуками, с распущенными знаменами. Иногда мелким князьям оказывался необычайный почет, если нужно было их крепче привязать к Византии. Все удивлялись необычайным почестям, которые воздавались Юстинианом царям Лазики и кавказским князьям. Но

император знал, что делает: они должны были не допускать иранцев к Черному морю.

При константинопольском дворе вырабатывались определенные правила посольского дела, которые воспринимались всеми державами, имевшими дела с Византией. Посол является представителем государя и может вести переговоры лишь в пределах предоставленных ему полномочий. В тех случаях, когда возникают новые обстоятельства, непредвиденные в полученном послом полномочии, он должен запросить дополнительных инструкций. За превышение полномочий послу грозило тяжелое наказание. Лишь в очень редких случаях представителям императора давалось разрешение вести переговоры на свой страх и риск. Такие широкие полномочия получали обычно победоносные полководцы Византии - Велизарий, а потом Нарсес.

Как уже сказано, послами были обычно люди высокого ранга. В Византии нередко послам специально давались высокие титулы, если они их не имели раньше. Дипломатические поручения открывали путь к самым высоким почестям.

Посол должен был представить верительную грамоту. Сохранились тексты таких грамот. Обычно они были переполнены многоречивыми, цветистыми и льстивыми формулами, сообщали имя посла и очень кратко говорили о целях посольства, ссылаясь на то, что у посла имеется соответствующая инструкция. Верительная грамота передавалась во время первого торжественного приема; о делах шла речь уже потом, в частной аудиенции. Для ведения переговоров послы получали инструкцию, иногда письменную, иногда устную. Во всяком случае, к письменной инструкции обычно прибавлялись тайно устные поручения. При этом в верительной грамоте и в инструкциях цели посольства могли излагаться совсем по-разному. Иногда посольству под видом неважных или формальных поручений - вроде поздравления нового государя со вступлением на престол - давалось задание разузнать об отношениях и настроениях при иностранном дворе. Византийские послы при затянувшихся переговорах отправляли ко двору донесения и получали новые инструкции.

При византийском дворе выработался и особый церемониал приема послов, отчасти уже описанный выше. Во время первого, торжественного приема послы лишь передавали верительную грамоту и подарки. Подарками нередко служили произведения той страны, откуда прибыли послы - драгоценные камни, оружие, редкие животные. Папы посылали византийскому двору мощи. Это был высокоценный подарок. Но и послов надо было одаривать: этого требовало достоинство государя. Окончательный ответ послы получали во время последней аудиенции, не менее торжественной, чем первая. В промежутке между этими двумя аудиенциями при дворе обсуждались связанные с посольством вопросы, а послы делали визиты императрице и важнейшим сановникам в известном иерархическом порядке. Во время этих приемов, за пирами, происходило иногда и обсуждение дел.

Нередко император надолго задерживал послов в Константинополе, не давая им заключительной аудиенции. Это превращалось иногда в настоящий плен. Так, однажды император задержал у себя аварских послов, полагая, что до их возвращения авары не предпримут военных действий. Но он ошибся - авары возобновили войну. Вообще пребывание послов в Константинополе, как правило, было довольно длительным. В одной из грамот к византийскому двору Карл Великий просит не задерживать его послов, а скорее отослать их обратно.

Византийским послам предписывались определенные правила поведения в чужих странах. Посол должен был проявлять приветливость, щедрость, хвалить все, что увидит при чужом дворе, по так, чтобы это не было в укор византийским порядкам; он должен был сообразоваться с обстоятельствами, не навязывать силой того, чего можно добиться иными средствами. Ему предписывалось не вмешиваться во внутренние дела чужих государств. Последнее предписание, впрочем, не соблюдалось. Византийские послы вели тайные интриги при чужих дворах, конечно, с ведома своего правительства. Заключенный послами договор считался действительным лишь после его ратификации императором.

Принцип неприкосновенности послов рано был усвоен всеми варварами. На этой почве возникло даже нечто вроде права убежища. Люди, находившиеся в опасности, прибегали к защите послов. Франкская принцесса, оскорбленная при лангобардском дворе, ищет защиты у франкского посла. Но если посла нельзя было убить, то не считалось зазорным посадить его в тюрьму. В таких случаях возможны были и ответные репрессии. Так, остготский король Теодат посадил в тюрьму византийских послов. В ответ на это Юстиниан арестовал находившихся в это время при его дворе остготских послов и отказывался освободить их, пока Теодат не освободит императорских послов. Неприкосновенность посла давала известную защиту его свите. К свите послов нередко присоединялись купцы, становясь под их покровительство.

Следует отметить, что в посольствах варварских королей выступают, между прочим, кое-какие черты, чуждые византийским обычаям. Среди варварской знати было мало образованных людей, способных вести самостоятельно письменную часть переговоров. Поэтому в королевских посольствах обычно участвовали духовные лица, что у византийцев бывало редко. При Каролингах установилось правило, по которому обычно отправлялись два посла - граф или герцог и с ним епископ или аббат. К посольствам присоединялись нотариусы, чиновники королевской канцелярии.

Короли варваров шлют со своими послами грамоты, составленные по римским формулярам, иногда не менее искусно, чем у самих византийцев. Короли варваров старались тянуться за византийским двором и в роскоши приема послов.

ПАПЫ И ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО Международное положение папства.

Приемы римской дипломатии распространялись среди варварских королевств не только Византией, но и носительницей римских традиций - папской курией, которая сохранила многое из обычаев и приемов императорской канцелярии.

Влияние папской дипломатии сильнее всего сказывается на всем ходе политической истории средневековья. По самому своему существу папство представляло международную силу. Искусная дипломатия была политическим оружием пай не в меньшей, а часто и в большей степени, чем их духовный авторитет. И в дипломатии папство пользовалось арсеналом насилия, обмана, предательства, подлога, пресмыкательства и

жестокости, как, пожалуй, никакое из светских государств. 15-м в отношении папства было, несомненно, учителем весьма многих государей Европы.

Уже папа Лев I («Великий» - 440-461 гг.) приобрел необычайный авторитет в Европе своей удачной дипломатией. К нему удалось уговорить Атиллу не идти на Рим. Не совсем ясно, почему Атила счел более удобным для себя повернуть обратно, и какими обещаниями папе удалось этого добиться. Услужливая церковная легенда представила это событие как чудо и украсила образ папы ореолом святости. Лев I выдвинул притязание на первенство римского епископа среди других христианских иерархов и с этой целью прибег к приему, который и впоследствии применялся папами не раз - именно к под-лою. В латинский перевод постановлений первого вселенского собора папой была вписана фраза: «Римская церковь всегда имела первенство».

Международное положение папства крайне осложнилось с падением Западной Римской империи и установлением в Италии власти варваров. Во времена варварских завоеваний на Западе организационное единство католической церкви было утрачено. Каждая местная церковь управлялась самостоятельно, хотя на Западе и было признано в теории первенство римского епископа. Господство в Италии остготских королей-ариан, при всей их терпимости, не могло не подрывать авторитета пап. Как сказано, папы возлагали надежды на византийского императора и взывали к его интервенции в дела Италии. Уже с Середины V века ввиду упадка императорской власти на Западе папы тесно связываются с Константинополем. Они держали при константинопольском дворе постоянных резидентов, так называемых апокрисиариев. Помимо чисто церковных дел, апокрисиариям поручалось наблюдение и за политическими настроениями при дворе византийских императоров. Апокрисиарии пользовались некоторыми личными преимуществами, имели право вести переговоры непосредственно с императорами, жили в особом помещении в императорском дворце. В апокрисиариях не без основания видят наиболее ранний прецедент постоянного дипломатического представительства папы при иностранных дворах. От апокрисиариев, постоянных резидентов при константинопольском дворе, надо отличать легатов, папских посланцев, которым давались специальные поручения как церковного, так и политического характера.

После захвата Италии Юстинианом и завоевания большей части Апеннинского полуострова лангобардами папы остались государями Рима, номинально подчиненными византийскому императору, но фактически почти независимыми. Папам приходится вести сложную дипломатическую игру между лангобардами и Византией. Влияние последней все слабеет. Зато на Западе начинает играть все более крупную роль франкское государство, в котором папы видят опору против лангобардов.

Сношения пап с франкским государством.

Учитывая складывающуюся во Франкском королевстве политическую обстановку, папы поддерживали связь не столько с «ленивыми королями» франков, сколько с представителями могущественного рода Арнульфип-гов, которые занимали должность майордомов (начальников дворцового управления) и фактически управляли всеми делами государства. В 739 г. папа отправил к майордому Карлу Мартеллу посланцев просить «спасти римлян от гнета лангобардов». С ними он послал Карлу ключи от гроба св. Истра. Эти ключи, освященные на гробнице апостола и будто бы обладавшие свойством исцелять больных, играли немалую роль в папской дипломатии. Папы посылали их сильным людям в знак дружбы. Карл Мартелл с почетом принял папское посольство, дал ему богатые дары, но против лангобардов выступить не решился.

Но если папы нуждались в майордомах, то и майордомы нуждались в папах. Сын Карла Мартелла Пипин Короткий хотел присвоить себе и своей династии королевский титул и для этого рассчитывал опереться на папский авторитет. В 751 г. в Рим было отправлено посольство. К папе обратились с вопросом «о королях, которые были в то время у франков и носили титул королей, не имея королевской власти». Папа Захарий будто бы ответил: «Лучше пусть называется королем тот, кто имеет власть, чем тот, который ее лишился». Летописец, отражающий церковную точку зрения, прибавляет: «... и тогда силой своей апостольской власти он повелел, чтобы Пипин был возведен на царство». Последнее представляет явную выдумку. Но во всяком случае папа постарался извлечь все выгоды из благоприятно сложившейся обстановки. Он оказал важную услугу Пипину, который вслед за этим стал королем франков. К тому же папе понадобилась - и очень скоро - помощь Пипина.

Лангобарды возобновили нападения на Рим. Новый папа Стефан II лично отправился просить помощи у франкского короля. Ему была устроена необычайно торжественная встреча. Пипин послал своего сына Карла (будущего императора) за 100 миль вперед навстречу папе. Сам король со своей семьей выехал встретить его, сошел перед ним с коня и на снегу преклонил колени, потом пешком пошел рядом с папой, ведя его лошадь под уздцы. С пением гимнов папский кортеж вошел в королевскую виллу Понтион. Здесь папа бросился перед Пипином на колени и умолял его «защитить дело святого Петра и Римской республики». Пипин обещал папе сделать все, что в его силах. В награду папа в торжественной церемонии помазал Пипина на царство и дал ему и его сыновьям титул «римских патрициев». Так был упрочен союз «алтаря и трона». С сильным франкским эскортом папа вернулся в Рим. Вскоре после этого франкские войска вторглись в Италию и разбили лангобардов. В договоре, подписанном в октябре 754 г., лангобардский король обязался не только оставить в покое Рим, но и отдать папе города, бывшие ранее византийскими владениями и захваченные лангобардами, - Равенну, Ринмини, Урбино и др. Понадобилась, однако, еще одна военная экспедиция, чтобы заставить лангобардского короля выполнить свое обязательство. Теперь Пипин составил дарственный акт, которым все эти области передавались на вечные времена «Римской церкви, святому Петру и первосвященникам римским, его преемникам». Так создавалась Папская область, светское государство пап. Византийскому императору пришлось примириться с тем, что сюзеренные владения в Италии (которые, впрочем, зависели от него скорее номинально) перешли под власть папы.

Зато папа теперь оказывается в фактической зависимости от короля франков, который подарил ему эти владения. Но папа не хочет этого признать формально. Появляется документ, который должен доказать, что па-

па получил лишь то, на что он имеет давнее и неотъемлемое право. В ход пускается самая знаменитая в истории фальшивка - «Константинов дар», — сыгравшая крупную роль в папской дипломатии последующих столетий. В этом грубо и аляповато составленном документе рассказывается история о том, как чудесно исцеленный от проказы император Константин отдал пане императорскую власть над всем Западом, а сам удалился из Рима на Восток, в Константинополь.

Дипломатия Карла Великого.

Между франкским королем и папой устанавливается тесная связь, выражающаяся в постоянных посольствах, которыми они обмениваются, а также в совместных их посольствах к византийскому и другим дворам. Во всех этих посольствах папские послы играли подчиненную роль. Папы были не совсем свободны в своих внешних сношениях и были принуждены спрашивать советов у франкских государей. Особенно усиливается зависимость папы от франкского короля при Карле Великом, когда, после подчинения королевства лангобардов, владения франков вплотную подошли к папским. Но папы, фактически подчиняясь франкским королям, все же стремятся сохранить видимость духовного верховенства, дающего им право раздавать государям короны. В этом отношении большой интерес представляет история принятия Карлом Великим императорского титула.

Это - запутанная история, толкование которой вызвало немало разногласий в исторической литературе. Мысль о принятии императорского титула, как о средстве увеличить свой международный авторитет и свою власть над подданными, по-видимому, уже давно зрела у Карла. Папы его поощряли в этом направлении, стремясь возвысить своего нового союзника за счет старого. Карла называли «новым Константином». Папа постарался сделать так, чтобы инициатива коронации исходила от него. Воспользовавшись пребыванием Карла в Риме, папа выбрал день, когда король был на богослужении в храме св. Петра, и внезапно надел на него корону, причем был пропет гимн, в котором Карл восхвалялся как император. Карл был недоволен тем, как все это было сделано, но титул принял. Во всяком случае папа сделал весьма ловкий дипломатический шаг. «Разве императорская корона не была пожалована папой, и разве тот, кто жалуется, не выше того, кто получает?» Этот аргумент выдвигался потом много раз в борьбе панства со светской властью.

Империя Карла Великого стала крупнейшей силой в Европе, где с ней могла помериться только Византийская империя. Отношения с Византией занимали теперь важнейшее место в дипломатии Карла. Сначала у Карла были грандиозные планы объединения Западной и Восточной империй путем женитьбы на византийской императрице Ирине. По низложению Ирины разрушило этот план. Новый император Никифор не признал за Карлом императорского титула, и между Франкской империей и Византией на ряд лет прекратились дипломатические отношения. В то время как Византии приходилось с трудом отбиваться от арабов, болгар, аваров и влияние ее слабело, авторитет Западной империи сильно возрос. Карл получил ряд важных привилегий на Востоке. «Святые места» в Палестине, бывшие раньше под покровительством византийского императора, перешли под опеку Карла. В год его коронации иерусалимский патриарх в специальном посольстве послал ему ключи от «гроба господня» вместе с ключами и знаменами Иерусалима.

К Карлу в Аахен стекались послы из Дании, из Англии и других стран. К нему слали почетные посольства Альфонс II, король Астурии, шотландские короли. Все они искали дружбы и союза с императором Запада.

Дипломатия арабов

Франкские историки рассказывают о посольствах, которыми обменивались Карл Великий и багдадский халиф Харун-ар-Рашид, и о подарках, которые они посылали друг другу. С арабами франки были знакомы уже давно. В течение столетия, начиная с 30-х годов VII века, создавалась огромная держава арабов. Она превышала размерами Римскую империю времен ее расцвета, охватывая области от Пиренейского полуострова до Западной Индии и от Кавказа и Средней Азии до Йемена и пустынь Африки. Арабская торговля и арабская монета проникали в самые отдаленные углы Старого Света. Дипломатические связи Арабского халифата простирались от Китая до крайнего запада. Дамаск, великолепная резиденция Омейядов, был одной из величайших столиц мира. В своей культуре, в методах управления, а также в приемах внешних сношений государство Омейядов находилось под сильным влиянием традиций Византии и отчасти сасанидского Ирана.

Огромный халифат Омейядов скоро распался. Первое место среди арабских держав занял Багдадский халифат Аббасидов. При дворе Абба-сидов преобладали иранские традиции. В сложной системе деспотического и бюрократического управления аббасидского халифата руководство внешними делами занимало одно из важнейших мест. Среди семи отраслей управления, или «диванов», находившихся в ведении великого визиря, виднейшую роль играл «диван-ар-рисалет» - министерство иностранных дел. В нем выработались определенные формы делопроизводства и церемониала. Несколько более поздние источники - политические трактаты и мемуары XI века - могут быть использованы для характеристики приемов аббасидской дипломатии, поскольку ее традиции были чрезвычайно живучи на Востоке. В мемуарах Абулфазля Бей-Хаки, близко стоявшего к посольскому делу, содержится следующее описание посольства. В качестве послов отправляются два лица - одно принадлежит к числу придворной знати, другое выбирается из ученых мулл. Им даются два письма. Одно из них адресовано на имя государя, к которому отправляется посольство. Письмо начинается цитатой из корана, перечисляет титулы обоих государей, рекомендует послов и указывает пределы их полномочий. Характерна заключительная просьба не задерживать послов и поскорее отправить их обратно. Другое письмо адресовано первому послу и начинается словами: «О, наш брат и наш доверенный!». В нем содержатся инструкции. Посол должен передать приветствие и подарки, вести переговоры относительно договора, причем ему, невидимому, вручался уже готовый текст того документа, в котором ничего нельзя было изменить. В случае несогласия иностранного государя подписать договор посол уполномочен был вести дальнейшие переговоры, причем он должен был информировать своего государя о их ходе и в случае надобности испрашивать новые инструкции. Если договор будет заключен, посол должен потребовать клятвенного его скрепления иностранным государем, его сыновьями и приближенными. Важное место

среди поручений, которые давались послу, занимала раздача подарков. Часть подарков раздавалась по прибытии посла к иностранному двору, другая часть - лишь в том случае, если его миссия заканчивалась успехом. Послу вручался список подарков, среди которых особенно часто фигурировали драгоценные ткани и сосуды. Особый штат чиновников ведал выдачей и перевозкой подарков.

В другом источнике XI века - в трактате Сиасет-Намэ Низам-уль-Мулька - есть главы, специально посвященные посольскому делу. Трактат требует, чтобы по прибытии послов на границу немедленно отправлялись гонцы с извещением, сколько их и сколько с ними людей. Их должны проводить и в дороге давать им кров и продовольствие. Послов не следует оскорблять даже в том случае, если они - представители враждебной державы, ибо в Коране сказано: «На посланнике только одна обязанность - верная передача».

Низам-уль-Мульк отмечает, что государи, отправляя послов друг к другу, преследуют не только явные, но и тайные цели. «Они хотят знать, каково положение дорог, проходов, рек, рвов, питьевых вод, может ли пройти войско или нет, где имеется фураж, где его нет, кто из чинов в том или другом месте, каково войско того царя и каково его снаряжение и численность, каковы его [царя] угощения и собрания, каковы распорядки чипа, сидения и вставания, игры в мяч, охоты, каков нрав, жизнь его, благотворительность, око и ухо, повадка и поступок, пожалования, неправосудие и правосудие. Стар ли он или молод, учен или невежествен? Разрушаются или процветают его владения? Иго войско -довольно или нет? Народ его - богат или беден? Бдителен ли он в делах или беспечен? Визирь его -достоин ли или нет, религиозен ли, добродетельного ли жития? Являются ли его главнокомандующие опытными и искушенными в делах людьми или нет? Его приближенные - учены, даровиты или пет? Что они ненавидят и ч'О любят? Во время питья вина царь общителен и весел или пет? Участлив ли он или безучастен? Склоняется более к серьезному или веселому? Предпочитает более находиться среди воинов или женщин?»

Из всего этого можно видеть, что традиции византийской дипломатии и очень близкой к ней по приемам дипломатии сасанидского Ирана расцвели на Востоке пышным цветом. Через многочисленные связи, которые установились между западными странами и Кордовским халифатом, через столкновения и переговоры во время крестовых походов восточные влияния проникали и на отсталый и менее культурный Запад. Но рассказы франкских историков о сношениях Карла Великого с Харун-ар-Рашидом надо, по-видимому, причислить к легендам. Восточные историки, отмечая множество посольств Лббасидов в разные страны, ничего не упоминают о посольствах к Карлу Великому и даже не знают об этом государе. Но с Востока во франкское государство нередко приезжали купцы, особенно евреи, и привозили с собой редкие товары. Однажды был привезен слон, вызвавший столь большую сенсацию, что франкские летописи отметили год его смерти. Возможно, что эти посещения восточных купцов и дали повод к легенде о посольствах халифата.

Какой была дипломатия времен «великого переселения народов»? Дайте характеристику Византийской дипломатии. Назовите основные направления дипломатии арабов.

РАЗДЕЛ II

Тема 9. ДИПЛОМАТИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Дипломатия периода средних веков отражала в своей деятельности последовательные этапы в развитии феодального государства. Сперва она служит интересам феодализирующихся варварских держав, которые сложились на развалинах бывшей Римской империи и в других частях Средней, Северной и Восточной Европы. После распада этих государств деятельность средневековой дипломатии определяется взаимоотношениями обособленных политических мирков, образовавшихся в процессе феодального раздробления Европы. Наконец, в связи с возникновением крупных феодально-абсолютистских монархий дипломатия средних веков становится орудием их объединительной политики.

Средневековый строй покоился на феодально-крепостнических отношениях Эти отношения представляли собой в целом прогрессивную общественную систему в сравнении с рабовладельческим строем древнего мира. Начали они складываться уже в варварских государствах раннего средневековья. Феодально-крепостническими интересами определялась и внешняя политика этих государств. Стремясь захватить как можно больше земли, нагнать военной добычи, получить людей, нужных для крепостной эксплуатации, варварские государства вели непрерывную борьбу между собой. Сталкивались они и с Восточной Римской империей - этим обломком прежней великой римской державы.

Волей-неволей варварским государствам приходилось, однако, договариваться между собой и с соседями, чтобы как-нибудь регулировать свои внешнеполитические отношения. Так возникла их дипломатия, которая носила отпечаток примитивности этих новых политических образований раннего средневековья.

Глубокое влияние на дипломатию молодых варварских государств оказала Византия, которая хранила дипломатические традиции Поздней Римской империи. Высоко развитая организация этой восточной дипломатии, ее торжественный церемониал, ее изворотливость, коварство, умение изобретать всякого рода комбинации, разъединять врагов, использовать в своих целях торговые, культурные и религиозные связи - оказали сильнейшее воздействие на дипломатию средневековья.

Другим мощным проводником влияния римских традиций на дипломатию средних веков была церковь в лице папства с его сложными международными связями. Папство являлось не только религиозной, но и государственной силой. Опираясь на собственную территорию, располагая огромными материальными средствами и широко раскинутой сетью своих агентов, папство противопоставляло свое единство и международный авторитет розни и борьбе, которые кипели в феодальной Европе. Разжигая эти противоречия, чтобы использовать их в интересах своего владычества, папство развивало активнейшую дипломатическую деятельность. В ней применялись все

доступные папству средства, начиная от испытанных методов политики великодержавного Рима, вплоть до отлучения от церкви, интердиктов, подкупа, шпионажа и тайных убийств.

Папская дипломатия успешно участвовала в организации таких международных предприятий средневековья, как крестовые походы. Она проявила чрезвычайную энергию и изворотливость в борьбе со Священной Римской империей. Но и ей не удалось преодолеть центробежные стремления, которые подтачивали основы как папского государства, так и власти императоров.

Дело в том, что в основе средневекового общества лежала система натурального хозяйства. Вместе с низкой техникой производства она препятствовала установлению прочных экономических связей и способствовала политическому раздроблению Европы. Государственные образования, возникавшие на основе завоеваний, оказывались непрочными и легко распадались. Такова была судьба варварских королевств. Таков был конец и более крупных государственных объединений раннего средневековья: на западе - империи Карла Великого, на востоке - державы Рюриковичей. Тем же объясняется и крушение позднейших попыток создания всемирной папской державы и Священной Римской империи.

Дипломатия периода раздробления средневековой Европы носит отпечаток сложившегося феодально-крепостнического строя. В это время Европа распадается на великое множество самостоятельных мирков. Сеньория отождествляется с государством. Крупный землевладелец является государем, а государство - его вотчиной. Граница между государством и частным владением стирается; исчезает различие между публичным и частным правом, отношения частными и международными.

Несмотря на существование своеобразной системы подчинения, которая определяла отношения сюзерена и вассалов, каждая крупная сеньория ведет более или менее самостоятельную внешнюю политику. Провозглашается право частной войны. В конечном счете право заменяется силой.

Деятельность дипломатии этого периода сводилась к урегулированию споров и столкновений, которые рождались между государями-вотчинниками на почве постоянной борьбы из-за грабежа соседних владений или захвата чужих подданных для увеличения числа плательщиков феодальной ренты. Порой, однако, эта дипломатия разрешает и более крупные вопросы, возникавшие между государями-вотчинниками перед лицом какого-либо общего врага - мусульман для Западной Европы, половцев и татар для феодальной Руси. Характерный образец такой дипломатии представляют, между прочим, княжеские отношения Руси феодального периода.

Однако в недрах раздробленного феодального общества действовали и централизующие силы. Рост производительных сил сопровождался расширением хозяйственного общения; шло вперед разделение труда; развивались товарно-денежные отношения; стали складываться нации; создавались города, в которых формировался новый класс - буржуазия. Эта буржуазия была жизненно заинтересована в создании национального рынка и централизованной государственной власти, способной охранять внутренний порядок, обеспечивать безопасность торговли, проводить в жизнь правовые нормы, соответствующие развитию товарных отношений. Установлению сильной государственной власти содействовали и группы мелких феодалов, стремившихся найти защиту против произвола крупных сеньеров, упрочить свое классовое господство, закрепить эксплуатацию крестьян. Союзником усиливающейся феодальной монархии являлась и церковь, ибо она также зачастую страдала от самовластия сеньеров и притом сама постепенно втягивалась в торговый оборот.

В крупных феодальных монархиях - Франции, Англии, Испании, Московской Руси - внешняя политика и дипломатия направлены были на преодоление феодальной раздробленности, объединение и расширение государственной территории, борьбу с соперниками за военное и торговое преобладание, поиски союзников, необходимых для разрешения этих задач. В такой обстановке дипломатическая деятельность все более приобретает значение государственной работы. В ее организации и приемах обозначаются черты, уже сближающие ее с дипломатией нового времени.

Особую роль в истории дипломатии средневековой Европы играли итальянские города. В Италии раньше других стран начали развиваться капиталистические отношения. Здесь торговые и промышленные независимые города находились в состоянии непрерывного соперничества и постоянной борьбы за внешние рынки. Ни один из них не обладал достаточной силой, чтобы подчинить себе соперников и создать единую итальянскую монархию. Такому объединению мешало и государство пап, которое занимало срединное положение на Апеннинском полуострове. Необходимость регулировать сложные внешние отношения итальянских городов, ведущих интенсивную внешнюю торговлю, вызвала к жизни их искусную и тонкую дипломатию, многое позаимствовавшую от Востока и особенно от Византии. В свою очередь дипломатия итальянских городов оказала сильнейшее влияние на дипломатическую практику складывавшихся в Европе абсолютных монархий.

Политическая раздробленность на Западе.

Варварские государства, возникшие на основе завоеваний, оказались непрочными. Господство натурального хозяйства, слабость экономических связей между отдельными хозяйственными районами, отсутствие экономической базы для больших политических организаций - все это неизбежно приводило к распаду крупных государственных объединений и на Западе и на Востоке. Не избежали этой судьбы и самые крупные среди них - империя Карла Великого и Киевская Русь. Завершение процесса феодализации варварских обществ, превращение землевладельцев в самостоятельных государей к своим вотчинам сопровождалось политическим распадом Европы.

Распад империи Карла Великого.

Держава Карла Великого не надолго пережила своего первого императора. Приближение распада чувствуется уже в последние годы Карла. Разложение империи быстро прогрессирует в царствование Людовика Благочестивого. Людовик делит империю между сыновьями, сохраняя за собой верховную власть. Сыновья начинают войну против отца. После его смерти (840 г.) они воюют между собой. Карл Лысый и Людовик

Немецки заключили в Страсбурге договор против старшего брата Лотаря, к которому перешла императорская корона, и который хотел на деле осуществить свои императорские права. Страсбургская присяга - это первый дипломатический документ, составленный не по-латыни и не по-гречески, а по-немецки и по-французски (романски). Лотарь пошел на уступки, и в 843 г. в Вердене был заключен знаменитый договор о разделе империи между тремя братьями. Формально признавалось существование империи, или, вернее, сохранялся императорский титул, который достался старшему - Лотарю. Но земли империи были разделены на три части линиями, идущими с севера на юг. Запад - «королевство западных франков», то, что потом стало называться Францией, - получил Карл, восток - «королевство восточных франков», которое потом стало называться Германией, - получил Людовик, Лотарю досталась часть между владениями Карла и Людовика, обширная полоса земель от устья Рейна до устья Роны, и Италия. Раздел был совершен чисто механически и очень неудачно. Особенно это относится к части Лотаря, заключавшей в себе страны богатые, плодородные и населенные, но разноязычные, с разными экономическими и политическими связями. Эта часть была легкой приманкой для соседей, и ее слишком трудно было защищать. За Верденским договором последовали новые столкновения и новые договоры.

Феодальное распыление Европы.

Западная империя окончательно распалась на ряд самостоятельных государств - Францию, Германию, Италию и Бургундию, или Лрслат. Но это были государства лишь по имени. В IX-XI веках на всей территории Западной Европы господствует политическая раздробленность. Феодальная иерархия, которая устанавливается в это время, бессильна объединить и организовать эту сложную дробность. Сила является в конце концов решающим моментом в установлении отношений между отдельными феодальными мирками, и очень часто сюзерен трепетал перед сильным вассалом.

При таком положении в сущности терялась всякая граница между государством и частным владением, между публичным и частным правом, между внутренними отношениями и международными. Обладая правом суда и управления, сбора налогов и чеканки монеты, располагая военной силой, каждый достаточно сильный сеньер мог чувствовать себя самостоятельным государем, мог воевать с кем хотел (даже со своим сюзереном), мог заключать с кем хотел мирные договоры и союзы. Понятие о международных отношениях запутывается еще тем, что при крайней феодальной раздробленности, при множестве мелких границ, деливших Европу, стирались рубежи между крупными государствами. Многие феодалы владели землями в разных государствах - во Франции и в Германии, в Германии и Италии - и были вассалами нескольких государей. Понятие сеньерии вытесняет понятие государства. Крупный землевладелец является государем, государство является вотчиной. Его делят, завещают, отдают в виде приданого. Путем браков создаются новые государства, иногда очень странного и пестрого состава, часто случайные и недолговечные.

Право частной войны.

Право частной войны устанавливается повсеместно. В связи с этим можно говорить и о частной дипломатии. Два феодальных сеньера ведут переговоры как самостоятельные державы. Крупные сеньеры чувствуют себя вполне независимыми государями и как таковые сносятся как с иностранными, так и со своими королями. Это одинаково относится и к светским и к духовным сеньерам. Выработались формальные приемы объявления войны и заключения мира через особых вестников, передававших поручение устно или при помощи известных символических действий. Эти вестники потом стали называться герольдами. Они носили гербы своих сеньеров, и их личность считалась неприкосновенной, как личность послов.

Тщетно стремится церковь, интересы которой особенно страдали от феодальной анархии, установить известный порядок в этом хаосе. Делаются попытки ввести некоторые правила, ограничивающие или хотя бы смягчающие право частной войны. С XI века, по инициативе церкви, издаются постановления, которые воспрещают «вторгаться в храмы, притеснять и оскорблять монахов и их спутников, хватать крестьян и крестьянок, похищать или убивать жеребят, волов, ослов, баранов, овец, свиней; пусть никто не задерживает купцов и не грабит их товаров». Нарушителям этого «божьего мира» угрожали отлучением. Пытались установить так называемое «божье перемирие», запрещая частные войны по определенным дням (с вечера среды до утра понедельника), в праздники, в течение постов. Но никакие церковные угрозы не могли обеспечить проведение в жизнь этих мероприятий.

Несмотря на все стремления королевской власти в разных странах покончить с частными войнами, они упорно продолжались в течение всего средневековья, - а с ними действовала и частная дипломатия. Раньше всего частные войны были воспрещены в Англии, где рано установилась сильная королевская власть. Но это не помешало им в новой форме вспыхнуть в XV веке - в войне Алой и Белой розы. В Испании, во Франции и особенно в Германии королевская власть, бессильная бороться с феодальными войнами, долгое время принуждена была лишь вводить их в определенные рамки и тем самым, в принципе, их узаконивать. Золотая булла Карла IV в сущности легализовала частную войну, установив лишь правила ее объявления.

Выступление на историческую сцену городов, которое привело в конце концов к усилению централизирующих тенденций в феодальной Европе, в ряде случаев лишь осложняло характерную для феодализма раздробленность власти. Города ведут самостоятельную политику, объявляют войны своим сеньерам и друг другу, вступают в переговоры, заключают союзы. Добившись политической самостоятельности, города делают своего рода коллективными сеньерами со всеми их атрибутами вплоть до права частной войны.

Наиболее четко особенности дипломатии периода феодальной раздробленности выступают на примере русских княжеств XIII-XV веков.

Каковы были причины ослабления стран Запада в период феодальной раздробленности?
Почему распалась и на какие части империя Карла Великого?

Что такое право «частной войны»?

Тема 10. ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА УКРЕПЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ МОНАРХИИ. СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ПАПСТВО Роль церкви в феодальной Европе.

В феодальной анархии действовали и централизующие силы. Сами феодалы - прежде всего недостаточно сильные из них - нуждались в мощных централизованных органах классового принуждения для того, чтобы довершить порабощение крестьянства и безнаказанно усиливать его эксплуатацию. Но и другие элементы феодального общества - и прежде всего возникающие с X-XI веков города - поддерживают всякие стремления к централизации. Мелкие войны и авантюры сливаются в крупные движения, захватывающие значительные слои населения в ряде стран. По мере роста производительных сил и экономических связей, по мере развития классовой борьбы в феодальном хаосе начинают все отчетливее выступать очертания крупных политических объединений. Образование Священной Римской империи и походы императоров в Италию; усиление папства и его борьба с Империей; крестовые походы; движение городских общин; рост королевской власти и формирование национальных государств - таковы крупные течения, которые в разнообразных столкновениях и сочетаниях постепенно изменяют лицо феодального мира на Западе.

Священная Римская империя, «восстановленная» Оттоном I в 962 г., была уродливым политическим образованием с самого своего возникновения. Не имея силы установить хотя бы какой-нибудь порядок в Германии, короли Саксонской, Франконской, Швабской династий бросались на раздробленную, политически бессильную и в то же время манившую их богатством своих городов Италию, захватывали, грабили, обирали несчастную страну. Почти каждый новый король начинал с того, что сперва смирял своих непокорных герцогов, потом обрушивался на Италию со своими варварскими бандами, которые грабили, убивали, насиловали, пока король не добирался до Рима, где папа короновал его императорской короной. Нередко в это самое время на улицах шла резня между римским населением и чужеземными насильниками. Потом коронованный император возвращался в Германию, чтобы на награбленные в Италии деньги продолжать борьбу со своими герцогами за право обирать германский народ. Германская церковь была сообщником императора, епископы и аббаты - его верными приспешниками. За это им давались земли и власть над населением, а они предоставляли в распоряжение императора свои богатые материальные средства и свое религиозное влияние. Папство, которое переживало в X веке пору глубокого упадка и стало игрушкой в руках феодалов Римской области, теперь подчинилось германскому покровителю. Феодальная анархия особенно сказывалась на многочисленных и богатых владениях церкви. Никакие постановления и отлучения не могли служить для нее защитой от хищных соседей. Феодальная церковь была наиболее передовым хозяином того времени; другими словами, она наиболее энергично закабаляла крестьян на своих землях. Церковь нередко являлась пионером и в торговом деле. Все это делало для нее необходимым установление сильного органа классового принуждения и охраны ее интересов. Не находя достаточной поддержки у светских государей, церковь укрепляет свою собственную организацию, пытается сплотить феодальную Европу под своим управлением и господством. У нее для этого имеются готовые организационные формы, которые надо только усилить и централизовать. У нее в руках средства религиозного воздействия, у нее же бесчисленный штат исполнителей, сравнительно образованных в дико невежественной и безграмотной Европе. Надо только их дисциплинировать и подчинить единой воле.

Григорий VII и Генрих IV.

С середины XI века влияние папства на Западе быстро растет. Если император Генрих III назначал пап по своему произволу и самовластно управлял папским престолом, то Генриху IV пришлось уже столкнуться в лице папства с грозной и организованной международной силой. Важнейший вопрос, по линии которого разыгрался первый этап борьбы императоров с папами (вопрос об инвеституре), был тесно связан с международной политикой пап. Папа хотел иметь в лице епископов покорных слуг папского престола. Он стремился, таким образом, внедрить свою власть в глубь феодальной империи, овладеть теми органами, которые представляли важнейшую опору императорской власти.

Укрепление папской власти во второй половине XI века многим обязано талантливой дипломатии Гильдебранда - Григория VII. Он использовал малолетство Генриха IV и феодальные смуты в Германии, чтобы, не боясь вмешательства императора, укрепить папство в организационном отношении. Гильдебранд проводит новый порядок избрания пап коллегией кардиналов, отстраняя, таким образом, императора от влияния на папские выборы. Безбрачие духовенства должно было сделать из него покорное орудие, не отвлекаемое никакими семейными заботами. Гильдебранд заключает союз с Тосканой. Он лично едет в Южную Италию, где в это время утвердились норманны, и в Капуе заключает союз с норманским графом Ричардом. В 1059 г. граф Ричард и Роберт Гюискар, герцог Апулии, признали себя папскими вассалами. На севере Италии Гильдебранду удалось подчинить папе сильных и независимых архиепископов миланских, поддерживая против них городское движение патаренов. Значительная часть Италии была объединена под папским верховенством, чтобы противостоять императору.

В 1073 г. Гильдебранд стал папой. Под наружностью этого маленького, коротконового толстяка таились непреклонная и беспощадная воля, яростный фанатизм и гибкий дипломатический ум. Он не знал удержу в своем исступленном красноречии. Вместо «гнев господень» он говорил «ярость господня». В то же время он умел искусно разбираться в самой сложной политической обстановке, ловко маневрировать в опасной и враждебной среде. Среди принципов, изложенных им в его знаменитом «*Dictatus papae*», рядом с провозглашением безусловной власти папы в делах церкви встречаются и такие положения, как «Римский первосвященник имеет право низлагать императоров», «Он может освобождать подданных от присяги верности по отношению к неправедным государям». Конечно, Григорий не первый выдвинул эти принципы, но он первый сделал попытку провести их в жизнь.

Кроме силы оружия и средств дипломатии, в руках Григория и его преемников был еще и духовный меч - в виде

отлучения, интердиктов, разрешения подданных от присяги. Этим оружием папы пользовались с большим искусством. Не следует, однако, придавать слишком большое значение этим средствам церковного воздействия. Не столько небесные громы отлучения, сколько умелое использование бесчисленных политических противоречий раздробленного феодального мира, - противоречий между императорами и герцогами, между императорами и норманнами, впоследствии между императорами и итальянскими городами, Вельфами и Гогенштауфенами, Капетингами и Плантагенетами, - было наиболее успешным приемом папской политики. Папа умеет и выступить во главе коалиции итальянских политических сил против иноземного государя и призывать иностранных государей в Италию, когда это для него выгодно. У пап было громадное преимущество в виде организованности и дисциплины католической церкви и наличия в любой стране готовых кадров пропагандистов, осведомителей и шпионов, одетых в монашескую рясу.

При Григории VII получает широкое развитие посылка папских легатов, которые становятся одним из главных органов папского управления. Они являются повсюду, во все вмешиваются, смещают епископов, выступают против государей. Папа предписывает повиноваться легатам так, как повиновались бы самому папе. Но в то же время Григорий требовал отчета от легатов и проверял все их распоряжения.

Здесь нет надобности подробно останавливаться на дипломатии папы Григория VII в его борьбе с Генрихом IV. Григорий упорно добивался права проводить церковные выборы, т. е. вмешиваться во внутренние и притом важнейшие дела Империи, преследуя симонию (продажу церковных должностей) и светскую инвеституру (возведение в епископский сан императором). Генрих IV всеми силами отстаивал эти права императора не только в Германии, но и во всей Священной Римской империи. Если Григорий присвоил папе право низводить императоров с трона, то Генрих использовал практиковавшееся уже ранее право императора низлагать пап. Генрих низлагает папу на Wormском сейме 1076 г. и пишет ему послание, заканчивающееся энергичным «ступай вон!» Месяц спустя Григорий низлагает самого Генриха на Латеранском соборе, разрешая «всех христиан» от клятвы верности ему и запрещая «служить ему как королю».

Григорий убеждает папу, потому что ему удалось использовать то недовольство, которое Генрих возбудил среди князей Германии. Они присоединяются к папе, и положение Генриха делается безвыходным.

История свидания в Каноссе обросла легендой. Легко отделить факты от вымысла. Стоял ли Генрих босой на снегу перед воротами замка, дожидаясь, пока папа соизволит его принять, или же он ожидал этого приема в более комфортабельной обстановке, от этого дело меняется мало. Каносса могла показаться решительной победой папы, и его сторонники всячески старались раздуть историю унижения германского императора, придумывая все новые подробности. Но для Генриха каносское покаяние было лишь дипломатическим шагом, давшим ему передышку и спутавшим карты папы в той борьбе, которую Генрих повел в Германии против князей и избранного ими нового короля. В 1080 г. Генрих при поддержке недовольных папой германских епископов снова низлагает Григория VII и выдвигает антипапу. Выдвижение антипапы начинает играть такую же роль в императорской политике, как выдвижение антикоролей и антиимператоров в политике пап.

Со своим антипапой Генрих отправился на завоевание Рима. Григория выручили только южноитальянские норманны Роберта Гюискара. В числе войск, выручавших главу христианской церкви, были и отряды сицилийских мусульман. Генриху пришлось уйти, но норманны и арабы заодно разгромили Рим, увели много народа в рабство, и Григорию нельзя было оставаться в опустошенном его союзниками городе. Он последовал за норманнами в Салерно, где и умер (1085г.).

Wormский конкордат 1122 г., который отделил духовную инвеституру от светской и отдал первую папе, а вторую — императору, не прекратил столкновений между императорами и папами. Это был во всех отношениях неудачный компромисс, открывавший путь для новых конфликтов.

Крестовые походы.

В конце XI века папская дипломатия сумела использовать в своих интересах начавшееся на Западе широкое движение на Восток - крестовые походы. Крестовые походы направлялись интересами весьма разнообразных групп западноевропейского феодального общества. На Восток стремилось рыцарство, которое искало новых земель для захвата, новых крепостных для эксплуатации, жаждало грабежа и добычи. На Восток были обращены взоры торговых городов, поднимавшихся в это время в Европе и особенно в Италии и стремившихся захватить в свои руки торговые пути в восточной части Средиземного моря. О переселении на Восток мечтало и крестьянство, угнетаемое феодальными господами, разоряемое беспрестанными войнами, страдавшее от непрерывных голодовок. Деклассированные элементы феодального общества рассчитывали поживиться во время больших грабительских походов. Папство увидело в крестовых походах удобный случай поднять свой авторитет, подчинить своему влиянию Восток, обогатиться за счет притекавших со всех сторон Европы обильных сборов. Поэтому папство ревностно принялось за проповедь крестовых походов. Крестовые походы стали одним из орудий воздействия пап на государей Европы, новым предложением для вмешательства римской курии во внутреннюю жизнь европейских государств, источником новых доходов, средством для усиления папского авторитета.

Борьба пап с императорами не прекращается во время крестовых походов. Папам удается в конце концов одержать верх над императорами. Но эта победа была завоевана чужими руками. С XII века борьба пап и императоров вступает в новую фазу.

Какой была роль церкви в феодальной Европе?

Основные причины борьбы пап с императорами Григорием VII и Генрихом IV.

Основная цель «крестовых походов».

Тема 11. ДИПЛОМАТИЯ ИТАЛИИ XII-XV ВЕКОВ Международные связи Италии.

Настоящей родиной современной дипломатии, по мнению большинства исследователей, является Италия.

Несмотря на то, что в Италии раньше, чем в остальной Европе, стали развиваться города и начали складываться капиталистические отношения, эта страна продолжала оставаться раздробленной. Города Северной и отчасти Средней Италии подчинили себе окружающие территории и стали юрдами и-государствами и. Они играли крупнейшую роль в экономической жизни Европы. Они были посредниками в торговле с Востоком; в них развивалась промышленность, рассчитанная на вывоз как в Среднюю и Северную Европу, так и на Восток. Они стали важнейшими центрами банковского дела. Внутри каждого из этих городов кипела напряженная политическая жизнь; обостренная классовая борьба приводила к непрерывным столкновениям и частой смене правительств и политического режима. Среди итальянских городов выдвигаются мощные политические центры, как Венеция, Генуя, Милан, Флоренция. Но ни один из этих центров не был достаточно силен, чтобы подчинить себе остальные. В то же время ни один из них не был достаточно заинтересован в объединении Италии. Внутренний рынок Италии был незначителен. Главные интересы торговых и промышленных городов Италии и ее банкиров лежали за пределами страны. Захват новых рынков, торговое соперничество на суше и на море не сближали, а разъединяли итальянские города.

Середину полуострова занимало папское государство. Бессильные объединить Италию, папы были достаточно сильны, чтобы помешать се объединению кем-нибудь другим. Южная Италия и Сицилия были политически отделены от остальной страны. Здесь сначала утверждается государство норманнов; оно сменяется владычеством Гогенштауфенов, потом господством Анжуйской династии и, наконец, Лрагона. Неаполь и Сицилия политически связываются не с Италией, а с Испанией.

В течение всего средневековья и еще долго потом Италия распадалась на ряд соперничавших между собой государств. Они то воевали друг с другом, то заключали союзы и создавали всякого рода политические комбинации против какого-нибудь общего врага из итальянских же государств или против иноземцев, зарившихся на богатый полуостров. Посольства, переговоры, соглашения стали здесь необходимым дополнением к военной силе. В конце концов они привели к той системе равновесия, которая стала впоследствии образцом для крупных европейских монархий. В Италии находилась резиденция папского двора, этого церковного центра католической Европы, с его бесчисленными международными связями и сношениями.

Организация консульской службы.

Итальянские города вели оживленную торговлю с разными странами, в частности с Ближним Востоком. Поэтому, естественно, должны были возникать органы, которые защищали бы на чужбине интересы итальянских купцов. Итальянские торговые города - Венеция, Генуя, Пиза и др. обеспечили защиту интересов своих граждан за границей путем организации консульской службы. В этом отношении важнейшую роль сыграли крестовые походы и основание крестоносцами своих государств в Сирии и Палестине. Крестоносцы получали немалую помощь от Венеции, Генуи, Пизы. Силами этих городов было завоевано побережье Леванта с его гаванями, которые играли огромную роль в восточной торговле. За это итальянским городам была предоставлена крупная доля в добыче. Пизанцам достались главные выгоды в княжестве Антиохийском и в графстве Триполи, венецианцам и генуэзцам - в Иерусалимском королевстве. Они получили по кварталу почти в каждом городе и образовали целый ряд итальянских колоний, которые пользовались особым управлением и были изъяты из общей системы администрации и суда. Во главе итальянских колоний стояли особые должностные лица из итальянцев же, носившие сначала титул «виконтов» со своими трибуналами или куриями. С конца XII века появляется общий глава для всех венецианских колоний в Иерусалимском королевстве - байоло во главе генуэзских колоний ставятся два консула. Пизанцы назначают сначала трех консулов, потом одного. Все они живут в столице Иерусалимского королевства - в Акре. Эти представители, как правило, назначаются из метрополии и выбираются там так же, как и прочие должностные лица итальянских республик. Но иногда они выбирались и населением самой колонии. Между местными властями и итальянскими консулами нередко происходили столкновения. Попытки иерусалимских королей, а также графов Триполи и князей антиохийских нарушить привилегии итальянцев вызвали с их стороны жалобы папе, который пригрозил нарушителям отлучением. Разграничение прав между местными властями и консулами в конце концов определялось договорами. Обычно уголовная юрисдикция, особенно по важнейшим делам, оставалась в руках местной власти. В руках итальянских консулов сосредоточивались гражданская и особенно торговая юрисдикция по делам их соотечественников. Примеру итальянцев последовали торговые колонии, основанные на Востоке купцами Прованса и Каталонии. Положение дела не изменилось, когда крестоносцы были вытеснены из Сирии и Палестины, и власть там перешла в руки мусульман. Подобные же колонии были у итальянцев, особенно у венецианцев, и в других городах Востока. У венецианцев были две фактории в Александрии. Во главе их колонии стоял консул, который имел право на десять ежегодных аудиенций у султана. На Кипре имели свои консульства Генуя, Пиза, Монпелье, каталонские города. В Константинополе издавна были итальянские колонии. Глава венецианской колонии, константинопольский байоло, исполнял важные дипломатические поручения республики и, таким образом, представлял собой одновременно и консула и, посла Венеции в Константинополе.

После взятия Константинополя турками венецианская колония сохранила свое самоуправление и своего байоло с его административными и судебными функциями. Он стал одновременно и постоянным дипломатическим представителем Венеции при дворе султана.

Флорентийские дипломаты.

Италия, и особенно Флоренция, поставляла дипломатов даже для иностранных государств. Когда папа Бонифаций VIII устроил в 1300 г. первый юбилейный [од, то среди многочисленных послов, прибывших в Рим от разных народов, оказалось 12 флорентийцев, которые представляли не только свой родной город, но и Францию, Англию, Чехию и т. д. В связи с этой универсальностью флорентийцев папа назвал их шутя «пятой стихией». В длинном и блестящем списке дипломатов-флорентийцев мы встречаем такие всемирно известные имена, как Данте, Петрарка, Боккаччо в XIV веке, Макиавелли и Гвиччардини в начале XVI в.

Венецианская дипломатия.

Если среди дипломатов других итальянских государств и не было таких выдающихся людей, как Данте и Макиавелли, то все же среди них было немало известных фигур. Так, в Милане в середине XV века во главе герцогства стоял Франческо Сфорца, может быть, лучший дипломат своего времени, наставник Людовика XI в тайнах итальянского дипломатического искусства. Среди пап было немало блестящих дипломатов - достаточно назвать Григория VII и Иннокентия III. Среди венецианских дипломатов достаточно вспомнить дожа Энрико Дандоло, этого изумительно энергичного 90-летнего старика, который сумел превратить четвертый крестовый поход в блестящую «торговую операцию» (Маркс), заложившую основы всего дальнейшего могущества Венеции. Но для республики св. Марка характерны не отдельные дипломаты, как бы талантливы они ни были, а вся система, вся организация дипломатического дела, создавшая из Венеции, как выражались, «школу, мастерскую дипломатии» для всего мира. Купеческая олигархия, крепко захватившая власть в Венеции, внесла и в дипломатическое дело тот дух тайны и ревнивого недоверия и в то же время ту систематичность и целеустремленность, которыми было проникнуто все ее государственное управление. Венеция переняла у Византии методы и приемы ее дипломатии и возвела их до степени искусства. Все способы обольщения, подкуп, лицемерие, предательство, вероломство, шпионаж были доведены до виртуозности. Какую комедию разыграл, например, с «крестоносными осликами» (Маркс) лукавый слепец Дандоло, чтобы отклонить их от похода на Египет! Крестоносное ополчение собралось на островках венецианской лагуны. Надо было заплатить огромную сумму за перевозку войска и за его снабжение. Но наличных денег и собранной в дополнение к ним золотой и серебряной утвари баронов оказалось далеко не достаточно. Тогда Дандоло выступил на народном собрании с речью, в которой указал, что крестоносцы не в состоянии заплатить всей суммы, и что венецианцы собственно вправе были бы удержать полученную часть денег. «Но, - патетически воскликнул он, — как посмотрит на нас весь мир? Каким позором покроемся мы и вся наша страна! Предложим им лучше следующую сделку. Венгерский король отнял у нас город Зару в Дасмации -- пусть эти люди отвоюют ее нам, а мы дадим им отсрочку для уплаты».

Предложение Дандоло было принято. В одно из ближайших воскресений, во время богослужения, собравшего в церкви Св. Марка множество венецианцев и крестоносцев, Дандоло опять обратился к народу с речью. В ней, прославляя возвышенную цель крестоносного ополчения, он заявлял, что хотя он и стар и слаб и нуждается в отдыхе, по сам возьмет крест и отправится с крестоносцами. Тут, пишет участник и летописец четвертого крестового похода, наивный Виллардуэн, «великая жалость охватила народ и крестоносцев, и немало пролилось слез, ибо этот славный человек имел полную возможность остаться: ведь он был очень стар, и хотя имел красивые глаза, но ровно ничего ими не видел». Плакал не только народ, но рыдал и опустившийся на колени перед алтарем старый хитрец, которому нашивали в это время крест. Отлично известно, к чему привело в дальнейшем крестоносное рвение Дандоло. Константинополь и почти вся остальная Византийская империя были захвачены крестоносцами. Венецианцы получили огромную часть добычи, и их дожи прибавили к своему титулу звание «господина одной четверти и одной восьмой Римской империи».

А через три века жертвой лукавства венецианцев оказался уже не простодушная деревенщина, вроде «крестоносных неотесанных князей» (Маркс), а опытный французский дипломат; ученик Людовика XI. Международная обстановка в это время была очень напряженной. Молодой, честолюбивый Карл VIII предпринял свой знаменитый итальянский поход, открывший новую главу в политической истории Западной Европы (1494 г.). В связи с этим Карл VIII отправил в Венецию - лучший наблюдательный пункт за деятельностью дипломатов Италии, да и не одной только Италии, - умного и наблюдательного Филиппа Коммина. Коммин рассказывает, как уже задолго до Венеции, в подвластных ей итальянских городах, его принимали с большим почетом. У первых лагун его встретили 25 знатных венецианцев, облаченных в дорогую пурпурную одежду. По прибытии в Венецию он был встречен новой группой вельмож в сопровождении послов герцога Миланского и Феррарского, которые приветствовали его речами. На следующий день его принял дож, после чего его опять возили по разным достопримечательным местам в Венеции, показывая ему дворцы, церкви, коллекции драгоценностей. Так в течение восьми месяцев его непрерывно занимали празднествами, концертами и всякого рода развлечениями, а в это время плелась сложная интрига: готовился союз против Карла VIII, куда вошли Венеция, Милан, папа, германский император и испанский король. Послы всех этих держав собрались в Венеции. Слухи о намечающемся союзе стали распространяться во всему городу. У Коммина появились подозрения, что ему «говорят одно, а делают другое». В сеньерии, куда Коммин обратился за разъяснениями, отделались ничего не значащими фразами, а дож посоветовал ему не верить тому, что говорится в городе, ибо в Венеции, по его словам, всякий свободен и может говорить все, что хочет. Дож добавил к этому, что сеньерия вовсе и не помышляет о создании союза против французского короля. О таком союзе здесь никогда не слыхивали, наоборот, имеют в виду составить лигу против турок, привлекая в нее французского короля, испанского короля и германского императора. Так эта комедия тянулась до получения известий о взятии Неаполя Карлом VIII. Коммин еще не имел сведений об этом, когда его пригласили в сеньерию, где он застал несколько десятков вельмож и дожа, страдавшего припадком колики. Дож сообщил ему о полученном известии с веселым лицом, но, замечает Коммин, «никто другой из всей этой компании не умел притворяться так искусно, как он». Другие сидели озабоченные, с понурыми лицами, с опущенными головами. Коммин сравнивает действие полученной новости с эффектом, который произвело на римских сенаторов сообщение о победе Ганнибала при Каннах. Этот громкий успех Карла VIII ускорил переговоры о создании лиги против французского короля. Разногласия, все еще существовавшие между ее участниками, были спешно устранены, и через короткий срок после своего визита в сеньерию Коммин был опять приглашен туда ранним утром. Дож сообщил ему о союзе, заключенном пятью державами якобы против турецкого султана. Усиленно подчеркивая чисто оборонительный характер союза и слова «сохранение мира», которые фигурировали в договоре, он предложил Коммину сообщить об этом французскому королю. «Члены сеньерии высоко держали головы и ели с большим аппетитом. У них, — замечает с горечью Коммин, - совершенно не было того вида, который они имели в тот день, когда сообщили мне о взятии неаполитанской крепости». Коммин простодушно рассказывает затем, как в

этот день послы союзников проехали под звуки музыки в 40 гондолах под окнами занимаемого им помещения, причем миланский посол даже сделал вид, что незнаком с Ком-мином. Он описывает разукрашенный и иллюминированный город и то, как он вечером одиноко катался в гондоле мимо дворцов, где происходило пиршество, но куда он не был приглашен.

Венеция имела представителей в многочисленных государствах, с которыми была связана торговыми и политическими отношениями. Наряду с этими официальными лицами на службе республики был огромный штат секретных агентов и шпионов. Как и Византия, Венеция особенно охотно пользовалась услугами монахов и женщин, имевших возможность проникать туда, куда не было доступа другим. В ряде случаев венецианцы использовали и врачей для секретных целей. Так, они доставили медиков молдавскому и валахскому воеводам, а также в ряд других стран. Врачи эти отправляли в Венецию настоящие дипломатические, политические и экономические отчеты о странах, где протекала их деятельность. Венецианские посольства располагали, кроме того, в большинстве стран так называемыми «верными друзьями», что означало на дипломатическом языке того времени специальный вид секретных агентов. Посольства могли требовать от них отчетов, их использовали для доставки секретной корреспонденции и других поручений. Агенты эти действовали различными способами: то это были переодетые монахи, то странствующие пилигримы. Некоторые из них были прикреплены к посольствам, и их посылали в разные страны для получения информации. Нередко таким «верным другом» бывал какой-нибудь щедро оплачиваемый местный житель высокого плеча, напротив, совершенно незначительного социального происхождения. В пограничных областях Венеция использовала шпионов.

Гели сеньерия считала нужным выслушать самого шпиона, то его переодетым пропускали во дворец дожа и вводили в его особые апартаменты.

Интересно отметить, что итальянские банки, столь многочисленные во Франции, являлись для своей родины в такой же мере политическими, как и финансовыми агентствами. Например, представители дома Медичи в Лионе содержали своего рода осведомительное бюро о политических делах во Франции. Венецианцы отличались особым умением использован, в дипломатических целях своих купцов. Нередко бывало, впрочем, что венецианские посольства получали информацию и от приезжих иностранных купцов и даже иностранных студентов.

Венецианское правительство широко практиковало систему тайных убийств, щедро платя за них. Достаточно привести такой характерный пример. В июне 1495 г. некий делла Скала, изгнанный из Венеции, предложил сеньерии поджечь пороховой склад Карла VIII, а также с помощью «некоторых надежных и верных средств» добиться смерти короля. Венецианский совет единодушно и горячо приветствовал это «любянейшее» предложение делла Скалы, обещав ему помилование и большое вознаграждение. Но, поразмыслив, кандидат в цареубийцы нашел свое предприятие делом весьма нелегким, поэтому он предложил ограничиться одним диверсионным актом - поджогом порохового склада. Собравшаяся сеньерия опять единодушно приняла и это предложение, повторив свое обещание амнистии и вознаграждения, которое позволит изгнаннику вести в Венеции почетную и привольную жизнь.

Посольское дело в Венеции.

Но особенно характерной для Венеции, - в чем она не имела соперниц, - была организация посольской службы. Уже с XIII века, насколько позволяют судить сохранившиеся источники, а в действительности, вероятно, с более ранних времен началось издание ряда постановлений, в которых до мелочи регулировались поведение и деятельность заграничных представителей республики. Послы должны были по возвращении передавать государству полученные ими подарки. Им запрещалось добиваться при иностранных дворах каких-нибудь званий или титулов. Послов нельзя было назначать в страны, где у них были свои собственные владения. Им запрещено было беседовать с иностранцами о государственных делах республики. Послам не разрешалось брать с собой жен из боязни, чтобы те не разгласили государственных тайн; но любопытно, что им позволялось брать своего повара, чтобы не быть отравленными. Когда установились постоянные представительства, посол не мог покинуть свой пост до прибытия своего преемника. В день возвращения в Венецию посол должен был заявиться в государственную канцелярию и занести в особый реестр, которым заведовал великий канцлер, сообщение о своем прибытии. По возвращении посол обязан был представить отчет о произведенных им расходах. Между прочим вознаграждение послов было довольно скромным и далеко не соответствовало расходам, которые им приходилось нести по должности. Послы в своих донесениях горько жаловались на это: поэтому, как указывается в донесении одного из них, «неудивительно, если многие граждане предпочитают оставаться в Венеции и жить там частными лицами, нежели отправляться послами в чужие края». Против уклонявшихся от этой почетной, но обременительной миссии уже с ранних пор - с XIII века - стали приниматься меры в виде штрафов или запрещения занимать какие-нибудь государственные должности. Послы нередко разорялись на своем посту и впадали в долги, которые потом приходилось выплачивать республике. Впрочем, венецианское правительство обыкновенно вознаграждало бывших дипломатов разными назначениями и, в частности, выгодными постами в левантских владениях республики.

Исключение в материальном отношении представлял пост байюло в Константинополе при турецком владычестве, один из ответственных, если не самый ответственный, дипломатических постов республики. При важности для республики ее владений в восточной части Средиземного моря и ее левантской торговли, а также при сложности и деликатности ее взаимоотношений с завоевателями Константинополя, должность тамошнего байюло требовала особенно опытных лиц; поэтому на нее назначались обыкновенно старые, искушенные дипломаты, для которых она являлась венцом их политической карьеры.

Первоначально продолжительность посольств, пока они не являлись еще постоянным институтом, а вызывались теми или иными особыми обстоятельствами, зависела от большей или меньшей важности вызвавшего их дела. В XIII веке она обыкновенно не превышала 3—4 месяцев. Но с упрочением дипломатических связей срок этот удлинялся. В

XV веке было постановлено, что время пребывания посла за границей не должно превышать двух лет. В следующем столетии срок этот был продлен до трех лет.

Послы должны были держать правительство республики в курсе дел государства, в котором были аккредитованы. С этой целью они регулярно - первоначально раз в неделю, сулучшением средств связи, значительно чаще - отправляли на родину депеши. Эти стекавшиеся из всех стран донесения давали как бы мгновенный снимок политического положения мира. Недаром говорили, что ни один европейский двор не осведомлен так хорошо, как венецианская сеньерия. На депешах ее умных и наблюдательных послов основывалась в значительной мере вся дальновидная политика Венеции.

Части депеш или даже целые депеши были нередко зашифрованы. Дипломатические шифры всегда были объектом усиленного внимания венецианских правителей, столь ревнивых к тайнам своей собственной дипломатической корреспонденции. Уже с ранних времен венецианское правительство имело особых шифровальщиков, а в дальнейшем Совету десяти было поручено следить за государственными шифрами и заботиться об изобретении новых. Дело в том, что искусство шифрования находилось тогда еще в зачаточном состоянии и, попав в чужие руки, шифры сравнительно легко разгадывались. Шифр обычно заключался в замене букв латинского алфавита либо другими буквами, либо арабскими цифрами, черточками, точками, произвольными фигурами, причем для одной буквы нередко бывало два или три знака. Вводились также знаки, не имевшие никакого значения, для того чтобы запутать шифр и затруднить его разгадку для посторонних.

Шифры появляются и в других государствах Италии. В папской канцелярии они применялись уже в первой половине XIV века и сначала заключались в замене некоторых слов другими, условными. Так, вместо «гвельфы» писалось «сыны Израиля», вместо «гибеллины» - «египтяне», вместо «Рим» - «Иерусалим» и т. д. Хорошо разработанные системы шифров применялись уже в XV веке в Милане и во Флоренции.

Шифрованная дипломатическая переписка вызывала неудовольствие, а иногда протесты и репрессии со стороны заинтересованных дворов. Так, султан Баязид II, узнав, что венецианский байюло Джероламо Марчелло посылает своему правительству зашифрованные письма, приказал ему в три дня покинуть страну. Султан заявил, что он вообще не намерен терпеть у себя при таких условиях венецианского байюло. Несмотря на длительные переговоры, венецианская колония в Константинополе долго после этого случая оставалась без главы.

Депеши венецианских послов дополнялись другими весьма важными документами - итоговыми отчетами закончивших свою миссию дипломатов.

Согласно установившемуся с давних пор обычаю посол в течение 15 дней по возвращении обязан был прочесть в торжественном заседании сеньерии речь, которая представляла подробное донесение о состоянии государства, при котором он был аккредитован. По окончании заседания посол передавал текст своего донесения великому канцлеру, который немедленно помещал его в секретный архив дипломатических актов. Этот своеобразный обычай сохранился до последних дней республики (1797 г.) и был закреплен особым постановлением, из которого видно, какое значение придавало венецианское правительство этим донесениям. Согласно ему послы должны были собственноручно записывать свои relazioni после их произнесения и передавать их затем для хранения в архивы секретной канцелярии. «Таким образом,—говорится в постановлении об этих документах, - о них сохранится вечная память, и чтение их сможет быть полезным для просвещения тех, кто в настоящее время управляет нами, и кто в будущее время будет к этому призван».

Известно, как ценились донесения венецианских послов иностранными государствами, которые всячески стремились раздобыть их. Несмотря на всю окружавшую эти документы тайну, многочисленные копии с них все же проникли во внешний мир.

В своих донесениях послы давали подробные характеристики государей и вообще руководящих лиц страны, в которой выполняли свои обязанности, описывали придворные группировки, материальные, финансовые и военные ресурсы государства, положение разных классов населения и т. д.

Послу при отправлении его в миссию давалась подробная инструкция, в которой указывалось, что он должен был делать, что и как говорить, за чем наблюдать. Венецианскому послу Контарини, отправленному в 1492 г. к французскому двору, было вручено обстоятельнейшее наставление, тщательно перечислявшее все пункты его поздравительной речи по случаю бракосочетания Карла VIII, в которой он должен был выразить удовлетворение республики по поводу столь радостного события.

«И эти вещи, - говорится в инструкции, - вы постараетесь высказать со всевозможным красноречием и изысканностью стиля». Чем красноречивее будет посол, тем лучше он выполнит желание республики. Однако, предостерегает инструкция, посол должен все это высказать в ни к чему не обязывающих, общих выражениях, как это и подобает посланникам. Затем инструкция переходит к поздравительной речи королеве, напоминает о необходимости посетить виднейших вельмож Франции и заканчивается наставлением о преподнесении королеве подарка из драгоценных венецианских тканей.

Как руководила своими послами Венеция. По сравнению с тем хаосом и беспорядком, в котором находились в XV веке административные функции большинства европейских государств, столь точная регламентация деятельности заграничных агентов Венеции представляла строгое и стройное целое. Талантливые и блестящие дипломаты были тогда вообще нередким явлением, но дипломатия, как таковая, впервые доведена была до степени искусства и системы именно в Венеции, где, по словам Коммина, «в настоящее время дела ведутся более мудро, чем в какой бы то ни было монархии или республике мира».

Приемы итальянской и особенно венецианской дипломатии оказали сильнейшее влияние на дипломатию складывавшихся в это время в Европе абсолютных монархий.

Какой была организация консульской службы в Италии XII-XV вв. Главные достижения Венецианской дипломатии. Дайте характеристику посольскому делу в Венеции.

Тема 12. ДИПЛОМАТИЯ ФРАНЦИИ XII-XV ВЕКОВ Возникновение национальных государств.

В Англии, во Франции, в Испании, в Северо-Восточной Руси постепенно укреплялась феодальная монархия, по мере роста экономических связей и, отчасти, под ударами внешних военных сил объединявшая разрозненные феодальные области. Перед монархической властью в складывающихся национальных государствах Европы стояли сложные задачи как внутренней, так и международной политики. Для разрешения этих задач феодальным монархам приходилось вырабатывать свои приемы войны и дипломатии. В противоположность мечтам о всемирном господстве папы или императора их цели были реальны и осуществимы. Усвоив многие из приемов, переданных византийской, императорской и папской традицией, они выработали свою гибкую и трезвую дипломатию, сыгравшую немалую роль в создании национальных государств нового времени.

Классической страной роста королевской власти, постепенно торжествующей над феодальной раздробленностью, явилась Франция. Короли из дома Капетингов медленно и упорно укрепляли свою власть сначала в своем небольшом домене потом и в других областях Франции, постепенно ослабляя власть Плантагенетов на континенте. Настоящим основателем сильной монархии во Франции был Филипп II Август, отнявший у Иоанна Безземельного большую часть его французских владений и присоединивший их к французской короне. При его внуке Людовике IX Франция стала одним из самых сильных и влиятельных государств в Европе.

Упрямо воинственный, крайне неосмотрительный и не умелый в заморских предприятиях во время крестовых походов, Людовик IX, однако, известен своим миролюбием в европейских делах. Споры и недоразумения с соседними государствами он предпочитал улаживать не силой оружия, а дипломатическими средствами. Так, желая положить конец притязаниям арагонских королей на некоторые французские провинции, а главное, чтобы помешать Англии найти себе союзников в их лице, Людовик путем взаимных уступок ликвидировал спорные вопросы между Францией и Арагоном. Тем же способом урегулировал он и свои взаимоотношения с Кастилией. Уступками закончил он и победоносную войну против незадачливого и недалекого Генриха III Английского, пытавшегося вернуть английской короне ее владения во Франции, утраченные при Иоанне Безземельном. При Людовике IX Франция, благодаря ослаблению Германской империи в борьбе с папством и внутренним раздором в Англии, заняла преобладающее положение в Европе.

Сношения с монгольскими ханами.

Ко времени царствования Людовика IX относятся первые попытки завязать дипломатические отношения Франции с могущественными монгольскими ханами. Наслышавшись, будто бы монголы готовы принять христианство, Людовик отправил в 1253 г. с миссионерскими целями монаха Рубруквиса к хану Менгке. Во избежание возможной неудачи миссии не придан был характер королевского посольства. Рубруквис должен был говорить, что отправился по приказанию главы своего ордена. Еще за несколько лет до того папа Иннокентий IV посылал к монголам с такой же миссией монаха Плано Карпини. Оба монаха оставили весьма ценные описания своих путешествий. Плано Карпини, ехавший через Южную Русь к Батыю, а оттуда переправленный к главному хану в Монголию, шел еще по свежим следам недавнего нашествия монголов и собственными глазами мог видеть чудовищные разрушения, произведенные ими в Киевской Руси. Когда Карпини и его спутники добрались до кочевья Батя на левом берегу Волги, то, прежде чем допустить их ко двору хана, их заставили пройти между двух очистительных огней. Раньше чем войти в ставку Батя, они должны были, стоя на коленях, выслушать наставление о том, чтобы, вступая в шатер, ни в коем случае не задеть порога. Войдя в шатер, они, также на коленях, произнесли речь и передали хану послание папы, прося толмачей для его перевода. Толмачи были им даны. Когда перевод был сделан, он был представлен Батыю, который, по словам Карпини, «читал и внимательно отметил его». Не принимая сам никакого решения, Батый отпустил посланцев дальше к главному хану, которому собственно и была направлена грамота Иннокентия. Через несколько недель быстрой езды Карпини добрался до ставки Гуюка, избранного в верховные ханы - в императоры, как выражается Карпини, - происходило как раз в это время. Карпини описывает пышный церемониал выборов, на которых присутствовало множество подвластных монголам государей, в том числе Ярослав Суздальский, вскоре умерший в ханской ставке, повидимому, от яда. Там были сыновья грузинского царя, посол багдадского халифа, в общем, по словам Карпини, более 4 тысяч послов с разнообразными богатыми дарами. Папских послов не скоро допустили к хану. Наконец, Карпини был проведен к Гуюку, с которым ему пришлось говорить через посредника, ибо «у татарских императоров в обычае, что они никогда не говорят с иностранцем собственными устами, как бы он ни был знатен». После нескольких аудиенций Карпини было вручено ответное письмо Гуюка к папе. С ним он и вернулся в Европу.

Любопытно отметить, что Плано Карпини собрал обширную информацию об организации военного дела у монголов и способах ведения ими войны, весьма важную для европейских государств, с точки зрения подготовки к ожидавшемуся новому нашествию монголов.

Рубруквис ехал по другому маршруту, чем Карпини. Но и он добрался сперва до Батя, отправившего его вместе со спутниками опять-таки к верховному хану, которым был в это время Менгке. После многих мытарств Рубруквис добрался до ставки хана, где провел некоторое время, изучая нравы монголов, споря с идолопоклонниками об «истинной религии», рассуждая с ханом о вере. Но остаться в Монголии для проповеди христианства Менгке ему не разрешил и отослал его обратно с грамотой, адресованной Людовику IX. Хитрый хан, отлично раскусивший, что Рубруквис с его спутниками являются не просто монахами-миссионерами, предлагал Людовику прислать к нему настоящих послов: «таким образом, мы удостоверимся, желаете ли вы иметь с нами мир или войну». Заканчивал хан

свое письмо недвусмысленными угрозами, что в случае войны европейцам придется плохо.

Миссия Рубруквиса закончилась безрезультатно, однако попытки установить дипломатические отношения между Францией и монголами на этом не прекратились. В 1288 г. к внуку Людовика IX Филиппу Красивому явилось посольство от монгольского хана Аргуна, одного из потомков Чингисхана, владевшего Ираном и рядом соседних областей. Терпя от вторжений египетских мамелюков, Аргун предлагал французскому королю военный союз для сокрушения египетско-сирийского султана и отвоевания Иерусалима в пользу христиан. Посол Аргуна Раббан-Саума отмечает в своих мемуарах, что по поводу предложения хана Филипп IV ему ответил: «Если монголы, которые ведь не христиане, готовы бороться, чтобы захватить Иерусалим, то тем более оснований вступить в борьбу нам. Коли богу будет угодно, мы двинемся с армией». Но богу, очевидно, это было не угодно, ибо, несмотря на все увещания пап и заверения Филиппа, дело дальше проектов крестового похода не пошло. У Филиппа, как замечает один исследователь, было только одно желание - под предлогом крестового похода конфисковать земли, принадлежавшие духовно-рыцарским орденам.

Филипп IV Красивый и Бонифаций VIII.

Переписка с монгольскими ханами была только эпизодом в сложной дипломатической деятельности Филиппа IV, в правление которого были заложены основы всей дальнейшей французской дипломатии. Царствование Филиппа IV отмечено большим количеством переговоров, которые имели целью либо предотвращение войн, либо прекращение их, либо, наконец, территориальные приобретения. Все это содействовало развитию и усовершенствованию французской дипломатии. Дипломатия стала играть весьма важную роль, подготавливая выгодные союзы и вызывая к жизни мощные коалиции. Раньше дипломатические сношения с иностранными государствами сводились к редким и кратковременным миссиям. Переговоры велись большей частью устно. Лишь при Филиппе заведены были письменные дипломатические сношения, и посольства стали более частым явлением. Представителями дипломатических миссий по-прежнему оставались капелланы и духовники короля; при составлении договора присутствовали нотариусы, формулировавшие его содержание в ясной письменной форме, свидетельствовавшие подписи и пр. Договоры составлялись обычно на латинском языке, переговоры же обыкновенно происходили на французском. Они начали уточняться и принимать более устойчивый характер и внешние формы переговоров.

Дипломатическим путем были разрешены сицилийский и арагонский вопросы, которые достались в наследие Филиппу IV от его отца Филиппа III Смелого. Любопытно, что для улаживания их был даже созван в 1291 г. в Тараскон настоящий международный конгресс - вроде конгрессов нового времени, на котором присутствовали представители папы, французского, английского, неаполитанского и арагонского королей, и где обсуждались общеевропейские дела.

Далеко не так мирно протекали другие начинания Филиппа IV, царствование которого было одним из наиболее бурных в истории французской монархии.

Крупнейшим событием правления Филиппа IV, раскрывшим его дипломатические таланты и упорство в достижении поставленных целей, было столкновение короля с папой Бонифацием VIII. 76-летний Бонифаций, избранный в 1294 г. папой, был выучеником римской курии, посвященным во все важнейшие интриги папского двора, при котором он успел пройти весьма разнообразную карьеру и основательно разбогатеть. Этот надменный старик известен был своей неиссякаемой энергией и необоримым упрямством, которых не укротили и годы, Петрарка писал о нем, что он не знал «владыки более неумолимого, которого трудно сокрушить оружием, а склонить смирением или лестью невозможно». В лице Бонифация VIII папство в последний раз, перед тем как впасть в ничтожество, обычно называемое «авилонским пленением пап», номерялось силами с окрепшей королевской властью и потерпело в этой борьбе решительное поражение.

Конфликт Филиппа с Бонифацием начался из-за чрезвычайных налогов на французское духовенство. Эти налоги взимались для целей крестового похода, но Филипп пользовался ими по своему усмотрению. Последовала грозная булла Бонифация: под угрозой отлучения она запрещала светским государям взимать какие бы то ни было чрезвычайные налоги с духовенства, а духовенству уплачивать что-либо без папского разрешения. В ответ на это Филипп прибег к решительному средству: он запретил вывоз серебра и золота из Франции, лишив тем самым римскую курию каких-либо поступлений от французского духовенства. Папа, очутившийся в это время в крайне трудном положении в Италии, вынужден был пойти на уступки. Кое-как конфликт был на время улажен, но вскоре он разгорелся с еще большей силой из-за притязаний Бонифация на верховенство папской власти. Последовала искусная кампания против папы, организованная знаменитыми легистами, ближайшими советниками Филиппа, - Флотом, Но-гарэ, Дюбуа. Были пущены в ход фальшивки: вымышленные папские буллы и вымышленные же ответы на них короля. Были созданы впервые в истории Франции Генеральные штаты, которые одобрили линию поведения короля. Вслед за этим эмиссары Филиппа «с большими денежными суммами и векселями», - как замечает Маркс, - отправились в Италию; там с помощью золота и других средств против папы был составлен форменный заговор, к которому были привлечены самые могущественные враги Бонифация. Заговорщики проникли в папский дворец в Лпапьи, где подвергли папу тяжким оскорблениям. Надломленный этой катастрофой, Бонифаций вскоре умер. Так была бита последняя ставка папства в борьбе с королевской властью. Правление следующего папы было кратковременным. 15 1305 г. был избран папой архиепископ бордоский, «считавшийся», - как отмечает Маркс, - врагом Филиппа, но бывший с ним давно в тайном соглашении». Через несколько лет новый папа перенес свою резиденцию из Рима в Авиньон (на границе Франции). Здесь авиньонские папы вскоре подпали целиком под влияние политики французских королей, став, по выражению Маркса, их «подручными».

В своей продолжительной войне с Фландрией Филипп старался играть на той внутренней борьбе, которая происходила во фландрских городах: там стремившаяся к власти цеховая верхушка объединилась с фландрским графом, между тем как стоявший у власти патрициат вступил в союз с французским королем. Наиболее драматическим моментом в войне Филиппа с Фландрией было восстание фландрских цехов, вспыхнувшее в таких промышленных городах, как Брюпе, Гепт и Ипр, против французского владычества. В знаменитой «битве

шпор» при Куртре цеховые ополчения фландрских городов нанесли жестокое поражение французским рыцарям. Вся Фландрия была очищена от французов. Но вскоре Филипп предпринял новый поход во Фландрию. В конце концов, ему удалось в результате не столько военных действий, сколько ловких дипломатических маневров навязать фламандцам в 1305 г. тяжелый мир: под видом залога за свои военные издержки Филипп присоединил к Франции ряд фландрских городов.

К концу правления Филиппа Франция стала самой могущественной державой в Европе: папская власть была унижена; Германская империя утратила всякое влияние; ее князья находились на жалованьи - одни у Филиппа, другие у английского короля; члены Канетингской династии правили в Неаполе, в Наварре. Французская дипломатия играла выдающуюся роль почти во всех международных столкновениях того времени.

Столетняя война.

Переломным моментом в политическом развитии Франции явились события Столетней войны. В 1328 г. прекратилась династия Капетингов, и на престол взошла боковая ветвь в лице Филиппа VI Валуа. Права на французский престол заявил также Эдуард III Английский, внук Филиппа IV по женской линии. Однако его притязания были отвергнуты на том основании, что по салическому закону женщины якобы не имеют права на престол. Внешне покорившись и принеся даже ленную присягу за Гиэнь, Эдуард III, гонимый политик и дипломат, стал копить силы для предстоящей борьбы с французским королем. Он реорганизовал и улучшил военное дело и, кроме того, стал искать себе союзников, не жалея на это денег.

Началась необычайно сложная дипломатическая игра, в которую постепенно оказались втянутыми почти все главные силы тогдашней Европы - папа, германский император, короли шотландский, сицилийский, кастильский, многочисленные владетельные князья. На стороне Филиппа VI были пана, граф Фландрский, которому он помог справиться с восставшими против него городами, и король шотландский, - согласно установившейся со времен Филиппа IV традиции, французские короли помогали шотландским в их борьбе с Англией за независимость. Этот союз с Шотландией, столь искусно созданный Филиппом Красивым, продержался вплоть до XVII века. Эдуард III со своей стороны также развернул целую систему союзов. В 1337 г. он за 300 тыс. флоринов привлек на свою сторону германского императора Людовика Баварского, находившегося под отлучением. Таким же образом он купил

помощь графов Гсннегауского, Брабантского, Зеландского и ряда других второстепенных князей. Богатые и могущественные фландрские города, озлобленные против своего графа и против французов и заинтересованные в получении английской шерсти, высказались в пользу благожелательного по отношению к Эдуарду III нейтралитета. Впоследствии этот нейтралитет превратился в открытую помощь. Тогда Филипп VI заявил о конфискации Гиэни. В ответ на это Эдуард III объявил Филиппа VI узурпатором и возобновил свои притязания на французскую корону. Попытки посредничества со стороны папы не привели ни к чему: в 1338 г. начались военные действия. Эдуард III открыто объявил себя королем Франции.

События и исход Столетней войны с ее поворотами военного счастья, сражениями, перемириями, мирными договорами, дипломатическими комбинациями достаточно хорошо известны. Закончилась она в 1453 г. изгнанием из Франции англичан, у которых из всех их владений и завоеваний остался только важный порт Кале. Из испытаний этой войны и сопровождавшей ее разрухи и разорения Франция вышла более единой и крепкой, первая явив образец тех сильных национальных монархий, которые возникли на рубеже средних веков и, нового времени.

Но к этому моменту на восточной окраине Франции выросло могущественное бургундское государство, герцог которого играл предательскую роль по отношению к Франции в самые критические моменты Столетней войны. Карл VII, при котором Франция освободилась от английских оккупантов, не чувствовал себя еще достаточно сильным, чтобы вступить в борьбу с этим восточным соседом. Однако король подготовлял уже ту систему союзов, которая была необходима для борьбы с бургундским герцогом и независимыми князьями внутри самой Франции. Осуществление этой задачи выпало уже на долю его сына Людовика XI.

Людовик XI и его дипломатия.

Людовика XI нередко называют родоначальником современного дипломатического искусства. И действительно, этот король был непревзойденным дипломатом не только для своего времени.

Ни один государь до Людовика XI не относился столь презрительно к рыцарской военной славе. Людовик XI не любил войны: он не доверял военному счастью, страхась потерять в случае неудачного сражения в один день плоды долголетних усилий. Дипломатия была излюбленным орудием Людовика XI. В борьбе со своими многочисленными врагами он по возможности старался избегать лобовой атаки, будучи глубоко убежден в том, что хитрость лучше, чем сила. Одной из основных черт Людовика XI была склонность к интриге. Как отмечает его историограф Коммин, Людовик XI «день и ночь оттачивал все новые замыслы». Ссорить своих врагов, создавать им тысячу препятствий, неожиданно выступить в роли арбитра между ними и добиться таким образом в нужный момент перемирия или мира - такова была тактика Людовика XI.

Какой-то особой вкрадчивостью и тонко разыгранной сердечностью этот черствый, искусный притворщик умел обольщать и очаровывать людей. «Это была сирена», - пишет о нем бургундский хронист Молинэ, а миланский посол Малета, зорко наблюдавший за дипломатической игрой Людовика, сказал о нем: «Похоже на то, как будто король всегда жил и воспитывался в Италии». Малета был прав. Еще будучи дофином и непрерывно интригуя против своего родного отца, смерти которого он так нетерпеливо дождался, Людовик в течение ряда лет вел тайные переговоры с Венецией, Флоренцией и Франческо Сфорца, герцогом Миланским. Благодаря этому постоянному общению с итальянцами и особенно с Франческо Сфорца, которого Людовик считал образцом дипломатического искусства, этот способный ученик в совершенстве усвоил манеры и методы итальянских дипломатов и в первую очередь их гибкость, умение приспособляться к обстоятельствам, их склонность к сложной интриге, коварству, обману. Людовик XI был ловкий соблазнитель. Он не брезговал ничем, чтобы добиться расположения людей, в которых нуждался.

Как пишет Коммин, великолепно изучивший характер своего государя, никто так не старался «склонить на свою сторону человека, который мог быть ему полезен или способен был ему повредить. Он отнюдь не смущался первым отказом человека, которого пытался расположить, но упорно продолжал начатое дело, осыпая его щедрыми обещаниями и действительно давая ему деньги и должности, которые должны были его соблазнить». Скупой по природе, Людовик бывал щедр под давлением политической необходимости. Людовик XI был глубоко убежден в том, что всякого человека можно купить, и что в этом отношении нет никакой разницы между английским королем Эдуардом IV и его, Людовика, брادرеем, а когда нужно, то и палачом, шпионом и вором, пресловутым Оливье де Дэн.

Людовик XI был и курсе всех государственных дел, вникал во все и понимал, что в политике нет ничего неважного. Он тратил большую часть своего времени на то, чтобы разузнать о нужных ему людях и обстоятельствах, чтобы самому знакомиться с положением дел и с людьми, отдавал приказания, измышлял политические комбинации и находил время для оживленной переписки со своими «добрыми и верноподданными городами» и целой массой как высокопоставленных, так и совсем незнатных людей. «Ни один человек, - пишет о нем Коммин, - так не прислушивался к людям, не расспрашивал о стольких вещах, не хотел знать стольких людей, как он. И, действительно, он знал всех значительных, пользовавшихся влиянием людей в Англии, Испании, Португалии, Италии, Бургундии и Бретани так же, как своих подданных». Людовик держал у себя на службе разветвленную шпионскую сеть, имел целый ряд досье, в которых хранил тайны, раскрытые им, купленные или украденные. Будучи самым разносторонним образом осведомлен о делах и людях, Людовик мог благодаря этому использовать обстоятельность и предвидеть события.

Любопытно, как вел себя Людовик со своими дипломатами. Он делал вид, что дает им полную свободу при ведении переговоров, просил их не спрашивать у него слишком часто советов и лишь держать его в курсе всего, что они предпринимают. Но особенно настаивал король на исчерпывающей информации, когда дела шли негладко. Так, он пишет одному своему советнику: «Когда дела идут хорошо, меня надлежит лишь извещать, но когда они идут плохо, то я должен быть в полном курсе, чтобы помочь». В этом смысле интересны дипломатические переговоры, которые велись в конце 1480 г. между Людовиком XI и Максимилианом Габсбургом. Людовик дает своим послам директиву: «Действуйте, как вам покажется нужным». В действительности же он руководит каждым их шагом. Он решительно высказывается против ведения переговоров в больших собраниях. «Господа, вы дураки, - пишет он своим послам, - если думаете, что подобные дела надо решать на большом собрании... Там, где много народа, всегда держатся очень заносчиво и много запрашивают, да к тому же перед таким стечением народа было бы стыдно признаться, что нуждаются в чем-нибудь».

Особенно советует Людовик своим послам подкупать слуг своих врагов. Он считает даром неба искусство преуспевать в этом деле. Эта система Людовика в совершенстве усвоена была главным дипломатом Людовика Коммином, который сформулировал ее следующим образом: «Послы не выходят из рамок своих обязанностей и не злоупотребляют своим долгом, предаваясь шпионажу и торговле совестью». По мнению Людовика, больше всего дипломатические усилия его послов должны быть направлены к тому, чтобы обмануть врагов.

Особенно предостерегает король своих дипломатов, чтобы они не давали себя провести. Когда во время вышеупомянутых переговоров его послы были обмануты человеком, к которому отнеслись слишком доверчиво, Людовик в совершенном испуге писал им: «Вы же видите, кровавые собаки, что ему нельзя доверять, верьте только тому, что вы сами увидите». И король заключает свое послание следующим выразительным наставлением: «Они вам лгут. Ладно! Лгите им больше». В этой заповеди заключена важнейшая суть дипломатии, как ее понимал Людовик XI.

Людовику было 38 лет, когда он вступил на французский престол. Серьезнейшим испытанием дипломатических талантов Людовика в первые годы его правления была его борьба с образовавшейся против него обширной коалицией феодальной знати, так называемой Лигой общественного блага. Душой Лиги был Карл Смелый, который использовал недовольство крупных феодальных владетелей Франции абсолютистскими тенденциями Людовика. «Я так люблю Францию, - заявлял Карл Смелый, - что предпочел бы иметь в ней шесть государей вместо одного». И действительно, подлинной целью Лиги было всеми средствами закрепить раздробление страны на уделы. Чтобы справиться с этой опасностью, Людовик уступил Геную Франческо Сфорца и приобрел в нем хитрого и ценного союзника. Этот искусный кондотьер дал Людовику совет, которым и направлялась вся борьба короля с Лигой, «Разделите своих врагов, - сказал ему Франческо Сфорца, - временно удовлетворите требования каждого из них, а затем разбейте их поодиночке, не давая им возможности объединиться». Совет пришелся Людовику по вкусу. Вступив в переговоры со своими врагами, Людовик, как пишет Маркс, «старался перехитрить этих субъектов, пуская в ход дипломатию, вызывая раздоры и т. д.; сумасшедший осел Карл... оказывал ему в этом большую помощь... Чтобы избавиться от этих субъектов, рассорить их и обмануть каждого в отдельности, Людовик XI согласился на все деспотические требования союзников, стремившихся поделить между собой всю Францию». В октябре 1465 г. Людовик заключил мир в Конфлане с герцогом Бургундским и особый договор с остальными союзниками в Сен-Море. Этими договорами фикция общественного блага была разоблачена до конца: во время мирных переговоров каждый из восставших вассалов, забыв об общественном благе, хлопотал лишь о том, чтобы урвать себе большую часть добычи. «Общественное благо, - ядовито замечает Коммин, - превратилось в частное благо».

Теми же методами - золотом, подкупками, шпионажем и нескончаемой сетью интриг, которую так искусно умел плести этот, по выражению хрониста, «всемирный паук», - Людовик пользовался в борьбе с другими своими противниками. Так, он сумел отвлечь от чрезвычайно опасного для него союза с Карлом Смелым ленивого и всецело поглощенного развлечениями английского короля Эдуарда IV, купив его щедрой ежегодной рентой. Людовик зло посмеивался над тем, что англичане надменно называли эту ренту данью, и платил, кроме того, тайные пенсии министрам и фаворитам Эдуарда, заявляя, что война с Англией стоила бы Франции дороже. Коммин рассказывает, что в парижской счетной палате хранились квитанции всех английских пенсионеров Людовика, за исключением главного камергера Гастингса: его пришлось очень упрашивать перейти на содержание французского короля, так как он находился уже на жалованье у герцога Бургундского. Но Людовик легко вышел и! положения: узнав, что Гастингс

получает от герцога пенсию в 1 тысячу экю, Людовик согласился платить ему 2 тысячи экю. Сделка состоялась. При этом Гастингс выговорил себе условие, что деньги будут вручаться ему без расписок. «Я не желаю,— заявил он, — чтобы говорили, что главный камергер был пенсионером французского короля, или чтобы мои квитанции были найдены в его счетной палате».

Такими же путями Людовик купил себе союз швейцарцев, заключив так называемый «вечный союз» с восемью кантонами, из которых тогда состояла швейцарская федерация. Как пишет Маркс, «этот договор был основой всех соглашений, заключавшихся между Францией и Швейцарией до самой французской революции; он обеспечил за Францией... право вербовать швейцарскую пехоту, а за швейцарцами ежегодную дань от Франции».

Обеспечив себе нейтралитет Англии и натравив на Карла Смелого швейцарцев, Людовик добился гибели своего главного соперника и крушения бургундского могущества. Путем интриг, вероломства и частью открытой войны Людовик завладел значительной частью бургундского наследства. Таков был финал франко-бургундской тяжбы, в которую втянута была почти вся Европа.

Правление Людовика XI, имевшее столь важные последствия для объединения Франции, оказало огромное влияние (на развитие европейской дипломатии. Методы Людовика XI совершенно изменили весь характер и формы европейской дипломатии. Людовик еще в первые годы своего правления сумел оценить, какое большое значение для правительства имеют хорошие дипломатические кадры. Известны имена свыше 70 лиц, являвшихся дипломатами Людовика XI. Число же его тайных эмиссаров, которые сыпали пригоршнями золота повсюду, где можно было получить информацию или всякую иную помощь, было огромно.

Людовик не только сильно расширил число дипломатических миссий, которые направлялись им в различные страны, но и сделал их пребывание там более длительным. Особенно стремился Людовик превратить временные дипломатические сношения в постоянные «представительства при дворах», в которых был наиболее заинтересован, как, например, в Бургундии и Англии. Со своей стороны и те страны, в которые Людовик - посылал свои представительства, вынуждены были оформить у себя посольское дело и выработать систему своей внешней политики. Вскоре ни одно государство, ни один двор не могли уже обходиться без разработанной дипломатической службы. Это, разумеется, было сделано не сразу. Во всяком случае дипломатический механизм, заведенный Людовиком XI, побудил связанные с ним европейские государства приступить к организации дипломатического дела на тех основаниях, на каких оно уже давно существовало в Италии и в частности в Венемандой знаменитого австрийского полководца Евгения Савойского, но не ужилась и с ним. Пудучи отправлен послом австрийского правительства в Бельгию, принадлежавшую тогда Австрии, он завел здесь тайные сношения с Испанией и Францией. За это он был посажен в крепость, а затем, едва не попав на виселицу, был изгнан из австрийских владений. Бонпе-валь отправился в Турцию, где на него «снизошла турецкая благодать, внушившая ему неудержимое желание задать гренку принцу Евгению при помощи турецких батальонов»). Приняв веру пророка и надев на голову тюрбан, он превратился в Ахмет-пашу Бонневалья, но не перестал по-феодалному мечтать о новом крестовом походе. Известному Казакову, авантюристу того же стиля, что и сам, он говорил, что, если бы ему под начало дали 50 тысяч евреев, он пошел бы осаждать Иерусалим. Он сделался политическим советником турецкого султана и всю свою кипучую энергию направил на то, чтобы поставить преграду неудержимому движению основанной Петром Российской империи на юг и Ближний Восток. Он лелеял план оборонительного союза против России трех держав (Швеции, Турции и Гольштейна), которые одинаково страдали от роста России. В этом отношении планы его полностью совпадали с планами французской дипломатии, и он всячески старался толкнуть французское правительство на путь активной поддержки этих трех держав и крепкого союза Франции с Турцией.

Периодизация дипломатической истории XVI-XVIII веков и основные линии внешней политики и дипломатии европейских государств. В Европе XVI-XVIII веков существовали три основных узла международных противоречий, три очага конфликтов, грозивших каждую минуту разгореться в войну. 1) На западе Европы сталкивались торговые и колониальные интересы четырех передовых держав XVI-XVIII веков - Испании, Франции, Англии и с XVII века Голландии; 2) в XVI-XVII веках возник и к XVIII веку окончательно сложился на юго-востоке восточный вопрос - проблема взаимоотношений между европейскими державами и великой Османской империей; наконец, 3) на северо-востоке Европы великие державы севера в течение трех столетий вели ожесточенную борьбу за господство на Балтийском море, решая вопрос о том, кому должно было принадлежать господство над Балтикой. Эти три узла переплетались друг с другом, влияли друг на друга, создавая самые неожиданные и сложные комбинации в международных отношениях.

В XVI веке, после открытия Нового Света и морского пути в Индию, перед западными державами впервые возник во всей остроте вопрос о захвате колоний и о расширении заморских владений. Борьба в Европе осложнилась борьбой в колониях. Каждый европейский конфликт влек за собой изменения в колониальных владениях западных держав. В XVI веке самыми сильными европейскими колониальными державами были Франция и Испания. Со второй половины XVI века начинает расти колониальная мощь Англии. Во второй же половине XVI века происходит и нидерландская революция - восстание Нидерландов против испанского владычества: к концу XVII века. Следует отметить, что тенденция Людовика XI сделать ведение дипломатических сношений монополией государства и лишить своих могущественных вассалов права дипломатического представительства была усвоена у него и другими европейскими государями.

В то же время Людовик очень боялся чужих дипломатических представителей у себя в стране, видя в них шпионов и соглядатаев. Однако он считал их неизбежным злом и разработал сложные правила, чтобы по возможности обезопасить себя от их любопытства.

Дипломатические правила Людовика XI были возведены в стройную систему Филиппом Комминем.

«Отнюдь небезопасное дело, - пишет Коммин, - отправлять и принимать большое количество посольств. Очень часто дело идет при этом о многих дурных вещах. Тем не менее, необходимо и отправлять их и принимать. Те, кто прочтут эти строки, могут спросить, какие же я знаю средства против этого?.. Так вот, что бы я

сделал. Я был бы за то, чтобы оказывать наилучший прием посольствам, исходящим от подлинных друзей, в отношении которых нет оснований для подозрений...» Но все же они не должны оставаться подолгу, «ибо дружба между государями недолговечна. Если же тайные или явные послы исходят от государей, ненависть которых такова, как я наблюдал постоянно между всеми сеньерами... то, по моему мнению, это весьма небезопасная вещь. С ними, разумеется, нужно хорошо обходиться и принимать их с почетом: их следует встречать, удобно размещать, приставлять к ним для сопровождения умных и надежных людей. Это является делом честным и верным, ибо таким образом можно узнать, кто к ним приходит, и помешать легкомысленным и недовольным людям сообщать им сведения. Я бы стоял за то, чтобы по возможности скорее их выслушивать и отсылать назад, так как мне кажется очень опасным держать у себя врагов. И за одного посла, которого враги нам дают, я бы им послал взамен двух. Я позаботился бы и о том, чтобы такому послу было скучно и чтобы он просил не посылать его больше, ибо нет лучшего и более верного шпиона, лучшего соглядатая и собирателя слухов. К тому же при наличии нескольких наших послов при чужих дворах они могут следить друг за другом, чтобы кто-нибудь из них не вел разговоров с посторонними лицами. Мудрый государь всегда старается иметь какого-нибудь друга у своего врага... Скажут, пожалуй, что ваш враг может этим возгордиться. Ну и пусть! Зато таким путем можно получить больше сведений, что весьма важно, ибо преуспевающие всегда в чести».

Каковы были причины связей Франции с монголами?

Чем закончилась борьба Филиппа IV Красивого и Бонифация VIII?

Каковы были достижения дипломатии Людовика XI?

РАЗДЕЛ 111. ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (XVI-XVIII вв.)

Тема 13. ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (XVI- XVIII вв.)

ВВЕДЕНИЕ

История дипломатии в новое время охватывает период с XVI века до конца первой мировой войны и заключения Версальского мира - 1919 г. Постепенное образование капиталистических отношений происходило еще в период позднего средневековья. Резкий толчок этому процессу дали географические открытия и первые колониальные захваты XV-XVI веков. Мировые торговые связи расширились. Товарно-денежные отношения окрепли. Пути и центры торговли переместились от Средиземного и Балтийского морей к берегам Атлантического океана. С той поры в международных отношениях Европы главную роль начали играть государства, расположенные в непосредственной близости к этим центрам. Такими державами оказались Португалия, Испания, Нидерланды, Франция и Англия.

Во внешней политике этих государств решающую роль играли интересы династического порядка и хищнические стремления феодального дворянства. Однако все усиливающееся влияние на ту же политику оказывала и растущая буржуазия, заинтересованная в захвате новых рынков, приобретении колоний, обеспечении торгового преобладания своей страны. Эти интересы можно вскрыть и в основе большинства войн, происходивших в Европе XVI-XVIII столетий, и в содержании почти всех международных договоров этого времени. Тем же целям служила тогда и европейская дипломатия.

К концу XVI века явственно обозначается усиление торговой и внешнеполитической мощи Англии. Ускоренное развитие капиталистических отношений в этой стране приводит в половине XVII века к победоносной буржуазной революции.

Победа буржуазной революции в Англии укрепила международное положение этой островной державы. Внешняя политика Англии приобретает боевой характер. Морское законодательство английского парламента открыто направляется против сильнейших торговых конкурентов - Испании и Голландии. Эта борьба привела к войнам Англии с соперниками и закончилась победой, которая создала для Англии положение первенствующей морской державы. Если XVII век был ознаменован владычеством Англии на морях, то на континенте Европы в том же столетии укрепилось господство абсолютистско-феодальной Франции. Политика Ришелье и Ма-зарини содействовала укреплению централизованной государственной власти и окончательному подавлению своеволия крупных феодалов. Вместе с тем покровительством промышленности и торговле, поощрением судоходства, организацией крупных купеческих компаний, расширением колониальных владений правительство французской абсолютной монархии того периода содействовало усиленному развитию капиталистических отношений и упрочению международного влияния страны. Франция XVII века усиливается за счет слабейших соседей Испании и Германии. В противоположность ей Священная Римская империя германской нации, оставшаяся в стороне от хозяйственных и политических центров Западной Европы, теряет свое международное значение и окончательно распадается на множество независимых мелких государств. Среди них постепенно усиливаются два новых политических образования - Австрия и Пруссия. В тот же период на востоке Европы в международную жизнь все активнее включается Московское государство. При участии его дипломатии разрешаются внешнеполитические проблемы Северо-Восточной Европы, Балтики, Ближнего Востока.

Вооруженная борьба между Англией и Францией за господствующую роль в мировой политике продолжается и в XVIII веке. В итоге ряда победоносных войн Англия расширяет свои заморские владения за счет Франции и Испании и становится колониальной державой первостепенного значения. Это первенство Англия, опережающая другие страны в своем капиталистическом развитии, сохраняет и на последующее время. Не поколебал могущества Англии и тот удар, который был ей нанесен в Новом Свете успешной борьбой американской буржуазной демократии за независимость. В том же XVIII столетии значение серьезного международного фактора приобретает наследница царской Москвы - молодая Российская империя Петра I, его преемник и преемников. Основное содержание дипломатической деятельности европейских государств XVI-

XVIII веков сводится к борьбе за торговое и политическое преобладание. Успех в этой борьбе в большей или меньшей мере выпадает на долю тех стран, которые следуют по пути прогрессивного хозяйственного развития.

Напротив, неудачи постигают чаще дипломатию тех государств, в которых феодальный строй еще сопротивляется прогрессу крепнущих капиталистических отношений.

По восходящей линии идет в конце XVI века дипломатия Нидерландов, где буржуазия одержала победу над феодально-клерикальной реакцией. Наиболее блестящих дипломатических успехов достигает Англия XVII-XVIII веков после исторической победы буржуазной революции, которая укрепила морскую и колониальную мощь этой островной державы. Временные дипломатические победы выпадают и на долю французской абсолютной монархии XVI и первой половины XVII столетия, пока она выполняет цивилизаторскую роль, уничтожая феодальную раздробленность и способствуя развитию капиталистических отношений путем поощрения промышленности и торговли. Теми же причинами объясняется рост международного влияния и России эпохи Петра, средствами государственного принуждения насаждающего в своей стране промышленность и торговлю. Для всех этих государств система меркантилизма является боевой программой не только внутренней, но и внешней политики.

Дипломатические поражения Империи и оплота ее могущества - Испании Карла V и Филиппа II - были расплатой за политику, которая противоречила требованиям хозяйственного и политического прогресса. То же историческое возмездие постигло и Францию конца XVII и XVIII веков, в эту эпоху французская абсолютная монархия продолжает служить интересам дряхлеющего феодализма. Внешняя политика и дипломатия Франции этого времени не сходят со старых путей - защиты династических интересов, добычи «славы» королю, наживы - дворянской военщине. Это приводит к столкновению абсолютной монархии с третьим сословием; революция 1789 г. открывает перед внешней политикой и дипломатией Франции новые пути на службе победившему классу. Особое место занимает внешняя политика и дипломатия Российской империи XVIII века. Принудительно проводя прогрессивную экономическую политику, которая развивает хозяйство страны и организует ее военную мощь, военно-феодальная империя Петра и его ближайших преемников успешно разрешает исторические задачи русской внешней политики на берегах Балтийского и Черного морей и в Северо-Восточной Европе. Неудержимая экспансия этой России приводит ее к столкновению с соседями - во второй половине XVIII века Европа оказывается лицом к лицу с мощной Российской империей, вооруженные силы и дипломатия которой властно вторгаются в международные отношения,

В государстве, которое служит интересам развивающегося капитализма, буржуазия, передовой для того времени общественный класс, видит положительную силу. Политические идеологи XVI-XVII веков - Макиавелли в Италии, Боден во Франции, Гроций в Голландии, Гоббс в Англии - развивают идею государства как высшего начала. Служение государственному интересу они провозглашают принципом внутренней и внешней политики. В практике международных отношений этого времени значительное распространение получают группировки и коалиции государств. Одни создаются для укрепления торговой гегемонии сильнейших держав, другие - для самообороны слабейших против подавляющей силы соперника. В такой обстановке возникают новые правовые понятия: о политическом равновесии, о естественных границах государства, о праве войны и мира, о свободе морей, о незыблемости международного договора. Так закладываются основы науки международного права.

С утверждением в Европе XVI-XVIII веков мощных абсолютных монархий все большую устойчивость приобретает и организация дипломатической службы. Складываются постоянные дипломатические представительства. Устанавливается строгая дипломатическая иерархия. Вырабатываются общепринятые формы дипломатической переписки. Французский язык становится общепринятым языком дипломатических сношений. Более точно регулируется и внешний дипломатический церемониал.

В основном дипломатия остается пока прерогативой абсолютных монархий. Лишь в Англии, в особенности после буржуазной революции, парламент приобретает все большее влияние на внешнюю политику. Однако настоящий переворот в этой области произошел лишь во Франции конца XVIII века. Буржуазной революцией 1789 г. провозглашен был новый принцип верховенства нации во всех вопросах внутренней и внешней политики. Само собой разумеется, что с нацией отождествляла себя победившая буржуазия.

Общая характеристика дипломатии и дипломатических органов в XVI-XVIII веках. Политическая карта Европы в XVI веке.

Новое время в истории дипломатии было подготовлено теми успехами капиталистического развития, которые стали заметными еще со времени великих открытий. Одновременно с этими успехами шла политическая консолидация стран, которые превращались мало-помалу в сплоченные и централизованные феодально-абсолютистские монархии. Эти монархии продолжали существовать на континенте Европы; еще долгое время после буржуазной революции в Нидерландах и Англии. Вследствие прекращения феодальных войн между мелкими сеньорами, подчиненными теперь сильной королевской власти, создается сравнительно устойчивый внутренний порядок. Он благоприятствует дальнейшему экономическому и, в частности, капиталистическому развитию. Оставаясь по своему классовому существу дворянской, абсолютная монархия как централизованное и сильное государство, способное предупредить феодальный разбой прежних времен и защитить вовне интересы своих подданных, оценивается буржуазией как оплот порядка и залог благоденствия. С конца XV века Европа вступает в новый период международных отношений. К этому времени окончательно складываются большие государства: Испания, Португалия, Франция, Польша, Австрия (наследственные земли дома Габсбургов), наметившиеся в пределах Священной Римской империи германской нации, Турция, менее крупные скандинавские государства - Дания, Швеция и Норвегия - и совсем уже мелкие западногерманские княжества, итальянские городские республики, тирании и мелкие государства дополняют политическую карту Европы. На востоке Европы огромное Московское государство выступает на политическую арену Европы со второй половины XVI века. С этого периода, закончив свое политическое объединение, Московское государство мало-помалу становится централизованным, а затем и абсолютистским государством.

«Государственный интерес» как принцип политики.

Уже в XV веке необходимость государственного единства становится настолько очевидной, что «государственный интерес» начинает рассматриваться как высшее мерило в политике. Этот «государственный интерес» в конечном счете есть интерес господству тощего класса в целом. Но он возводится на уровень «общего блага», которое должно осуществляться государством в случае надобности даже путем насилия.

Ради осуществления «общего блага» хороши все средства. Религия перестает играть заметную роль в политике. Политика перестает связываться, с моралью. «...Начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Бодена и т.д., - говорит Маркс, - в новейшее время, не говоря уже о более ранних авторах, сила изображалась как основа права; благодаря этому теоретическое рассмотрение политики освободилось от морали...».

Раньше других и, пожалуй, наиболее последовательно эти новые взгляды на государство и политику были выражены у Макиавелли.

Макиавелли (1469-1527 гг.) один из замечательных политических мыслителей XVI века, вскрыл подлинные основы «реалистической» политики всех и всяких монархов - государей, укрепляющих и расширяющих свою власть всеми средствами, «дозволенными» и «недозволенными». С цинической откровенностью, не стесняемой никакими соображениями морального порядка, он нарисовал в своем сочинении «Государь» тип монарха, которому все дозволено ради одной цели - безграничного расширения своей власти. Но, освобождая своего государя от всяких моральных стеснений, Макиавелли мечтал использовать честолюбие и жадность итальянских властителей в интересах объединения Италии. С этой точки зрения теория дипломатического искусства подчинялась у Макиавелли принципу «государственного интереса». «Следует иметь в виду, - говорит Макиавелли в своем «Государе», - что есть два рода борьбы: один - посредством законов, другой - силы. Первый свойственен людям, второй - зверям, но так как первый часто оказывается недостаточным, то приходится прибегать ко второму. Поэтому государю необходимо пользоваться приемами и зверя и человека. Если же государь принужден научиться приемам зверя, то он должен выбрать из числа зверей лису и льва, ибо лев не может защититься от змеи, лиса - от волков. Следовательно, надо быть лисой, чтобы распознать змей, и львом, чтобы расправляться с волками».

«Государю, - заключает Макиавелли, - необходимо обладать духом настолько гибким, чтобы принимать направление, указываемое веяниями и превратностями судьбы, и, как я отметил выше, не уклоняться от пути добра, если это возможно, но уметь вступать и на путь зла, если это необходимо».

О политическом реализме Макиавелли, выросшем из потребностей эпохи, свидетельствует то, что его идеи разделились крупнейшими политическими деятелями и дипломатами позднего средневековья и нового времени.

Английский посол во Франции сэр Генри У отгон так определял в XVI веке функцию посла: «Муж добрый, отправленный на чужбину, дабы там лгать на пользу своей стране». Крупнейшему из дипломатов и политиков XVII века, кардиналу Ришелье, который правил Францией с 1624 по 1642 г., принципы Макиавелли не кажутся циничными. В глазах Ришелье они не лишены подлинного величия. «Государственный интерес» (raison d'etat) господствует у Ришелье в его взглядах и в его практике. «Государство» превыше всего. «Государство» есть ценность, во имя которой все средства хороши, - таков смысл рассуждений Ришелье в его замечательном «политическом завещании». «Быть суровым, советует он королю, по отношению к людям, которые хвалятся тем, что они пренебрегают законами и распоряжениями государства, это значит действовать во имя «общего блага». Христиане должны забывать об оскорблениях, наносимых им лично, но правители должны помнить проступки, которые наносят ущерб общему интересу. В самом деле, оставлять их безнаказанными значит совершать их дважды... Бич, который является символом правосудия, никогда не должен оставаться без применения».

Гели «общее благо» и «государственный интерес» играют такую роль во внутренней политике, то еще большее значение имеют они для политики внешней. Ришелье это доказывал на каждом шагу. Будучи католиком и кардиналом римской церкви, он действовал против католической Испании и Австрии в союзе с протестантскими князьями Германии: являясь убежденным сторонником и красноречивым защитником абсолютизма, он в интересах Франции поддерживал мятежных немецких князей против их императора. Все это оправдывалось для него «общим благом» и «государственным интересом».

Органы внешней политики и дипломатии в XVI-XVIII веках. Дипломатическая служба в этот период.

«Абсолютная монархия» возникает, - говорил Маркс, - в переходные эпохи, когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в современный класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла еще перевеса над другой». Маневрируя между дворянством и буржуазией, королевская власть достигала известной самостоятельности. Это сказывалось и на ее внешней политике и дипломатии. Будучи в то время тайною тайн, дипломатия замыкалась в узкий круг особо посвященных. Центром, где создавалась полигика, являлся королевский двор. В абсолютной монархии велико было значение не только династических интересов и личности самого короля. Значительна была роль и его любимцев, любовниц и просто ловких интриганов, которые влияли на короля в ущерб интересам страны и ее передового буржуазного класса. Крупные европейские государства, которые сложились в XV-XVI веках, впервые создали соответствующие им постоянные центральные и местные учреждения - бюрократию и армию. XVI век был веком оформления дипломатической службы, центральных и местных учреждений, которые обслуживали внешнюю политику нового государства. В XVII веке даже крупные княжества Германии стали посылать за границу своих постоянных представителей.

Под влиянием гуманистов появляется тот стиль дипломатических депеш и донесений, который становится мало-помалу обязательным для каждого дипломата. Итальянские государи в XV и XVI веках пользовались гуманистами в качестве своих секретарей по внешним делам: это способствовало введению в дипломатию изящного стиля речи и письма. Первым из представителей дипломатического красноречия был флорентийский канцлер, известный гуманист Колюччио Сашотати. Письма его стали своего рода образцами для дипломатов XVI века. Не меньшее значение имели и донесения венецианских послов. Отчеты венецианских агентов за границей, которые предназначались для узкого круга лиц, просачивались и в широкую публику: сборники этих

отчетов известны были уже в XVI веке. Семейные отношения Габсбургов, владевших Империей и Испанией, вызвали потребность в постоянном общении и обмене мнениями. В особенности оживились эти отношения после отречения от престола Карла V (1555 г.), когда владения Габсбургов были поделены между старшей и младшей линиями этого дома,

Большое значение для развития дипломатической деятельности имело правление папы Льва X (1513-1521 гг.). Этот папа, Медичи по происхождению, был хорошо знаком с постоянным дипломатическим представительством у себя на родине, во Флоренции. На собрании кардиналов в августе 1513 г. он назначил постоянных представителей (нунциев) в Германию, Францию и Англию. Таким образом, было положено начало постоянной папской нунциатуре. Обстоятельствами, которые задерживали повсеместное распространение института постоянных дипломатических представителей, были большие расходы на содержание послов и посольств, отсутствие хороших путей сообщения и связи, недостаток опытных и вышколенных дипломатов. Тем не менее к концу XVI века институт постоянного дипломатического представительства складывается более или менее прочно, причем устанавливается определенная дипломатическая иерархия. Основой для нее было значение государства, пославшего агента. Короли Франции, Испании и Англии требовали для своих послов большего уважения, чем какой-нибудь герцог Миланский или тем более захудалый немецкий князь.

Постепенно в посольском ритуале складываются определенные традиции. Наряду с послом создается дипломатический персонал, особенно в крупных государствах; иерархия складывается внутри самого посольства. В XVI веке соблюдается точное различие между послом и обычным агентом или резидентом. Право назначать послов принадлежало не за всеми государями. Карл V, император Германии, имел, например, при своем дворе только папского посла, послов короля французского, посла своего брата Фердинанда (короля Римского, т. е. короля Германии) и посла Венеции. Государя, которые находились в зависимости от императора или другого крупного монарха, могли иметь при них только простых агентов.

Обычные дипломатические сношения между государствами не всегда были достаточными. Поэтому наряду с постоянным дипломатическим представительством продолжали сохраняться и чрезвычайные посольства, снаряжаемые в особо важных случаях, как, например, при необходимости непосредственных переговоров кабинета с кабинетом, восшествия на престол нового государя и т. д. В связи с этим возникали и некоторые трудности. Чрезвычайные послы требовали для себя первого места не только по отношению к послу своего же государства, но и в ряду послов других держав. Некоторые, особенно крупные, государства, не желая терпеть ущерб для своей чести, стали возводить своих обыкновенных послов в чрезвычайные. Уже в XVII веке этот обычай получил широкое распространение.

XVI-XVIII века были временем, когда сложился новый дипломатический церемониал. Уже при императоре Карле V почести, оказываемые послам при въезде и приеме, получили строго установленный характер. При церемониале учитывалось значение каждой державы, послы которой прибывали в Испанию. В XVI веке постепенно сложился чин посольских приемов и во Франции. Благодушнее и проще к церемониалу относились долгое время англичане. Лишь в XVII веке навстречу обыкновенному послу выезжали в Англию принцы крови. За это не раз англичане удостоивались насмешек со стороны французов, которые лучше знали толк в так называемых *civilites*, тонкостях дипломатического обхождения. Но и в Англии со времени поклонника французских порядков, Карла I Стюарта, также установился определенный дипломатический ритуал.

Этот церемониал - система обычаев, важная с точки зрения международных отношений. Поведение посла при въезде и особенно во время первой аудиенции, а также ответные действия принимающего его государя или министра символизируют взаимоотношения держав, их сравнительный удельный вес в международной жизни. Всякое отступление от принятого порядка в ритуале торжественного приема рассматривается участниками этой церемонии либо как показатель изменившихся отношений, либо как знак умаления достоинства, либо, наоборот, как дань особого уважения к стране, представляемой послом или лицом, его принимающим. Понятны поэтому постоянные споры о мелочах этикета, вечные домогательства послов получить такие же почести, какие были оказаны другой державе, их боязнь обесчестить своего государя недостаточным вниманием, проявленным к его послу.

В XVI и XVII веках при папском дворе существовал, например, такой порядок. Торжественная аудиенция давалась папой, окруженным коллегией кардиналов, которые составляли в данном случае консисторию. Посол обязан был выслушивать, папу стоя, с непокрытой головой. Послы императора, коронованные особы и Венецианской республики принимались в большой, так называемой Королевской зале, послы прочих государей - в малой Герцогской зале. Были и такие послы, которых папа принимал в своих покоях, куда *oï* на лот случай призывал нескольких кардиналов, но в небольшом количестве, чтобы посол не подумал, что для него составлена консистория. Герцог Савойский, получив титул кипрского короля, потребовал, чтобы его послов папа принимал в Большой зале. Когда ему было в этом отказано, он обиделся и на некоторое время перестал вообще посылать своего представителя к папе. Генуэзская республика предлагала папе несколько миллионов только за то, чтобы ее послов папа принимал в Большой зале. Папа отказал под давлением Венеции, которая никак не желала, чтобы Генуя была на одном уровне с нею. 13 сентября 1672 г. в Риме побывала и делегация царя московского. Ей была дана аудиенция в Большой зале, папа принимал ее в окружении пятнадцати кардиналов. Московского посла заставили проделать такую же церемонию, как и всякого правоверного католика - он должен был сделать три глубоких поклона и поцеловать папскую туфлю. Во время обыкновенных аудиенций папа сидел на кресле, обитом красным шелком. Послу позволялось сидеть на табурете: при этом посол не мог покрывать головы в течение всей аудиенции.

Нечто подобное имело место и во Франции. Здесь послов коронованных особ и папских нунциев вводили в залу приема принцы крови. В отличие от папского двора венецианские послы ставились при этом ниже, - таких почестей им не полагалось. Когда в 1635 г. во Францию прибыл английский посол и явился ко двору, находившемуся в это время вне Парижа, при дворе не оказалось ни одного принца крови. Посол заявил, что не сдвинется с места до тех пор, пока ему не будет дан в качестве вводящей персоны принц крови. Пришлось

посылать за принцем в Париж. Строгий церемониал приема послов, введенный в Англии Карлом I, не помешал его преемнику Карлу II в первые годы Реставрации устроить торжественный прием посольству маленькой Голландии, в которой он не раз во время английской революции находил приют в тяжелые годы своих скитаний. В 1660 г. республика Соединенных провинций (Голландия) отправила в Англию чрезвычайное посольство, чтобы приветствовать короля по случаю его «восстановления» на престоле. В Англию посольство прибыло в начале ноября. Прожив несколько дней инкогнито в Лондоне, послы отправились в Гринвич. Здесь их приветствовал от имени короля лорд Ричард со свитой, предоставив в их распоряжение барки, на которых они снова, но уже торжественно, прибыли в Лондон. У набережной послов ожидал лорд Грэ-вен с двадцатью каретами; каждую из них везла шестерка лошадей. Послов привезли в апартаменты главного церемониймейстера Абраама Вильямса, где они отдохнули. Затем они отправились на аудиенцию, причем им повсюду воздавались почести наравне с послами коронованных особ. Голландский историк этого посольства отмечает, что послы Соединенных провинций первый раз в истории удостоились чести быть встреченными лордом еще за пределами Лондона.

Зарождение науки и международного права. Появление крупных государств и дипломатических отношений между ними вызвало к жизни и соответствующую теорию. Возникает дипломатическое право и право международное. Нидерландец Бальтазар Айала опубликовал в 1582 г. сочинение «О праве войны и военных учреждениях». В нем он развил учение о посольской неприкосновенности, обосновав его данными опыта и соображениями целесообразности. Большое распространение подучила работа итальянца Альберико Джентили «О посольствах» (1585 г.). Этот автор был одним из наиболее известных предшественников основателя международного права - голландца Гуго Гроция. Родом из Анконы, Альберико Джентили перешел в протестантизм, вынужден был уехать из Италии и стал профессором Оксфордского университета. Ему как юристу пришлось высказаться по поводу деятельности испанского посла Мендозы, который принял участие в заговоре против королевы Елизаветы в пользу Марии Стюарт. По этому поводу он написал целый трактат о правах и обязанностях посла. Джентили оказал глубокое влияние на развитие науки о международном праве в Англии.

Пальма первенства в отношении разработки науки международного права принадлежит, несомненно, Гуго Гроцию (1583-1645 гг.). Историческое значение знаменитого голландского юриста заключалось в том, что в век бесконечных войн между абсолютистскими, т. е. дворянскими государствами, сопровождавшихся грабежами и разорением, он попытался теоретически обосновать и защитить буржуазную собственность и вместе с этим ввести войну в рамки правовых норм. Сочинение, которое создало Гроцию славу - «О праве войны и мира», исходило из права собственности как «естественного права» человека, права, «диктуемого здравым смыслом, т. е. природой». На основе естественного права строится право положительное, т. е. законы, издаваемые государством. Источником положительного права является договор. Договор лежит в основе международного права. Государства, рассматриваемые Гроцием, как отдельные собственники, договариваются между собой о нормах, регулирующих отношения между ними не только в мирное время, но и во время войны. Война, по Гроцию, является фактом естественным: она вытекает из человеческого стремления к самосохранению. Однако война должна быть предпринята только в интересах восстановления справедливости. Когда она уже разгорелась, вести ее надо в пределах права и добросовестно. Чтобы война была справедливой, от воюющих сторон требуется уважение свободы торговли, свободы эмиграции, свободы морей, неприкосновенности вражеской собственности в тех пределах, в каких не требуется «возмещение убытков и удовлетворение притязаний за счет врага».

В своем труде Гроций посвятил правам посла целую главу (XVIII). Она интересна в том отношении, что описывает обычаи, которые сложились к началу XVII века в области посольского права. «Всеми признаны, говорит Греции, — два основных права посла: 1) право быть принятым тем сувереном, к которому он послан; 2) неприкосновенность личности самого посла, его свиты и его имущества». Гроций подчеркивает, что права посла не столько вытекают из неизменных принципов естественного права, сколько зависят от воли отдельных народов, другими словами, от обычаев страны. Поэтому и первое и второе из основных прав посла в разных странах имеют различный объем. Право посла быть принятым вовсе не означает, что суверен, к которому он направлен, обязан его принять. Необходимо лишь, чтобы отказ в приеме посла был строго обоснован. Если посол отправлен врагом, вторгшимся в страну, или явился с целью подстрекать чужих подданных к мятежу, он с полным основанием лишается права быть принятым. Точно так же обстоит дело и с неприкосновенностью посла (§ IV). Большая или меньшая неприкосновенность посла зависит от обычаев страны, в которой он аккредитован. Во всяком случае, думает Гроций, личность посла должна быть изъята из-под действия правила, согласно которому каждый иностранец подчиняется законам той страны, где он находится. С личной неприкосновенностью посла связана и его экстерриториальность. «Так как, - говорит Гроций (гл. XVIII, § IV, 8), - согласно международному праву посол представляет особу своего монарха, он находится как бы вне территории того государства, в котором выполняет свои функции. Отсюда следует, что он не обязан соблюдать законы страны, в которую послан. Если он совершит преступление, то следует либо закрыть на это глаза, либо выслать его за пределы государства; в случае если преступление его наносит стране, где он является послом, существенный ущерб, нужно требовать от его государя либо наказания, либо выдачи посла. Такой же неприкосновенностью пользуются свита посла и его имущество. Что касается права убежища в посольстве, то это право имеется налицо лишь в том случае, если допускается сувереном, при котором посол аккредитован». Гуго Гроций изложил теоретические основы международного права, и в этом огромное значение его труда. В XVII веке стали издаваться сочинения, которые ставили себе более скромные цели - именно дать послу практическое руководство для наилучшего выполнения возложенных на него поручений. Такими были: пособие по дипломатии англичанина Ричарда Сача (1650 г.) и особенно книга голландца Авраама Викфора «Посол и его функции» (1676 г.). Она выдержала несколько изданий и в течение долгого времени была настольным руководством дипломатов.

Быт и нравы дипломатов XVI-XVIII. Типы дипломатов. Установление постоянного представительства

и появление юридических норм, регулирующих положение и деятельность. Типы дипломатов свидетельствовали о значительной роли, которую стала играть дипломатия как орудие внешней политики. Но в сознании людей, которые выполняли дипломатические функции, деятельность эта представляла еще скорее личный, нежели государственный интерес. Послы и прочие крупные дипломаты набирались из среды высшего феодального дворянства. В этом классе живы были еще старые представления, отождествлявшие государство с вотчиной. В новом централизованном государстве дворянство продолжало еще смотреть на доходы казны, как на источник своего обогащения. Это порождало явление, знакомое и буржуазному государству: взяточничество и продажность, от первого министра до последней чиновной сошки, которые царили в феодальном государстве. Этот порок был свойственен и дипломатам абсолютных монархий. В еще большей степени самим дипломатам приходилось подкупать влиятельных людей и важных государственных чинов в странах, в которых они были аккредитованы. Наставник послов Викфор поместил в своей книге целую главу, обозначенную:

«Послу позволяется подкупать министров двора, при котором он выполняет свои функции». Однажды, рассказывает Викфор, к английскому королю Якову I явился джентльмен, который заявил, что хочет выдать королю некую важную тайну; однако король при этом должен дать ему полную гарантию неприкосновенности. Когда такая гарантия была дана, джентльмен заявил королю, что многие придворные и члены королевского совета получают пенсии от испанского короля. Яков I поднял на смех простодушного джентльмена. Все это ему, королю, хорошо известно, сказал он. При этом король прибавил, что не возражал бы, если бы король испанский давал в десять раз больше, чем теперь: тем меньше у него было бы денег на войну против Англии. Коррупция при Стюартах была очень сильна: ею, как известно, были затронуты сами члены королевской семьи. Карл II был просто на жаловании у Людовика XIV. Продав официально Дюнкерк Франции (1662 г.) за 5 миллионов ливров, он дал тайную расписку в получении 8 миллионов, из чего следует, что он положил 3 миллиона в собственный карман. Королева Елизавета была в этом отношении строже: она приказала посадить в тюрьму двух своих послов Николая Клиффорда и Антония Шерли за то, что они осмелились без ее согласия принять от французского короля Генриха IV ордена св. Михаила. Королева подозревала, что они оказали услугу Франции, быть может, в ущерб интересам Англии; а простого подозрения, полагает Викфор, вполне достаточно для того, чтобы по крайней мере отозвать посла и положить конец его карьере.

XVI и XVII века выработали даже особый термин для посла - «почетный шпион». Еще Филипп де Коммин, знаменитый историограф королей Людовика XI и Карла VIII и менее знаменитый как дипломат, писал в своих мемуарах, что для посла «великое дело» проникнуть в дела чужого государя через подкуп его министра. Это - самая большая услуга, какую он может оказать своему государю. Поэтому, замечает Викфор, посол, подкупающий министра службой страны, нисколько не нарушает международного права, и все согласны с тем, что он в данном случае только выполняет свои обязанности. Лишь бы посол не переходил границ и не занимался подкупом таких лиц, которые угрожают жизни государя или порядкам страны, в которой он аккредитован. У Викфора есть забавное соображение, что обязанность посла проникать в чужие секреты путем подкупа настолько важна, что о странах, которые не пользуются тпш обычаем, можно сказать, что они теряют миллионы экю, боясь потерять 50 тысяч. Такова, например, республика Соединенных провинций. У нее нет специальных фондов, предназначенных для подкупа, а когда таковые отпускаются Штатами, то это совершается гласно и становится всем известным, тогда как такое дело требует абсолютной тайны. Поэтому дипломатия в Голландии находится в руках принцев Оранских, а они не гнушаются получать пенсии от французского короля. И действительно, в инструкции министра Генриха IV Жаннена от 11 августа 1609г. имеются любопытные строки. В них французскому послу Прео указывается, что он должен платить определенную сумму денег на поддержку Морица Оранского и других высоких лиц, дабы укрепить их французские симпатии и их вражду к Испании, исконному врагу Франции. Король Генрих IV в примечании к инструкции назначил для этой цели 100 тысяч ливров.

В дипломатических кругах XVI-XVII и XVIII веков вращалось достаточное количество подозрительных людей и творилось много темных дел. При медленности передвижения в те времена и при опасности путешествий ограбление «неизвестными лицами» посольских курьеров, перлюстрация почты и просто исчезновение в пути дипломатических агентов были делом обыкновенным. Французский министр Лувуа советовал однажды тайно арестовать австрийского посла графа Лизола, неприятного французскому правительству, добавив, что «даже убийство этого посла не причинило бы никаких затруднений» (1674 г.). Среди агентов, бравших на себя такого рода поручения, были люди, которые достигали иногда больших постов и играли крупную роль в политике. То были дипломаты по профессии и авантюристы по призванию, люди без родины и совести; они служили тому, кто больше даст, и ухитрялись получать сразу со всех. Их было особенно много в XVIII веке, в пору упадка абсолютных монархий. Они кишели, как черви, в теле дряхлеющего организма старой дворянской монархии и своей деятельностью ускоряли ее разложение. Некоторые из них получили европейскую известность благодаря своим способностям дипломатов и политиков.

Таким был, например, первый министр испанского короля Филиппа V или скорее его второй жены Елизаветы Пармской (Фарнезе) Джулио Аль-берони (1664-1752 гг.). Итальянец по происхождению, сын бедного винодела, Альберони, благодаря своим способностям, образованию и исключительной проницательности, стал аббатом и наставником недорослей из знатных дворянских фамилий. Его сан и влияние покровителей позволили ему быстро двигаться по ступеням карьеры. В 1702 г. он сделался сводником, шутом и политическим советником герцога Вандома, который представил его самому королю Людовику XIV. Ловкий проходимец сумел чрезвычайно быстро втереться в милость короля и получил от него пенсию в 3 тысячи ливров. От Людовика XIV он перешел к его внуку, ставшему Филиппом V, королем Испании. Здесь он скоро добился должности первого министра как своими несомненными способностями политика, так и умением готовить итальянские кушанья для короля и королевы. После смерти королевы он женил короля на племяннице своего государя, герцога Пармского, Елизавете, женщине властной и умной. Вместе с нею он правил Испанией до 1719 г. Это был исключительно способный дипломат; он поставил себе целью вернуть Испании итальянские провинции, утерянные ею по Утрехтскому миру, и вернуть

Испании ее былую мощь и влияние. Для этого надо было прежде всего расстроить старую антииспанскую коалицию держав, которая создалась из Англии, Австрии и Голландии во время войны за испанское наследство. Одновременно Альберони принужден был, удовлетворяя честолюбие своего короля, который желал получить французскую корону, плести искусную интригу и в этом направлении. Он действовал против Франции, вечно трепеща от страха, что каждую минуту может потерять расположение своей повелительницы, а вместе с ним потерять все, ибо испанские гранды ненавидели его как выскочку и проходимца. «Я предпочел бы быть гребцом на турецких галерах», - сказал однажды Альберони.

Альберони был неутомим в дипломатических комбинациях. Он купил союз с Англией, разрешив торговлю с американскими колониями; он подстрекал во Франции противников регента, герцога Орлеанского, поощрял турок против Габсбургов, всячески старался примирить Карла XII Шведского с Петром I, для того чтобы насолить этим непримиримому врагу - Георгу I Английскому: он тайно поддерживал в Англии якобитов, сторонников свергнутой династии Стюартов. Своими интригами Альберони немало способствовал тому, что Испания была втянута в бесславную войну с Англией и Францией. Уже в 1719 г. Филипп V принужден был заключить мир. Вместе с ним пал и Альберони, изгнанный из Испании по требованию французского и английского правительств. Не менее колоритной фигурой был небезызвестный и в русской истории французский ренегат граф Бон-неваль, авантюрист и прожектор XVIII века (1675-1747 гг.). Это был истинный феодал по своим взглядам и поведению, человек безрассудной храбрости, но и редкой политической дальновзоркости, неукротимой энергии и непоседливости, готовый менять своих суверенов так же, как в средние века вассалы меняли своих сеньеров. Поссорившись с министром Ша-милляром, он перешел на австрийскую службу и сражался в 1709 г. против своих соотечественников. Затем он воевал против турок под командой мандой знаменитого австрийского полководца Евгения Савойского, но не ужился и с ним. Пудучи отправлен послом австрийского правительства в Бельгию, принадлежавшую тогда Австрии, он завел здесь тайные сношения с Испанией и Францией. За это он был посажен в крепость, а затем, едва не попав на виселицу, был изгнан из австрийских владений. Бонпе-валь отправился в Турцию, где на него «снизошла турецкая благодать, внушившая ему неудержимое желание задать гренку принцу Евгению при помощи турецких батальонов»). Приняв веру пророка и надев на голову тюрбан, он превратился в Ахмет-пашу Бонневалья, но не перестал по-феодалному мечтать о новом крестовом походе. Известному Казакову, авантюристу того же стиля, что и сам, он говорил, что, если бы ему под начало дали 50 тысяч евреев, он пошел бы осаждать Иерусалим. Он сделался политическим советником турецкого султана и всю свою кипучую энергию направил на то, чтобы поставить преграду неукротимому движению основанной Петром Российской империи на юг и Ближний Восток. Он лелеял план оборонительного союза против России трех держав (Швеции, Турции и I Юльши), которые одинаково страдали от роста России. В этом отношении планы его полностью совпадали с планами французской дипломатии, и он всячески старался толкнуть французское правительство на путь активной поддержки этих трех держав и крепкого союза Франции с Турцией.

Периодизация дипломатической истории XVI-XVIII веков и основные линии внешней политики и дипломатии европейских государств. В Европе XVI-XVIII веков существовали три основных узла международных противоречий, три очага конфликтов, грозивших каждую минуту разгореться в войну. 1) На западе Европы сталкивались торговые и колониальные интересы четырех передовых держав XVI-XVIII веков - Испании, Франции, Англии и с XVII века I олландии; 2) в XVI-XVII веках возник и к XVIII веку окончательно сложился на юго-востоке восточный вопрос - проблема взаимоотношений между европейскими державами и великой Османской империей; наконец, 3) на северо-востоке Европы великие державы севера в течение трех столетий вели ожесточенную борьбу за господство на Балтийском море, решая вопрос о том, кому должно было принадлежать господство над Балтикой. Эти три узла переплетались друг с другом, влияли друг на друга, создавая самые неожиданные и сложные комбинации в международных отношениях.

В XVI веке, после открытия Нового Света и морского пути в Индию, перед западными державами впервые возник во всей остроте вопрос о захвате колоний и о расширении заморских владений. Борьба в Европе осложнилась борьбой в колониях. Каждый европейский конфликт влек за собой изменения в колониальных владениях западных держав. В XVI веке самыми сильными европейскими колониальными державами были Франция и Испания. Со второй половины XVI века начинает расти колониальная мощь Англии. Во второй же половине XVI века происходит и нидерландская революция - восстание Нидерландов против испанского владычества: к концу XVI века создается новое независимое государство, первая в Европе буржуазная республика Соединенных провинций, известная в истории больше под именем Голландской республики. Борьба между Францией и Испанией на континенте Европы, соперничество между Англией и Испанией за господство на морях - таково основное содержание международных отношений на западе Европы в XVI-XVII веках. Результатом этой борьбы было ослабление Испании, силы которой были подорваны в соперничестве с Англией и особенно в борьбе со своими нидерландскими подданными, и усиление Англии, Франции и Голландии. В XVII веке Франция становится самой могущественной державой на континенте и притязает на гегемонию в Европе. В XVII же веке создается великая колониальная французская держава, и происходит буржуазная революция в Англии. I ачинается борьба между двумя морскими державами - Англией и Голландией - за господство на море; этот спор решается в пользу Англии. В XVIII веке у Англии в Европе остается один соперник - Франция. В борьбе, которая идет между ними в течение XVIII века, Франция остается самой сильной державой континента, но теряет большую часть своих заморских колоний. Англия к концу XVIII века - становится не только первой в Европе морской и колониальной державой, но и превращается мало-помалу в «мастерскую мира», производящую товары на весь мир. Таковы основные контуры международных отношений на западе Европы в XVI-XVIII веках. Сообразно с этим историю международных отношений и дипломатии этих трех столетий можно разбить на три периода:

1. Период испанского преобладания в Европе, который охватывает почти весь XVI-XVII вв. Это одновременно период ожесточенных религиозных войн, в которых Испания принимала деятельное участие как оплот феодально-капиталистической реакции. На западе Европы это - период испанско-французского соперничества и

борьбы.

2. Период французской гегемонии в Европе. Ее кульминационный момент - Вестфальский мир (1648 г.) и связанная с ним внешняя политика Людовика XIV. Это - также время напряженной борьбы между Францией и Голландией, время блестящей дипломатической деятельности молодой Голландской республики и ее представителей, время значительного усиления Англии, в особенности после буржуазной революции XVII века и усиления роли ее дипломатии в Европе.

3. Третий период приблизительно совпадает с XVIII веком. Это - прежде всего время борьбы между Англией и Францией за колонии и за первое место в мировой политике.

В это время на востоке Европы появляется в качестве постоянного участника международных отношений молодая Российская империя.

Наиболее яркое выражение указанные международные противоречия нашли в трех крупнейших общеевропейских конфликтах XVII и XVIII веков: в Тридцатилетней войне (1618-1648 гг.), в войне за испанское наследство (1701-1714 гг.) и в Семилетней войне (1756-1763 гг.).

Тема 14. ДИПЛОМАТИЯ ИСПАНИИ, ФРАНЦИИ И АНГЛИИ К XVI ВЕКУ

Период испанского могущества в Европе. Испания Карла V и Филиппа II.

В XV веке Лшлия была небольшим государством с 3,5-4 миллионами населения. Первое место в Европе занимали Франция и Испания - две державы, которые закончили к началу XVI века свое территориальное объединение и насчитывали первая до 15 миллионов, вторая до 10 миллионов населения. Обстоятельства международной жизни выдвинули в XVI веке на первое место Испанию.

Результатом предприимчивости португальцев и испанцев было открытие в конце XV века Нового Света, Америки (1492 г.) и морского пути в Индию (1498 г.), которое чрезвычайно обогатило обе страны. С 1516 г. королем Испании сделался юноша Карл I (родился в 1500 г.), внук испанских королей-объединителей - Фердинанда и Изабеллы Католических. По своему отцу эрцгерцогу Австрийскому Карл I приходился также внуком императору Германии Максимилиану I Габсбургу. После смерти Максимилиана немецкие князья избрали Карла императором Германии (1519 г.). В состав испанских владений в это время входили вновь открытые колонии в Америке, Нидерланды, Неаполитанское королевство и Сардиния. О Карле I (как император Германии он стал Карлом V), который владел одновременно Испанией, Германией, Италией, землями за океаном, говорили, что в его владениях никогда не заходит солнце. Это была действительно огромная, невиданная до сих пор в Европе мировая империя. Но чисто феодальный характер Испании— основы этой империи - предопределил структуру всей монархии Карла V, а также направление его внешней политики.

Хлынувший из вновь открытой Америки поток драгоценного металла обогатил правящие верхи испанского дворянства и тем самым укрепил класс феодалов и феодальные отношения в стране. Добытые рабским или крепостным трудом несчастных туземцев Америки золото и серебро, в конечном счете, погубили Испанию. Падение цены драгоценного металла и соответствующее повышение цен на продукты и товары прежде всего сказались в Испании. Здесь это привело к резкому подъему цен на продукты первой необходимости, а вслед за ним и к повышению заработной платы. Испанским купцам, которые торговали с новыми колониями, оказалось выгодным продавать туда товары английского, французского и нидерландского, но не своего, испанского, производства. В Испании буржуазия потеряла интерес к развитию отечественной промышленности. Единственная отрасль производства, которая процветала в Испании - разведение овец - работала на вывоз, обогащая крупных скотоводов-дворян. Испания в экономическом отношении стала скатываться назад, к временам XIV века. Золото и серебро делись рекой в руки феодальной знати, которая празднично жила в великолепных дворцах; остальная дворянская масса - испанские идальго, по-прежнему презиравшие труд - влачила довольно жалкое существование. Что касается народа, ремесленников и крестьян Испании, то нищета их стала поговоркой. На этой нищете пышным цветом расцветала католическая церковь: сотнями тысяч тунядцев - монахов множилось монастыри, свирепствовала испанская инквизиция - страшное орудие испанского абсолютизма. И в это время король Испании и император Германии Карл V мечтал о единой монархии, единой католической семье народов, во главе которой стоял бы он один, светский государь и духовный отец всех правоверных католиков. «То было время, - говорит Маркс, - когда Васко-Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарьена, Кортес - в Мексике, Писарро - в Перу. То было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Свобода Испании исчезла... но вокруг лелись потоки золота, звенели мечи, и зловеще горело зарево костров инквизиции».

Во внешней политике Карла V поражает причудливое сочетание реальности с фантастикой. То была политика возрождения средневековой фантазии о единой универсальной католической монархии. «Идеальные» цели этой политики служили прикрытием самой грубой реальности - системы захватов и грабежа.

Дворянство жаждало «рыцарских подвигов» потому, что хотело войны и добычи. На этом пути Карл V встретился с соперником - королем французским, главой еще более многочисленного и не менее воинственного французского дворянства.

Политическая идея всемирной монархии, лелеемая Карлом V, была чистой утопией. Сама «Священная Римская империя германской нации», состоявшая из столь разнородных частей, как Германия, Италия, Нидерланды, была скорее призраком, чем реальностью. Немецкие курфюрсты, которые избрали Карла императором, заявили ему во время коронации в Лохене 23 октября 1520 г.: «Помни, что этот трон дан тебе не по нраву рождения и не по наследству, а волей князей и курфюрства в Германии».

Подавив в Испании восстание городских коммун и утвердив там абсолютизм, он принужден был вести совсем иную политику в Германии. Реформация и проведенная князьями в свою пользу секуляризация церковных имуществ, а затем неудача Великой крестьянской войны в Германии усилили власть немецких князей;

фактически они превратили Германию во множество мелких и мельчайших государств-княжеств, достаточно сильных, чтобы противодействовать всяким попыткам централизации, идущим со стороны императора, но немощных по отношению к крупным государствам Запада. Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы.

Карл V мечтал о том, чтобы, женив своего сына Филиппа на английской королеве Марии, подчинить Англию политике Испании и Империи. Испанскому послу в Лондоне Ренару были даны соответствующие указания.

Предложение Карла было благосклонно принято Марией. Испания в это время была самым опасным соперником английских купцов и дворян, которые торговали шерстью и сукном и уже рыскали по всем морям. Но противодействовать желаниям королевы они не могли. Не помогла и просьба палаты общин, которая почтительнейше умоляла королеву не забывать выгод своего народа и не искать себе супруга за пределами отечества. Мария твердо решила отдать свою руку и сердце Филиппу. Однако брачный договор, составленный министрами королевы, был, по существу, настоящим поражением для Карла. Филипп обязывался уважать законы Англии, не должен был вовлекать Англию в войну Испании с Францией и в случае смерти королевы Марии лишался права на управление государством. Одним словом, несмотря на гордый титул короля Англии, Филипп так и остался только «мужем королевы». Когда в 1558 г. Мария умерла, англичане попросту забыли о своем «короле». Таким образом, рухнули все планы Карла V. Он сам принужден был отказаться от престола и уйти в монастырь.

После отречения Карла от престола его империя распалась. Священная Римская империя досталась его брату Фердинанду; Испания, Нидерланды, итальянские владения и испанские колонии перешли к его сыну Филиппу II.

Карлу V были свойственны великие, хотя и неосуществимые дерзания; Филипп II понимал, что мечтать о всемирной монархии у него нет никаких оснований. Но и его политика была не менее фантастичной, чем политика его отца. Глубоко убежденный в непоколебимости своей власти и ее основ - абсолютизма и католицизма, — Филипп II стремился установить дорогие для него испанские порядки во всех частях своего великого государства; он противодействовал протестантизму всюду, где это казалось ему возможным, не останавливаясь ни перед какими средствами для достижения своей цели. Прямолинейная, фанатически изуверская политика Филиппа в Нидерландах способствовала началу первой в Европе успешной буржуазной революции. Интриги короля во Франции во время религиозных войн второй половины XVI века в пользу католиков привели к тому, что против Филиппа ополчились даже французские католики-патриоты. Его происки в Англии, где он сеял смуту вокруг несчастной Марии Стюарт, в надежде вызвать замешательство в стране и ослабить своего главного соперника на море, обрекли Марию Стюарт на плаху. Его попытки прямого нападения на Англию с моря привели к гибели «Непобедимой Армады», самой большой эскадры XVI века (1588 г.). Везде и всюду планы Филиппа рушились, ибо были выражением политики феодальных притязаний, направленных против буржуазного развития Европы.

Открытие в первой половине XIX века испанских архивов позволило заглянуть в глубину поистине чудовищной дипломатии испанского абсолютизма времени упадка. У Филиппа II, кроме официальных дипломатических представителей во Франции, Англии и Нидерландах, была туча платных и добровольных шпионов. Они не только доносили королю обо всем, что делалось при враждебных и дружественных дворах, но и следили за самими испанскими, дипломатическими представителями. В Нидерландах они вели наблюдение и за наместниками короля. Эта двойная дипломатическая бухгалтерия часто запутывала самого короля, который, не выезжая из Мадрида, хотел все знать и всем управлять при помощи бесконечной канцелярской переписки. Итоги его царствования были плачевны для Испании. «Я предпочитаю вовсе не иметь подданных, чем иметь в их лице еретиков», - сказал однажды Филипп. Но еретики остались жить, а феодально-дворянская Испания бесславно скатилась на уровень второстепенной европейской державы. Опасность попасть под сапог испанского солдата, нависшая над всей Европой, в значительной мере определила политику и двух самых сплоченных и крепких государств XVI века - Франции и Англии.

Франция в XVI веке.

Если Испания уже со второй половины XVI века начала переживать экономический упадок, за которым через полвека последовал упадок политический, то французская абсолютная монархия, сложившаяся при Людовике XI, шла в течение всего XVI и почти всего XVII века по линии подъема. Централизованное государство, хотя и феодальное, было настоящим благодеемием для французской буржуазии, которая не забыла еще ужасов и разорения времен Столетней войны (1338-1453 гг.). Горожане всегда поддерживали во Франции сильную королевскую власть. Когда во второй половине XVI века она снова была зашаталась под ударами феодально-протестантской оппозиции (гугенотские войны), горожане остались верными и королю и королевской, т.е. католической вере: то и другое означало для них единую Францию.

Уже первые четыре преемника Людовика XI - Карл VIII (1383-1408 гг.), Людовик XII (1498-1515 гг.), Франциск I (1515-1547 гг.) и Генрих II (1547-1559 гг.) - были абсолютными монархами и действовали в духе той реалистической политики, которую рекомендовал государям Макиавелли. В это время складываются основные линии внешней политики Франции. Окруженная с начала XVI века со всех сторон владениями Габсбургов, укрепившихся в лице Карла V в Испании, Италии, Германии и Нидерландах, французская абсолютная монархия стремится вырваться из этих тисков и заполучить для своего дворянства лакомую добычу в виде Италии. Таково происхождение итальянских войн.

Теснимая Габсбургами католическая Франция, с одной стороны, сближается с их исконными врагами - турками, с другой - с немецкими протестантскими князьями.

Это было во время первой из четырех войн Франциска I с Карлом V (1521-1526 гг.). Разбитый под Павией (1525 г.) и взятый в плен, Франциск I отправил в Константинополь специального посла. Первое посольство оказалось неудачным. Посол был схвачен и убит в Боснии вместе со своими двенадцатью спутниками; его бумаги и кольцо короля, знак доверительности посланца, были отправлены в Константинополь. Великий визирь Ибрагим показывал впоследствии это кольцо, красовавшееся у него на пальце, хвалясь тем, что оно некогда было на правой руке французского короля. Лишь второму послу Иоанну Франджипани удалось дойти до Константинополя и вручить

султану письмо французского короля. Оно не сохранилось. Известен лишь ответ Сулеймана: «Ты, француз и король Франции, прислал верного слугу Франджиани ко мне в Порту, которая служит убежищем для монархов. Ты уведомил меня, что неприятель завладел твоим государством, что ты находишься в настоящее время в темнице, и ты просил моего содействия и помощи для возвращения тебе свободы. После того как все это было изложено у подножия моего трона, который служит защитой для всего мира, моя императорская ученость вникла во все подробности этого дела. Нельзя сказать, чтобы поражения императоров и взятие их в плен были неслыханными событиями; поэтому не теряй мужества и не падай духом. Наши славные предки (да освятит господь бог их могилу) никогда не переставали вести войны, чтобы отразить неприятеля и приобрести новые владения. И мы шли по их следам... И днем и ночью наш конь оседлан, и мы опоясаны мечом».

До султана дошло и первое письмо, взятое у убитого посла. Оно, как говорил визирь Ибрагим, побудило султана предпринять нашествие в Венгрию. Султан, будто бы из сострадания к Франциску, решил начать войну с Карлом, «обнаружившим дурные намерения». Дело было, конечно, не в сострадании: турецкая феодальная держава сама нуждалась в постоянных войнах для содержания своего господствующего класса. После захвата турками Балканского полуострова Сулейман Великолепный намерен был двинуться дальше в Европу. Письмо Франциска I пришлось весьма кстати. Уже в следующем году войска султана разгромили соединенные чешско-венгерские войска при Могаче в южной Венгрии, а в 1529 г. подступили и к стенам самой Вены. Таким образом, союз Франции с Турцией с необходимостью вытекал из международной обстановки: у Франции и Турции был один и тот же враг - Габсбурги. Союз поэтому и оказался прочным. В 1535 г. был заключен первый договор, который послужил образцом для последующих договоров, заключенных Турцией с европейскими державами. В секретной части договора имелось обещание поддерживать Турцию в ее борьбе с Австрией и Венецией. Франции этот договор предоставлял торговые льготы, которые позволили ей монополизировать всю торговлю Турции с европейскими странами. Значение этого договора, или первой «капитуляции», определялось односторонними льготами, предоставленными султаном французским купцам и французскому правительству. Из этих льгот впоследствии выросли притязания европейских государств сначала на протекторат над своими подданными, проживающими в Турции, а затем и над всеми христианами вообще. Сущность капитуляций Маркс определяет так: «Капитуляции, это - императорские дипломы, грамоты и привилегии, выданные Портою различным европейским нациям, которыми подданным этих наций давалось право беспрепятственно въезжать в магометанские земли, спокойно заниматься там своими делами и отправлять богослужение. От договоров они отличаются тем важным признаком, что не основываются на взаимности, не обсуждаются совместно заинтересованными сторонами и не утверждаются ими на основе взаимных выгод и уступок. Наоборот, они являются односторонне дарованными льготами, которые, следовательно, соответствующее правительство может по своему усмотрению взять назад. И, в действительности, Порта в разное время уничтожала привилегии, данные ею какой-либо нации, тем, что распространяла их и на другие или совершенно отменяла, воспрещая дальнейшее пользование ими. Этот непрочный характер капитуляций превращал их в неиссякаемый источник споров, жалоб со стороны послов и вызывал бесконечный обмен противоречивыми нотами и фирманами, возобновлявшимися в начале каждого нового царствования».

Той же борьбой Франции с Габсбургами определялись и отношения Франции к Германии или, лучше сказать, к германским князьям. Франция была заинтересована в слабости императора - Габсбурга; она, как говорил король Генрих II (1547—1559 гг.), всегда стояла на стороне «исконной немецкой свободы», т. е. поддерживала протестантских князей против католика императора. Тем самым Франция содействовала политическому ослаблению Империи, чтобы время от времени урывать куски немецкой территории. Основные линии французской политики, которые сделались своего рода аксиомами ее дипломатии, сохранялись и в XVII веке, проявляясь в деятельности ее выдающихся политиков и дипломатов, как Генрих IV и его министр Сюлли, кардиналы Ришелье и Мазарини.

Английская дипломатия в XVI веке.

История английской дипломатии в XVI веке значительно отличается от французской. Во Франции абсолютная монархия была сильна, как нигде. Наоборот, в Англии, даже в пору наибольшей мощи королевской власти, парламент, где господствовали лорды и торговая буржуазия, не переставал существовать, производя давление на королевскую власть и ограничивая ее. Дворянство и буржуазия, которые захватили уже в XVI веке командные высоты в экономике страны, в XVII веке осуществили буржуазную революцию; ею были установлены порядки, которые давали простор дальнейшему развитию капитализма. В Англии поэтому сам господствующий класс, ясно сознающий свои цели и средства их достижения, вел политику и создавал общественное мнение, с которым правительство вынуждено было считаться.

В XVI веке, особенно во второй его половине, Англия вела ожесточенную борьбу с Испанией. Эту политику делали не столько короли Англии и английское правительство, сколько английские корсары, адмиралы, купцы и дипломаты. Правительство английской королевы Елизаветы (1558—1603 гг.) часто лишь санкционировало то, что делал в частном порядке тот или иной из ее подданных. Знаменитые корсары, ставшие затем адмиралами флота ее величества, Дрэйк, Гаукинс и Рэли грабили испанские флотилии, которые возвращались из Америки с грузом драгоценного металла, врывались в испанские гавани и топили испанские корабли на глазах у жителей. В то же время английские дипломаты вели весьма последовательную политику при дворах европейских государей. Эта последовательность свидетельствовала о ясном сознании целей, свойственном сильному, идущему в гору господствующему классу. Яркий пример энергии и последовательности английской дипломатии XVI века представляет деятельность одного из самых способных английских дипломатов, посла во Франции Уолсингема. Этому дипломату пришлось сыграть решающую роль в трагической судьбе шотландской королевы Марии Стюарт. Эта королева была дочерью лотарингской герцогини Гиз и внучкой Маргариты, дочери английского короля Генриха VII, вышедшей замуж за шотландского короля Якова V Стюарта. Гизы были яркими католиками. Впоследствии они стояли во главе католической партии, которая учинила во Франции резню протестантов в Варфоломеевскую ночь

(1572 г.). Когда в Шотландии началась реформация, Мария как непримиримая католичка была изгнана своими подданными из Шотландии. Она бежала в Англию, отдавшись под покровительство королевы Елизаветы. Здесь Мария вскоре сделалась центром заговоров и испанских интриг, направленных против Елизаветы и английского протестантизма. Так как Елизавета, дочь Генриха VIII от одной из его многочисленных жен (Анны Болейн), не признавалась католиками законной королевой, Мария Стюарт сама выступила с притязаниями на английский престол. Но англичане того времени и слышать об этом не хотели. Для них Мария Стюарт была знаменем католической реакции, представительницей самого страшного врага Англии - Филиппа II Испанского, который тайно руководил заговорами против Елизаветы и всюду, на континенте и в самой Англии, поддерживал католицизм. Напуганные этими католическими интригами, англичане и английский парламент не раз выносили постановления, воспользовавшись которыми Елизавета могла бы уничтожить свою соперницу. Но королева ограничивалась тем, что держала Марию долгие годы в заключении. На предание ее суду Елизавета решилась только после того, как в 1587 г. было доказано, что Мария - неумолимая заговорщица, убежденная, что выйдет из своего заключения не иначе, как английской королевой. Задачу доказать причастность Марии Стюарт к последнему заговору, имевшему целью умертвить Елизавету, взял на себя английский посол во Франции Уолсингем. Все это он делал по собственному почину и во имя «спасения Англии от католицизма и испанцев». Почему именно он взялся за это дело, объясняется просто. Нити заговоров, которые сплетались вокруг Марии Стюарт, вели во Франции к родственникам Марии - Гизам; а Гизы в это время находились на жалованьи у врага Англии - Филиппа II Испанского. Войдя в соглашение с начальником охраны замка Чарти, в котором в это время содержалась Мария Стюарт, Уолсингем подослал к ней своего человека) некоего Джиффорда, доставлявшего в замок вино и пиво. Прикинувшись горячим католиком и другом Марии, тот взялся передавать ее корреспонденцию доверенным людям. Корреспонденция была зашифрована и передавалась в бочках, в которых Джиффорд доставлял в замок эль. Само собой разумеется, что, прежде чем попасть по назначению, письма вскрывались секретарем Уолсингема Филиппом: он узнал секрет их шифра и содержание писем сообщал Уолсингему. Скоро в руках посла оказался материал, вполне достаточный для обвинительного акта против Марии. Уолсингем дошел до того, что, владея шифром, делал приписки к письмам Марии Стюарт. Так, в одном из писем он от имени Марии спрашивал у заговорщиков имена тех, кто должен был в Англии напасть на замок Чарти, освободить Марию и совершить покушение на королеву Елизавету. Эти лица были, повиди-мому, известны Уолсингему и раньше, но ему хотелось иметь документальное подтверждение. Данные Уолсингема были основанием для ареста Марии и для ее осуждения. Обе палаты парламента умоляли Елизавету, чтобы «за справедливым приговором последовало справедливое наказание». Когда Мария была обезглавлена, известие об этом было встречено всеобщим ликованием в Лондоне, который был по этому случаю иллюминирован. Уолсингем знал англичан, когда вел свою интригу.

Дайте характеристику испанского могущества (XVI в.) времен Карла V и Филиппа II.

Какой была внешняя политика Франции в XVI в.?

Мария Стюарт и Елизавета I: жестокая борьба за власть. Чем она закончилась?

Тема 15. ДИПЛОМАТИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ Международные отношения Киевской Руси

IX-X веков.

В IX веке в Приднепровье и примыкающих к нему областях сложилось могущественное славянское государство Русь, которое мы называем Киевским государством, или, употребляя терминологию Маркса, «державой Рюриковичей». Маркс считал характерным для державы Рюриковичей наличие «вассальной зависимости без ленов и ленов, состоявших исклю-

137

чительно из дани». Отсюда постоянное стремление киевских князей все шире и шире распространять свои владения во всех направлениях. Отсюда же, по выражению Маркса, «быстрый процесс роста» державы Рюриковичей, отсюда, наконец, и «примитивная организация завоеваний». Славянские и другие племена Восточной Европы облагались данью. В более далекие страны - па Волгу, на побережье Каспия, в Черноморье, в пределы Византии - производились сокрушительные походы, которые сопровождались захватом добычи и пленников. В результате таких войн и завоеваний уже к концу IX века держава Рюриковичей достигла такой силы и могущества, что соседние народы не могли не считаться с ней. Перед нами разворачивают старинные карты Руси, - говорит «Маркс, - которые обнаруживают, что эта страна некогда обладала в Европе даже большими размерами нежели те, какими она может похвалиться ныне. Ее непрерывное возрастание с IX по XI столетия отмечается с тревогой».

В указанных условиях Киевское государство очень рано должно было войти в сложные международные отношения. Самое географическое его положение на великих речных путях, соединявших Балтийское море Днепром с Черным морем и Волгой с Каспийским морем, определило связи Киевской Руси: на юге с Византией, на востоке с Хазарским каганатом, на севере со Скандинавией. С последней киевских князей связывали давнишние династические отношения. Оттуда черпали они наемные военные силы, оттуда шел «непрерывный приток варяжских искателей приключений, жадных до славы и грабежа». Через Хазарию шла торговая дорога в страны Средней Азии, куда руссы сплавливали пушнину и рабов. Одно время хазарские каганы пытались даже оспаривать у киевских князей сбор дани с населения Приднепровья. Но самое сильное и глубокое влияние на историю восточного славянства оказало соседство с Византией.

Международные отношения Киевской Руси в XI-XIII веках.

Со второй половины XI века Киевское государство, «подобно другим государствам аналогичного происхождения, распадается на уделы, разделяется и подразделяется между потоками завоевателей, разбивается на части феодальными войсками, разбивается вторжением иноземных народов».

С распадом Киевского государства на ряд обособленных княжеств, который начался после смерти Ярослава и завершился в XII веке, не прекратились сношения Киевской Руси с Византией и Западной Европой. «Слава великая русских князей, если верить летописи, доходила ко странам дальним: к грекам и к венграм и к ляхам [полякам! и к чехам и даже до Рима]».

С Византией постоянная связь поддерживалась благодаря подчинению русской церкви константинопольскому патриарху. Но связи были не только церковные. У Руси и Византии был общий враг - половцы, одинаково угрожавший благосостоянию обеих стран. Если в X веке Империя натравливала печенегов против Руси, то теперь она нуждалась в союзе с русскими князьями, чтобы ослабить опасность со стороны половцев. Между византийскими императорами и русскими князьями заключались наступательно-оборонительные союзы. В 1073-1074 гг., по просьбе императора Михаила VII Дуки, русские князья во главе с Владимиром Мономахом ходили на усмирение восставшего против Византии Херсонеса. В 1160 г. император Мануил Комнин просил у киевского князя Ростислава Мстислави-ча помощи против венгров, «в силу заключенного между русскими и греками мира». В союзе с Мануилом Комнином были и галицкие князья Владимир Володаревич и его сын Ярослав Осмомысл. Проводником византийской политики на Руси был митрополит киевский, назначаемый патриархом из греческого духовенства и фактически являвшийся агентом константинопольского правительства в Киеве.

О тесных связях с Византией в эту эпоху свидетельствуют и брачные союзы между русскими княжескими домами и византийским императорским домом. Владимир Мономах был по матери внуком императора Константина Мономаха, от которого и принял свое греческое прозвище «единоборца». Дочь самого Владимира была замужем за Леоном, сыном императора Диогена, одна из его внучек - за царевичем из дома Комнинов.

Сохранялись стародавние связи и со странами Северо-Западной Европы. Владимир Мономах был женат на Гиде, дочери англо-саксонского короля Гаральда.

Особенно прочные и оживленные отношения существовали между Южной Русью и непосредственно к ней примыкавшими Польшей и Венгрией.

На общих «снемах» с венгерским королем и польскими князьями обсуждались вопросы международной политики. В 1254 г. Даниил Романович имел снем с Болеславом польским по вопросу о помощи Венгрии. В 1262 г. на снеме с тем же Болеславом русские князья «положили ряд (уговор) между собой о земле Русской и Ляшской» и утвердили его крестным целованием. На одном из таких снемов Даниил Романович договорился с польскими князьями, чтобы во время войн «Руси не воевать челяди ляшской, ни ляхам русской челяди». Этим договаривавшиеся стороны отказались от обычной угонять в плен сельское население с неприятельской территории. Снемы сопровождалась увеселениями - пирами и турнирами. Так, венгры, прибывшие на помощь к Изяславу Мстиславичу киевскому в 1150 г., устроили наездничьи потехи: «играли на фарях (конях) и на скакунах», и киевляне «дивились венграм, множеству их слуг и коням их».

Немалое политическое значение имели в эту эпоху и брачные союзы русских князей с правящими домами соседних государств. Напрасно греческое духовенство внушало русским князьям, что «недостойно зело благоверным князьям отдавать дочерей своих в страны, где служат на опресноках». Соображения политические брали верх над религиозными предписаниями. По наблюдению одного из исследователей русско-польских отношений, Линниченко, польский двор зорко следит за политическим положением в Руси и ищет браков с той княжеской линией, которая в данную минуту могущественнее. За время с 1043 г. до конца XIII века исследователь насчитывает 15 брачных союзов между русскими и польскими правящими домами. 1 Политическое значение брачных союзов между Венгрией и Русью видно хотя бы из обручения Даниила Романовича Галицкого в детстве с малолетней дочерью венгерского короля Андрея. Вступали русские князья в брачные союзы и с чешскими князьями.

Две самые могущественные политические силы средневековой Европы - Германская империя и папство - не остались вне дипломатического кругозора Киевской Руси. В 1073 г. сын Ярослава Мудрого Изяслав в борьбе с братьями искал содействия у германского императора. Его соперник и брат Святослав избежал вмешательства Германии только путем непосредственных переговоров с императором. Успех, достигнутый им, объясняется тем, что сам он был женат на сестре одного из крупнейших германских феодалов, Бурхарда, епископа Трирского, который и служил посредником в переговорах. Искал сближения с Германией и третий сын Ярослава Всеволод. Его дочь Евпраксия была замужем за маркграфом Бранденбургским и, овдовев, обвенчалась с императором Генрихом IV.

В поисках союзников для своего восстановления на киевском престоле Изяслав Ярославич послал своего сына в Рим к папе и даже признал себя данником римского престола, принес должную присягу «в верности князю апостолов» и «принял царство опять, как дар Св. Петра» из рук папы Григория VII. Демарши панского престола в Польше в пользу Изяслава привели к возвращению его в Киев при содействии Болеслава Смелого.

В другом случае инициатива сближения шла от самого папского престола. В 1245 г. под влиянием паники, охватившей всю Европу перед лицом монголо-татарской опасности, папа Иннокентий IV держал собор в Лионе о положении «святой земли» (Палестины) и об отражении монголо-татар. На соборе было решено обратиться за помощью к «русскому королю», т. е. Даниилу Романовичу Галицкому. Завязавшие сношения завершились около 1253-1254 гг. торжественным примирением католической церкви с русской, но церковная уния преследовала чисто политические цели - создание союза для борьбы с монголо-татарами. Очевидно, ту же задачу имело и панское посольство к новгородскому князю Александру Ярославичу (Невскому). Союз между папским престолом и Юго-Западной Русью был закреплен коронованием Даниила Романовича королевской короной из рук папских легатов. Международное значение этого акта само собой очевидно. Принять предложение папы убедили Даниила польские князья и вельможи, заявив ему: «возьми венец, и мы тебе на помощь против татар».

Договоры русских городов с немецкими городами.

С возникновением торговых немецких городов в Прибалтике между ними и русскими городами завязались

оживленные торговые сношения, заключались договоры, носившие торговый характер. Эти договоры имели задачей урегулировать условия торговых сношений русских городов с немецким купечеством.

Договоры Новгорода 1195, 1257 и 1270 гг. и Смоленска 1229 г. с немецкими городами Прибалтики еще сохраняют черты, характерные для X века. Купец, находясь в чужой стране, должен был дипломатическим путем устанавливать свои взаимоотношения с местным населением как в области гражданской, так и уголовной и политической. Поэтому и здесь уделяется много места порядку разрешения возможных столкновений и исков. И тут в основу полагается русское право, к этому времени уже кодифицированное в «Русской Правде». По Смоленскому договору 1229 г. дела должны были решаться согласно «Смоленской Правде», которая являлась осколком с общерусской «Правды». Впрочем, ввиду трудности полного подчинения иностранцев действию русского права, новгородские договоры допускали применение жребия - своеобразного «суда божия», — порядок, который сохранялся в Северо-Восточной Руси в отношении иностранцев еще в XVI и XVII веках. Особо оговаривалось обоюдное обязательство: купцов «в дыбу не сажать и в погреб» (тюрьму); оно гарантировало личную безопасность торговцев в чужом государстве. В условиях постоянных феодальных войн очень важно было соглашение о признании купцов, ездивших с товарами, нейтральными лицами, которым предоставляется «путь чист» через воюющие между собой земли. В случае рати воспрещалось поэтому привлекать иностранцев к военной службе (договор 1229 г.). Наконец, договором 1195 г. Новгород снимал с себя ответственность за действия в чужой стране русских не новгородского происхождения. Этот пункт договора, вызванный раздробленным состоянием Русской земли, объясняется обычаем репрессий по отношению к первым попавшимся представителям чужого народа за преступление, учиненное кем-нибудь из этого народа. Точно так же и немецкая сторона оговаривала неотвеченность «зимних гостей» (т. е. немецких купцов, приезжавших с зимним караваном) за действия «гостей летних» (участников летнего каравана).

Большое место в договорах с немцами занимали чисто торговые вопросы: пути, которыми должны проезжать иноземные купцы, порядок уплаты долгов, единство мер и весов, размеры торговых пошлин и т. д. Смоленский договор устанавливает свободу плавания по Западной Двине.

Междукняжеская дипломатия на Руси XII-XIII веков.

При политической раздробленности Русской земли дипломатические сношения не могли ограничиться только теми или иными отношениями с соседними государствами. Особое значение приобретали дипломатические отношения между отдельными княжествами, на которые распалось Киевское государство. Урегулирование мелких споров и взаимных претензий между мелкими государями-вотчинниками составляет главное содержание этой дипломатии. Лишь временами князья объединяются перед лицом общей опасности. Уже вскоре после смерти Ярослава установилась практика разрешения междукняжеских споров на таких же снечах (съездах), на каких разрешались международные конфликты. На снечи съезжались заинтересованные князья и в общем шатре, «сидя с братьями своими на одном ковре», совместно с наиболее доверенными дружинниками, обсуждали вес очередные вопросы.

Отим путем разрешались поземельные споры. Так, на съезде в Любече в 1097 г. внуки Ярослава постановили, как правило, распределять княжества по признаку наследственного владения. На съездах решались общие военные предприятия. В 1103 г. на Долобском съезде Владимир Мономах и его двоюродный брат Святополк Изяславич, после длительных споров, в которых принимали активное участие их дружинники, сговорились об общем походе на Половецкую землю. На съездах же принимались и общеобязательные для всех союзников правовые нормы: так, на общем съезде сыновья Ярослава утвердили дополнения к «Правде» их отца.

Таким образом, на съездах устанавливались принципы общей политики, обязательной для всех князей. На Любечском съезде, который попытался разрешить споры из-за волостей, было провозглашено прекращение феодальных усобиц: «Почто губим Русскую землю, сами на себя котору делая?» — заявляли князья. «А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами рати. Отныне имемся но едино сердце!» Тогда же, по видимому, было принято решение, что князь, нарушивший это постановление, лишается волости (княженья), а боярин - головы.

Решения съездов, подобно международным постановлениям, скреплялись крестным целованием. Участники соглашения брали на себя обязанность силой проводить его в жизнь: «если отселе кто на кого будет, и на того будем все и крест честный!» Действительно, когда после Любечского съезда один из его участников, князь волынский Давид Игоревич, вероломно захватил и ослепил галицкого князя Василька, то прочие князья, участвовавшие на съезде, во главе с Владимиром Мономахом, выступили против него и его соумышленника князя киевского Святополка Изяславича. Со Святополком они вскоре помирились, потребовав, чтобы он принял участие в карательной экспедиции против Давида, а самого Давида заставили явиться на новый снем. Здесь было решено отнять у него Владимир-Волынский, «затем, что ты вверг нож в нас, чего не бывало в Русской земле!».

Наряду со снечами в силе были и соглашения между отдельными князьями. Характерно, что и в таких случаях к дипломатическим переговорам привлекались третьи лица - союзные князья и их дружинники. Иногда посредниками выступали женщины из княжеской семьи. Так, в 1097 г. мачеха Владимира Мономаха, вдова его отца Всеволода, по просьбе киевлян, примирила своего пасынка с киевским князем Святополком. Владимир «преклялся на мольбу княгини, потому что чтит ее, как мать, отца ради своего».

Очень крупную роль играли при переговорах церковные феодалы - епископы и настоятели монастырей. В переговорах между Владимиром Мономахом и киевлянами, кроме его мачехи, принимал участие и митрополит, и это тоже оказало влияние на его решение, потому что он «и митрополита также чтит, сан святительский, и не преслушал мольбы ею». Епископы постоянно выступали в качестве послов. Среди них были выдающиеся дипломаты. Такие черты наблюдаются, например, у черниговского епископа Порфирия, который в 1187 г. был посредником между рязанскими князьями и владимирским великим князем Всеволодом Нолыное Гнездо, «милость прося у него, дабы умирить его с рязанцами». При содействии обманутого им владимирского

епископа Луки это ему удалось, и он сам, по просьбе Всеволода, поехал с его дружинниками в Рязань «с миром». Но в Рязани он повел свою линию, «утаився от Всеволодовых дружинников», так как его симпатии лежали всецело на стороне Рязани, которая входила в состав его епархии. Он действовал, по словам Владимиро-суздальского летописца, «не по-святительски, но как перевстник и лжец» и «инако изворотил речь», т. е. проявил те свойства, которые в последующие века долгое время считались основными качествами настоящего дипломата. Договоры между князьями нередко заключались непосредственно в присутствии епископов или в стенах почитаемых монастырей. Все это открывало широкую возможность духовенству вмешиваться в международную политику. Характерен случай, имевший место в 1127 г., когда игумен одного из киевских монастырей, Григорий, при поддержке созванного им церковного собора, понудил киевского князя Мстислава Владимировича нарушить договор с черниговским князем, заявив: «на мне пусть будет грех, если преступишь крестное целование». Мстислав «сотворил волю» духовенства и, по словам летописца, раскаивался в этом всю жизнь.

Посольская служба.

В тех случаях, когда князья не принимали личного участия в ходе переговоров, дипломатические сношения осуществлялись посредством послов. В 1229 г. в качестве послов со стороны Смоленска ходил в немецкие города «поп», священный сан которого должен был в какой-то мере оградить его личность в чужой стране, и «умный муж из города Смоленска».

При отсутствии налаженных сношений и элементарной безопасности в пути вопрос о неприкосновенности послов был одним из наиболее важных. В Смоленском договоре 1229 г. устанавливается двойная вира (плата) за убийство посла: «послу, что учинят... задвое за того взять, два платежа». Точно так же и Новгородский договор 1270 г. за убийство новгородского посла требует 20 марок серебра и столько же за немецкого посла вместо обычных 10 марок. Указанные оговорки не всегда были лишними. Как известно, когда в 1223 г. к русским князьям, выступившим в поход против монголо-татар, пришли татарские послы, то они были перебиты. Впрочем, в данном случае между русскими и монголо-татарами было состояние войны, что могло оправдать в глазах русских князей поступок, нарушавший основной закон международного права. Еще чаще послы подвергались насильственному задержанию. В 1142 г., например, послы новгородские были задержаны в Южной Руси, потому что не сговорились с киевским князем относительно того, кто будет князем в Новгороде. Так же поступали и владимирские великие князья. Андрей Боголюбский в 1167 г. «изымал», т. е. арестовал, послов новгородских и т. д.

При сношениях между русскими князьями послы пользовались содержанием и средствами передвижения (корм и провоз) за счет того князя, к которому были посланы, - обычай который, может быть, следует возводить к византийской традиции давать послам «слебное». Помимо исполнения своих прямых дипломатических обязанностей послы содействовали распространению различных сведений международного значения. При отсутствии каких-либо других способов внешнеполитической информации эта роль дипломатических представителей являлась довольно существенной. Поэтому Владимир Мономах и рекомендовал своим сыновьям оказывать честь и послу и купцу, «ибо они, ходя мимо, по всем землям прославляют человека либо добрым, либо злым».

Порядок заключения договоров.

Тексты междукняжеских договоров XI—XIII веков не сохранились, но содержание их может быть в известной мере восстановлено. Это, во-первых, договоры о союзе.

В договоре 1152 г. киевского князя Изяслава Мстиславича с Галицким князем Владимиром Володаревичем союзнические отношения определялись в следующих выражениях: Володарь обязывался «с Изяславом быть и от него не отлучаться, ни в добре, ни в лихе, но всегда с ним быть». В других случаях дело шло о вассальных отношениях, формула вассальной зависимости так выражена в обращении того же Владимира Галицкого к Изяславу: «Кланяюсь тебе! Прими меня, как сына своего Мстислава, так и меня. Пусть ездит Мстислав подле твоего стремени с одной стороны, а с другой стороны подле твоего стремени еду я со всеми своими полками». Из отдельных пунктов договоров следует отметить обязательство выдачи смердов (крестьян) и холопов, захваченных во время войны. При методах тогдашних феодальных войн, сопровождавшихся угоном населения и скота, в неприятельской стране иногда не оставалось «ни челядина, ни скотины». Другим таким пунктом был возврат награбленного имущества.

Договоры, как международные, так и междукняжеские, утверждались, как сказано, целованием креста и обычно заключались в форме «крестных грамот». Расторжение договора выражалось в том, что посол бросал крестные грамоты и уезжал. Естественно, что гарантия крестного целования была лишь условной, поскольку вся она держалась только на уважении к предмету культа и имела исключительно моральный характер. В 1152 г. Галицкий князь Владимир Володаревич не выполнил договора, скрепленного целованием «креста св. Стефана». Когда Изяслав послал к нему одну из своих приближенных с «крестными грамотами» напомнить о его клятве, то он отвечал пренебрежительно: «сей ли крестец мал!» - «Княжс, - сказал ему на это посол, - если крест мал, то сила его велика», и напомнил вольнодумцу, что он целовал не простой, а чудесный крест, и если отступит от клятвы, принесенной на этом кресте, то «не будет жив». На это Владимир хладнокровно ответил: «вы о том досыта молвили, а теперь полезь вон!».

Таким образом, одного крестного целования было недостаточно. Для большего впечатления клятву приносили на «раке», т. е. у гробницы того или иного почитаемого святого, например, у раки патронов княжеской династии «святых» Бориса и Глеба. Наконец, прибегали к требованию заложников, или «талей». Обычно выдачей заложников с обеих сторон обеспечивалось соблюдение договора половцами, которых русские всегда подозревали в коварстве. Заложниками же обеспечивался правильный ход предварительных переговоров с половцами. Так, в 1095 г. пришли половецкие ханы Итларь и Кытан для переговоров в Переяслаиль к

Владимиру Мономаху и стали вне города. Владимир дал «в тали» своего сына Святослава, а Итларь с лучшей дружиной вошел в город. Судя по договору 1195 г., к заложничеству прибегали и при переговорах с немцами. Но бывали случаи, когда и соглашения между русскими землями скреплялись выдачей заложников. Так, в 1139 г. новгородцы, просившие у Всеволода Ольговича в князя сына, «пустили к Всеволоду детей своих в тали».

О неприкосновенности заложников говорится в договоре 1195 г., где за убийство «таля» устанавливался двойной штраф. На практике с заложниками не всегда церемонились. Когда Итларь в качестве заложника находился в Переяславле, дружина Владимира Мономаха советовала князю воспользоваться случаем и перебить итлареву дружину. Владимир колебался. «Как могу это сотворить, после того, как им поклялся?» - говорил он. «Князь, нет в том греха, - возражала дружина. - Они всегда ведь преступают клятву, а губят землю Русскую и кровь христианскую проливают беспрестанно». Ночью был подослан отряд в стан Кытана, сперва выкрали Святослава Владимировича, а потом убили Кытана и избили его дружину. На следующее утро ничего не подозревавшего Итляря со свитой зазвали в избу к одному из княжеских дружинников, заперли и через разобранную крышу перестреляли всех из луков.

Русско-татарские отношения в XIII-XV веках.

Решающим моментом во внешней политике северо-восточных русских княжеств были в эту эпоху их отношения к Золотой Орде. Вассалы золотоордынских ханов, русские князья должны были не только платить им дань и нести другие повинности, но и подчинять всю свою внешнюю политику их воле, являясь по ханскому приказу со своими войсками к ним на помощь. Хан своим вмешательством регулировал важнейшие внешнеполитические вопросы. Так, хан Менгу-Темир (конец XIII века) обратился с указом («Менгу-Темирово слово») к великому князю владимирскому Ярославу Ярославичу о предоставлении свободного проезда немецким купцам через территорию его княжества: «дай путь немецкому гостю на свою волость».

Впрочем, вмешательство хана в международные отношения «Русского улуса» ограничивалось теми случаями, когда эти отношения непосредственно затрагивали интересы Золотой Орды. В остальном русским князьям предоставлялась возможность действовать совершенно самостоятельно, заключать договоры и вести войны, с кем они хотели. Зато, эксплуатируя всячески Русь, ханы были крайне заинтересованы в том, чтобы не ослабевала вассальная зависимость от них русских князей, и настойчиво требовали всех внешних выражений этой зависимости. Князья утверждались в своем звании ханскими «ярлыками» (грамотами) и сажались на престол лицами, уполномоченными ханом. По первому зову они должны были беспрекословно являться в Орду, и уклонение от немедленного прихода рассматривалось как государственная измена. В Орде не только княжеские послы, но и сами князья должны были исполнять самые унижительные обряды - кланяться в землю хану, стоять перед ним на коленях. «О, злее зла честь татарская!» - восклицает летописец по поводу приезда в Орду Даниила Романовича Галицкого.

Татарские послы, приезжавшие на Русь с ханской «пайцзе» (басма-русских летописей), т. е. золотой или серебряной дощечкой с ханской тамгой (условным знаком) или соответствующей надписью, принимались с раболепным почетом. «Не разбирая, имеет ли ханский посол высший или низший чин, - пишет один китайский писатель XIII века, - все наперерыв ему кланяются... сажают его на высшее место; правители сами чинят колени и оказывают всевозможное усердие». Этому порядку приема ханских послов подчинялись долгое время и русские князья. По словам Герберштейна, даже Иван III будто бы, «когда приближались татарские послы, выходил к ним навстречу за город и выслушивал их стоя, тогда как они сидели». Постоянные унижения, непрерывная опасность татарских набегов, наконец, отсутствие личной безопасности князей, жизнь и смерть которых зависела от призора хана, способствовали выработке особых дипломатических приемов в отношении Золотой Орды. Начиная с великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича и его знаменитого сына Александра Невского, князья в основу своей золотоордынской политики полагали старание всячески угождать хану, не давать повода для его гнева, задабривать его и его приближенных подарками и покорно исполнять все требуемые обряды. Даже Дмитрий Донской вынужден был согласиться оставить в Орде в качестве заложника собственного сына. Малокультурные татарские феодалы, уверенные в своей силе, в общем легко поддавались этой довольно элементарной дипломатии слабых и не всегда замечали, как под прикрытием подобострастия и покорности их русские вассалы в самой Орде плели политические козни и сводили собственные счета, вовлекая самих ханов в эту игру. Русские князья успешно пользовались той феодальной раздробленностью, которая господствовала в Орде. У каждого из них были свои благожелатели среди татарских беков - вассалов хана. Щедрыми подарками хану, его советникам и женам можно было достигнуть очень многого. Политика Золотой Орды, заключающаяся в том, чтобы не давать одному князю усиливаться за счет другого, открывала простор для широких интриг. Постепенно ханы сами стали попадать в сети искусных в деле дипломатии московских князей. Маркс прекрасно охарактеризовал суть золотоордынской политики Ивана Калиты, которая «заклучалась попросту в том, чтобы, играя роль послушного орудия в руках хана, этим путем заимствовать власть у него и затем обращать эту власть против соперников-князей и против своих собственных подданных». «Иван Калита превращает хана в орудие в своих руках, посредством которого он освобождается от наиболее опасных своих соперников и одолевает препятствия, стоящие на пути его захватов». Этой политике следовали «старательно, последовательно, неуклонно, неизменно» и все преемники Калиты вплоть до Ивана III.

Дипломатия Московского великого княжества при Иване III.

Во второй половине XVI века на международную арену выступает и Московское государство, сложившееся как национальное целое столетием раньше. Первоначально оно носило скромное название «Московского великого княжества» и представляло собой по форме феодальную монархию. Новое государство, объединившее под своей властью обширные пространства Восточной Европы, заняло видное международное положение. Уже в конце 80-х годов XV века великое княжество Московское представляло собой весьма внушительную политическую силу на европейском горизонте. И перед западноевропейской дипломатией встала задача - найти ему надлежащее место в той системе государственных взаимоотношений, которая сложилась к этому времени в

Европе.

В 1486 г. силезец Николай Поппель случайно попал через Литву в Москву. По возвращении он стал распространять молву о Московской Руси и о богатстве и могуществе правящего в ней государя. Для многих все это было новостью. О Руси в Западной Европе ходили до тех пор только случайные слухи, как о стране, подвластной польским королям. «Изумленная Европа, - говорит Маркс, - в начале княжества Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на восточных своих окраинах».

В 1489 г. Поппель вернулся в Москву уже как официальный агент германского императора. На тайной аудиенции он предложил Ивану III ходатайствовать перед императором о присвоении ему титула короля. С точки зрения западноевропейской политической мысли, это был единственный способ легализовать новое государство и ввести его в общую систему западноевропейских государств. Но в Москве держались иной точки зрения. Иван III с достоинством ответил Поппелю: «Мы божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы..., а поставлен, как наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим». В ответной грамоте императору Иван III и титуловал себя «божиею милостью великим государем всея Руси». Изредка в сношениях с второстепенными государствами он даже именовал себя царем. Сын его Василий III в 1518 г. впервые назвал себя официально царем в грамоте, отправленной к германскому императору, а внук, Иван IV, в 1547 г. уже торжественно венчался на царство и тем самым с блеском определил то место, которое его государство должно было занимать среди прочих государств культурного мира.

Новая политическая сила, о юридическом оформлении которой так заботились европейские дипломаты, привлекала внимание Западной Европы и в другом отношении. В 1453 г. Константинополь был взят турками, и вопрос о турецкой опасности встал во весь рост перед всеми странами Европы. Привлечь так или иначе московского государя к общеевропейскому союзу для борьбы с Турцией стало мечтой западной дипломатии. Внедрение Турции в Средиземное море в первую очередь угрожало Италии. Поэтому уже с 70-х годов XV века как Венецианская республика, так и римский престол с надеждой взирали на далекий северо-восток. Этим объясняется то сочувствие, с которым был встречен и в Риме и в Венеции проект брака могущественного русского государя с находившейся под покровительством папы наследницей византийского престола Зоей (Софией) Палеолог. Через посредство греческих и итальянских дельцов проект этот был осуществлен в 1472 г. Посылка в Москву одновременно с невестой и полномочного «легата» (посла) папы Сикста IV—Бонумбре, снабженного самыми широкими полномочиями, свидетельствовала о тех широких планах, какие связывались папской дипломатией с этим брачным союзом. Венецианский совет со своей стороны внушал Ивану III мысль о его правах на наследие византийских императоров, захваченное «общим врагом всех христиан», т. е. султаном, потому что «наследственные права» на Восточную империю, естественно, переходили к московскому князю в силу его брака. Еще в 1519 г. папский престол призывал Василия III «за свою отчину Константинопольскую стоять» и выступить «для общего христианского добра против христианского врага турка, кой держит наследие царя всея Руси».

Однако все эти дипломатические шаги не дали никакого результата. У Русского государства были свои неотложные международные задачи. Их Иван III и неуклонно проводил в жизнь, не давая себя прельстить никакими ухищрениями Рима или Венеции.

I Ia первой очереди стоял вопрос о воссоединении русских земель, захваченных Польско-Литовским государством. Объединив всю Северо-Восточную Русь, Москва объявила все русские земли, входившие некогда в систему Киевского государства, наследственной «вотчиной» московского великого князя. Великокняжеское правительство поэтому упорно отказывалось юридически признать захват русских земель Литвой. До разрешения этого спора оно соглашалось лишь на перемирия, уклоняясь от заключения «вечного мира». «Коли государь ваш похочет, - говорили в 1503 г. московские бояре литовским послам, - с нашим государем любви и братства, он бы государю нашему отчины их Русской земли всей поступился». Со своей стороны польско-литовское правительство протестовало против того, что московские великие князья титуловались государями «всея Руси».

Свою международную политику и Иван III и Василий III всецело подчиняли этой основной задаче, лежавшей перед их государством. Антитурецкая лига не представляла для них поэтому ничего заманчивого. В ответ на посол «константинопольской отчины» в Москве отвечали, что «князь великий хочет вотчины своей земли Русской».

Более того, Москва была заинтересована в мирных отношениях с Оттоманской Портой в целях развития своей черноморской торговли. Завязавшиеся в 90-х годах XV века сношения между Москвой и Турцией велись в неизменно благожелательных формах. С «Римской империей» Иван III стремился не только поддержать дружеские отношения, но и использовать соперничество императора Максимилиана с польскими Ягеллонами из-за Венгрии. Он предлагал союз и намечал план будущего раздела добычи: Венгрию - Максимилиану, Литву - себе. Однако Максимилиан думал достичь своих целей мирным путем. В зависимости от колебаний в германо-польских отношениях происходили изменения и в отношениях германо-русских, пока Максимилиан не нашел для себя более выгодным примириться с Польшей и даже предложил свое посредничество для примирения с ней и Москвы.

Борьба с Литвой была одним из оснований тесного союза Москвы с крымским ханом Менгли-Гиреем, укрепившимся «на Крымском юрте» в качестве вассала Турции. Иван III домогался этого союза ценой любых уступок. Он соглашался даже, если потребует хан, титуловать его «государем» и не щадил расходов на «поминки», т. е. ежегодные подарки для своего татарского союзника. Московской дипломатии удалось в конечном итоге добиться заключения желанного союза. Крымские татары стали производить периодические набеги на литовские владения, проникая далеко в глубь страны, до Киева и дальше. Этим они не только наносили материальный ущерб великому княжеству Литовскому, но и ослабляли его обороноспособность.

Союз с Менгли-Гиреем вводит и в другую проблему русской внешней политики конца XV - начала XVI века, - проблему окончательной ликвидации зависимости от Золотой Орды. При ее разрешении Иван III более чем когда-либо действовал не столько оружием, сколько дипломатическим путем; он, по выражению Маркса, «освободил Москву от татарского ига не одним сильным ударом, а 20-летним упорным трудом». «Он не выбивает неприятеля из крепости, по искусным маневрированием заставляет его уйти из нее».

Союз с Крымом и был решающим моментом в борьбе с Золотой Ордой. К союзу были привлечены ногайские и сибирские татары. Ахмат при отступлении от Угры в 1480 г. был убит ногайцами, а в 1502 г. Золотая Орда была окончательно разгромлена Менгли-Гиреем. Таким образом, Иван «погубил одного татарина посредством другого».

Действуя против Золотой Орды в союзе с Крымом, Иван III военным и дипломатическим путем добился вместе с тем вассального подчинения другого татарского ханства - Казанского, возникшего в среднем Поволжье в первой половине XV века.

При Иване III наметилась линия внешней политики Москвы и в сторону Балтийского моря. Без выхода в море внешняя торговля великого княжества была обречена на прозябание. С другой стороны, остро ощущаемая потребность в западноевропейской технике и специалистах не могла быть удовлетворена, пока враждебные Москве Литва и Ливонский орден преграждали русским доступ к балтийским гаваням. Итальянские художники и мастера, украсившие столицу великого князя московского созданиями искусства и техники, должны были годами перебираться в Москву через Молдавию и Крым. Разлом Ганзейского двора в Новгороде и установление дружеских отношений с Данией имели, несомненно, целью освободить новгородскую торговлю от тех преград, которые ставила ей всемогущая Ганза. С другой стороны, требование дани с Юрьевской епископии (Дерптской области), согласно договору с Ливонским орденом в 1503 г., являлось первым шагом к распространению политического влияния Москвы на Ливонию.

В результате тонкой и осторожной политики Ивана III Русское государство к началу XVI века, не претендуя на решающую роль в Европе, заняло в ней почетное международное положение.

«К концу его княженья мы видим Ивана III, - говорит Маркс, - сидящим на вполне независимом троне. Рядом с ним - дочь последнего византийского императора. У ног его - Казань. Обломки Золотой Орды толпятся у его двора... Литва уменьшилась в своих пределах, и ее государь является орудием в руках Ивана. Ливонские рыцари разбиты».

Дипломатия Ивана IV.

Еще более широкий размах принимает международная политика Москвы при внуке Ивана III, царе Иване IV. В первые годы правления Грозного упор его внешней политики направляется на восток. Создание в 1551 г. стратегической базы в Свияжске, казалось, подготовило почву для полного присоединения Казанского ханства. Переговоры об унии Казани с Москвой под главенством московского царя завершились полным успехом. Но в решительную минуту в Казани возобладали военные партии, и соглашение было нарушено. Присоединение Казани в 1552 г. совершено было уже военными, а не дипломатическими средствами. После падения Казани в 1555 г. сибирский хан признал себя вассалом Москвы. В 1556 г. без сопротивления сдалась Астрахань, а ее присоединение позволило завязать отношения с кабардинскими князьями Северного Кавказа и с тарковским «шевкалом». Позже, при сыне Ивана IV, Грузии, теснимая турками и персами, установила тесные отношения с Московским государством. В связи со «взятием» Казани и переходом под власть Москвы торговых путей по Волге и Каме открываются в 60-х годах XVI века дипломатические сношения со среднеазиатскими и прикаспийскими государствами, с юргенским (хивинским) князем, с «царями» «ташканским», «самар-канским» и «шамахейским».

Основным направлением внешней политики Ивана IV является, однако, не Восток. Все ее усилия устремлены на Запад. Сильное централизованное государство, каким становилось Московское царство в середине XVI века, не могло расти и развиваться без непосредственного общения с более культурными странами Запада. Экономические и военные интересы государства требовали усиления связей с Западом и привлечения оттуда специалистов. Блокада, в которой фактически держали Россию враждебные ей Польша, Литва и Ливонский орден, должна была быть прорвана любой ценой. Этим объясняется то удовлетворение, с которым было встречено в Москве установление прямых сношений с Англией через Белое море после 1553 г. Но условия плавания по Ледовитому океану не могли обеспечить непрерывность сношений беломорским путем. Москве нужен был выход к Балтийскому морю. Иван IV упорно шел в этом вопросе по стопам своего деда. Сначала, как и в вопросе о Казани, была сделана попытка разрешить балтийскую проблему дипломатическим путем. Срок перемирия, заключенного Иваном III с Ливонским орденом, заканчивался в 1553 г. Новые условия, выдвинутые правительством Ивана IV, должны были поставить Дерпт (Юрьев) и его область в полувассальное положение от Москвы.

Начавшаяся в 1558 г. война очень быстро развернулась в конфликт общеевропейского масштаба. Кампания первого года показала неспособность слабой феодально-раздробленной Ливонии оказать сопротивление Московскому государству. Она поставила на очередь во всей полноте балтийский вопрос в целом. Из-за прибалтийских районов разгоралась борьба между всеми заинтересованными государствами Европы. В войну вступили Литва, Польша, Швеция, Дания. «Московская опасность» встревожила восточногерманских князей, не знавших, где остановится победоносное шествие русских армий.

На очередных собраниях представителей государств, входивших в состав Римской империи, ливонский вопрос не сходил с очереди. Среди имперских князей была группа, которая требовала вмешательства в войну против Москвы. Наоборот, торговые интересы заставляли ганзейские города настаивать на сохранении мира с Москвой. Император Максимилиан II пошел на компромисс, ограничившись объявлением блокады. Даже в таких отдаленных от театра военных действий государствах, как Франция и Испания, создавались проекты захвата Балтийского побережья. Подстрекаемые польско-литовской дипломатией, крымские татары и султан спешили использовать создавшуюся политическую обстановку, чтобы попытаться отвоевать Казань и Астрахань. В 1569 г. литовские феодалы, «имея на спине врага», вынуждены были в целях укрепления обороны согласиться на унию с Польшей в форме федеративной «Речи Посполитой». В таких условиях московская дипломатия должна была развернуть очень широкую деятельность.

Иван Грозный искусно поддерживает дружеские отношения с Данией, ищет союза с Турцией, отказываясь ради этой цели от наступления на Кавказ, выдвигает свою кандидатуру на польский престол, ведет переговоры с императором, предлагая раздел Речи Посполитой с тем, чтобы «корона польская» отошла к сыну императора, а самому Ивану достались Литва и Ливония. По соглашению с Данией Иван IV образует в Ливонии вассальное государство, во главе которого ставит брата датского короля герцога Магнуса. Во всех этих дипломатических комбинациях Иван принимал личное участие, внося в дело всю бурную страстность, весь пыл своей богато одаренной натуры. Все же после 24-летней изнурительной борьбы ввиду полного истощения ресурсов ему пришлось отказаться от своих широких планов в Прибалтике. В 1582 г. в Запольском Яме при участии представителя папы был заключен мир с Речью Посполитой на условиях, «как до войны», с обоюдным отказом от достигнутых завоеваний.

Таким образом, несмотря на длительную борьбу, в которой проявились высокие качества и русских войск и русской дипломатии, в условиях крайне неблагоприятной для России международной обстановки, Иван IV оказался не в силах осуществить поставленные им на Западе задачи. Но и противная сторона, Речь Посполитая, была вынуждена отказаться от широких планов агрессии и от своих претензий на Псков, Новгород и Смоленск. Для достижения своих целей польско-литовские дипломаты выдвинули в 1600 г. свой проект унии между Московским государством и Речью Посполитой. Правительство Бориса Годунова отклонило этот проект. В дальнейшем дипломатия Речи Посполитой прибегла к другому методу осуществления своих планов - к самозванцам. Крупная роль, которую Русское государство играло в международных отношениях Европы в XVI веке, и связанная с ней широкая дипломатическая деятельность Москвы поставили на очередь вопрос о юридическом признании новой политической силы, сложившейся на Востоке. Сам Иван IV своим царским венчанием в 1547 г. и присвоением себе царского (т. е. по существу императорского) титула определил то место, на которое его государство претендовало среди христианских держав. Безоговорочно титул «императора» уже с 1554 г. предоставлялся Ивану протестантской Англией. Сложнее стоял вопрос о титуле в католических странах, в которых крепко держалась теория единой «священной империи». В 1576 г. император Максимилиан II, желая привлечь Грозного к союзу против Турции, предлагал ему в будущем престол и титул «всех одного [восточного] цесаря». Иван IV отнесся совершенно равнодушно к «цесарству греческому», но потребовал немедленного признания себя царем «всех Руси», и император уступил в этом важном принципиальном вопросе. Гораздо упорнее оказался папский престол, который отстаивал исключительное право пап предоставлять королевский и иные титулы государям, а с другой стороны, не допускал нарушения принципа «единой империи». В этой непримиримой позиции папский престол находил поддержку у польского короля, отличного понимавшего значение притязаний московского государя. Сигизмунд II Август представил папскому престолу записку, в которой предупреждал, что признание папством королевского титула за Иваном IV приведет к отторжению от Польши и Литвы земель, населенных родственными москвичам «фрутенами», и привлечет на его сторону молдаван и валахов. Со своей стороны Иван IV, придавая особенное значение признанию его царского титула именно Польско-Литовским государством, начал добиваться этого тотчас же после коронации. Однако Польша в течение всего XVI века так и не согласилась на его требование. Из преемников Ивана IV его мнимый сын Лжедмитрий заявил притязание на титул «императора», но король Сигизмунд, посадивший его на престол, официально именовал его просто князем, даже не «великим».

Каковы были международные отношения Киевской Руси в IX-X веках?

Характерные черты дипломатии Киевской Руси XI-XIII веков: договоры с немецкими городами, межкняжеская дипломатия, посольская служба.

Как составлялись соглашения времен Киевской Руси?

Назовите достижения дипломатии Московского Великого Княжества при Иване III.

Основные черты дипломатии Ивана IV Грозного. Почему усилилась роль России в международных отношениях?

Тема 16. ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ГЕГЕМОНИИ В ЕВРОПЕ В XVII ВЕКЕ

Если в XVI веке первую роль в международных отношениях Европы играла Испания, то в XVII веке можно говорить о настоящей гегемонии Франции, по крайней мере на континенте. Из полосы великих гражданских смут второй половины XVI века Франция вышла сильной и сложившейся абсолютной монархией. Многочисленное и трудолюбивое крестьянство Франции и богатая буржуазия давали казне в виде налогов огромные средства. Эти средства позволяли французскому королю и его дворянству вести энергичную внешнюю политику и поставили Францию на первое место в Европе.

Дипломатия Генриха IV.

Опыт долгих и разорительных войн XVI века, которые закончились гражданской войной во Франции, не прошел даром. Всякое стремление нового государства к расширению встречало сопротивление со стороны других таких же государств; всякое притязание на захваты, а тем более на мировое (в масштабах XVI века) господство вызывало враждебные коалиции. Политики и дипломаты XVII века, обобщая этот опыт, формулировали ряд положений, носивших характер международных принципов. Правда, эти принципы весьма часто нарушались. Тем не менее именно эти систематические нарушения, при крайней неустойчивости тогдашних международных отношений, вызывали потребность в некоей норме. Такой «нормативный» характер имели в частности идеи «естественных границ» и «политического равновесия».

Политики - современники Генриха IV и в первую очередь его главный помощник Сюлли - постоянно подчеркивали, что захватывать можно лишь то, что можно сохранить. Могущество государства имеет свои границы: перейдя их, оно вызывает против себя объединенные силы врагов и завистников. Сюлли в своих знаменитых мемуарах «Принципы государственного хозяйства» писал: «Каждый король Франции скорее должен думать о том,

чтобы приобрести друзей и союзников, крепко связанных с ним общностью интересов, - а это самая надежная связь, - чем навлекать на себя неутолимую ненависть и вражду проектами, превосходящими его собственные силы». «Ты стремишься, - говорит замечательный французский дипломат Этьен Паскье в своем диалоге между философом и государем, - дать хорошие границы твоему государству; надо, чтобы ты сначала установил должные границы своим надеждам и вожделениям».

Где же искать эти границы? Сюлли хорошо знает, что Карл Великий восстановил империю, и что при Капетингах Франция была заключена в «узкие государственные границы, в каких она и по сей час находится». Он констатирует, что у Франции на юге есть естественная граница - это Пиренеи. Он прекрасно понимает, что вернуть Франции ее былую славу - значит вернуть «соседние территории, некогда ей принадлежащие», т. е. Савойю, Франш-Конте, Лотарингию, Геннегау, Артуа, Нидерланды. «Но можно ли притязать на все это, не вызвав ненависти врагов и разорительных войн? Л у самих французских королей такое честолюбие, которое для Франции страшнее всей ненависти иностранцев? Франция сыта: она достаточно сильна, чтобы никого не бояться и быть страшной для всех. Однако и Сюлли мечтал о гегемонии Франции над цивилизованным миром, над всеми христианскими народами. Отсюда ведет свое происхождение один странный проект международного соглашения, который Сюлли приписывал своему королю, но сочинил, вероятно, сам. «Великий замысел» короля Генриха IV состоял, по словам Сюлли, в том, чтобы низвести Габсбургов до уровня государей одного Пиренейского полуострова, прогнать турок и татар в Азию, восстановить Византийскую империю и произвести затем перекройку всей политической карты Европы. Европа будет разделена на шесть наследственных монархий, пять избирательных монархий и пять республик. Во главе всех этих государств будет поставлен особый совет, который будет охранять общий мир и разбирать споры между государствами, между государями и их подданными. Президентом этой своеобразной республики христианских государств будет папа; первым министром его будет Франция. Тайная мысль Сюлли, скрывавшаяся за всем этим проектом «Лиги наций» XVII века, была ясна. Ослабить врагов Франции, усилить ее вассалов, окружить ее поясом центральных государств, которые юридически были бы под ее покровительством, а фактически под ее командой, - вот в чем заключался этот фантастический «великий замысел» первого слуги короля Генриха IV.

План Сюлли известен только из его мемуаров. Действительность была далека от подобного рода проектов. Это показал и сам король Генрих IV своей практической политикой и еще больше - его блестящий преемник, крупнейший из дворянских политиков абсолютистской Франции - кардинал Ришелье.

Не упуская из виду нормы естественных границ для своей страны, Генрих IV действовал во внешней политике согласно другому принципу, который получил в это время широкую практику. То был принцип «политического равновесия». Если новое государство было национальным, т. е. строилось на основе хозяйственного единства территории и связанного с ним единства языка и культуры, то в своих отношениях к другим государствам оно стремилось обеспечить это целое от их посягательств. Практически во внешней политике это приводило к стремлению сохранить исторически сложившееся соотношение сил между европейскими государствами, создать противовес всякой быстро увеличивающейся державе, - при захватах же, осуществленных сильнейшей державой, компенсировать слабейшие в целях восстановления все того же «равновесия». Конечно, все такие «принципы» были действительны лишь до тех пор, пока было невозможно или опасно нарушать их силой.

Генрих IV и руководствовался «принципами», пока было опасно иным способом округлять и расширять границы Франции. «Я соглашаюсь с тем, - говорил он, - что страна, население которой говорит по-испански, должна оставаться во владении Испании, а страна, где население говорит по-немецки, должна принадлежать Германии. По те земли, в которых население говорит по-французски, должны принадлежать мне».

Практически Генрих стремился к двум целям: ослабить могущество династии Габсбургов и поддержать выгодно для Франции складывавшееся равновесие между европейскими державами. В этих видах он продолжал сохранять дружественные отношения с Англией, которая помогла ему, как протестанту и врагу Испании, завладеть французским престолом. Однако в то же время Генрих тайно противодействовал планам английских моряков и торговцев и проискал английских дипломатов в Италии и на Востоке, где, как известно, Франция прочно укрепилась со времени Франциска I. Вследствие этого послы Генриха IV в Лондоне - Тюмери, Гарле де Бомон и Ла Бордери - стояли всегда перед трудной задачей сочетать дружбу с Англией с противодействием стремлению этой же державы занять первенствующее положение. Все в тех же целях ослабления Габсбургов Генрих IV способствовал заключению мира между Испанией и Голландией. Таким образом, французский король содействовал признанию Испанией независимости отпавших от нее 7 северных провинций Нидерландов. На Востоке, в Турции, Генрих восстанавливал пошатнувшееся за время религиозных войн французское влияние при помощи успешной дипломатической деятельности своих послов Савари де Брева и Жана де Гонто-Бирона. Льготы, полученные Франциском I в 1535 г., были полностью восстановлены в 1604 г.: все нации, желавшие торговать с Турцией, должны были посылать туда свои суда под французским флагом. Исключение составляли англичане, которые сумели добиться от султана в конце XVI века (1599 г.) права входить в его порты под собственным флагом. Дружба Генриха с султаном была средством для того, чтобы пугать императора (Габсбурга) нашествием турецких армий, а испанского короля (тоже Габсбурга) нападением турецкого флота. И то и другое было залогом безопасности Франции. Одновременно, однако, Генрих не мешал своим друзьям и благочестивым, но наивным поклонникам распространять слухи о своих наихристианнейших намерениях завоевать Восток, изгнать султана из Европы и объявить против него крестовый поход. В отношении германских князей Генрих также держался реальной политики, завещанной ему XVI веком. Его уполномоченный Бон гар уверял немецких протестантских князей, что переход Генриха из протестантизма в католицизм не должен их смущать: дружественное отношение короля к немецким князьям остается неизменным, как и его желание быть попрежнему защитником «исконной немецкой свободы».

Раз были сильны князья, был слаб император, вечный враг Франции Габсбург. Генриху IV удалось в конце концов создать коалицию против Габсбургов и приступить к организации борьбы с ними. Однако кинжал

Равальяка прервал его жизнь (1610 г.).

Дипломатия Ришелье.

После нескольких лет смут, связанных с малолетством Людовика XIII, власть в свои крепкие руки взял кардинал Ришелье, первый министр и фактический правитель Франции. Ришелье был типичным представителем интересов среднего и мелкого дворянства того времени, когда дворянская монархия шла еще по восходящей линии. В области внешней политики и дипломатии он был продолжателем «реалистической» политики Генриха IV. Поиски «естественных границ» Франции, отражавшие все возрастающую мощь французской монархии, и сохранение «политического равновесия» ради ослабления Габсбургов, - таковы были основы его дипломатии. Думал или не думал Генрих IV о Рейне, как восточной границе Франции, - сказать трудно. Некоторые из его современников приписывали королю подобные намерения. Но у Ришелье мысль о Рейне выражена была совершенно ясно. В 1633 г., следовательно, уже после разгрома отечественных протестантов гугенотов (взятие Ларошели в 1628 г.), кардинал писал королю Людовику XIII, что если король станет против австрийского дома на сторону протестантских князей Германии, то они отдадут ему всю территорию до Рейна. Путь к Рейну лежит через Лотарингию. Если она будет присоединена, можно незаметно распространить владения Франции до Рейна и даже принять участие в дележе Фландрии, в случае ее восстания против Испании.

Ришелье понимал, что надо действовать не только оружием, но и пропагандой. Время Ришелье во Франции ознаменовалось появлением первой газеты, которую Ришелье сразу же поставил на службу своим планам. Ришелье старался и юридически обосновать свои притязания. Вскоре появился памфлет под заглавием «Каково наиболее верное средство для того, чтобы присоединить к Франции герцогство Лотарингское и Бар». «Император не имеет никаких прав на территорию, лежащую по левую сторону Рейна, - заявлялось в памфлете, - так как эта река в течение 500 лет служила границей Франции. Права императора покоятся на узурпации». Одним из казенных перьев, которое служило, впрочем, кардиналу Ришелье не только за страх, но и за совесть, был публицист Шантеро-Лефевр. Он доказывал, что древние франки завоевали Галлию, т. е. огромное пространство, расположенное между океаном и Средиземным морем и ограниченное рекой Рейн, Пиренейскими горами и Альпами. Это пространство издавна известно под названием Галлии белгов, кельтов и аквитан. Шантеро-Лефевр включал, таким образом, в состав Франции Эльзас и Лотарингию, Савойю, Ниццу, - словом, все то, чем Франция завладела впоследствии, в пору своего могущества и поенных успехов. Шантеро-Лефевр уверял, что мир Европы будет обеспечен, если Франция получит все эти земли. В противном случае «Европа будет попрежнему под ударами того, кто, захватив территории и государства франко-галльской короны, пытается похитить остальные, стремится поработить христианских государей и создать пятую монархию с намерением поглотить весь Запад». Шантеро намекал, следовательно, на политику Габсбургов. О том, чем оказались эти теоретические размышления французских публицистов, говорят статьи Вестфальского договора 1648 г., окончательно расчленившие Германию. Сам Ришелье был не очень далек от проектов своих публицистов. В его «политическом завещании» содержится такая фраза: «Цель моего пребывания у власти заключалась в том, чтобы возвратить Галлии границы, предназначенные ей природой, вернуть галлам короля-галла, поставить на место Галлии Францию и повсюду, где была древняя Галлия, установить новую».

Тридцатилетняя война и Вестфальский мир.

В то время когда Ришелье был первым министром (1624-1642 гг.), угроза нового усиления Габсбургов снова нависла над Францией. К концу XVI века напор турок на владения Габсбургов ослабел: Габсбурги снова обратили свои взоры на Германию, рассчитывая восстановить там свое влияние и императорскую власть, ослабленную реформацией. Началась «католическая реакция», т. е. борьба с протестантизмом, который, как сказано, усилил немецких князей и стал знаменем их сопротивления императору. Фердинанду II грезилась единая Германия под его безусловной и неограниченной властью. Началась так называемая Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.), последняя попытка императора подчинить себе Германию. Если бы подобного рода планы осуществились, рядом с Францией выросла бы огромная держава. Ришелье напрягал все свои силы, чтобы не допустить этого. Ему пришлось продолжать традиционную политику Франции, поддерживая протестантских князей против католика императора. И в то же время Ришелье громил собственных французских протестантов у Ларошели (1628 г.). Он начал переговоры с датским королем, который, боясь усиления императора в Северной Германии и на побережье Северного и Балтийского морей, охотно принял субсидии от Англии и Голландии и начал войну с императором. После того как король был разбит, Ришелье, покончивший к этому времени с гугенотами, приложил все свое дипломатическое искусство, чтобы бросить против германского императора силы Швеции и ее смелого полководца- короля Густава-Адольфа.

Правой рукой во всех мероприятиях Ришелье был замечательный дипломат XVII века монах-капуцин отец Жозеф (1577-1638 гг.). Истинную роль его не так давно вскрыл французский историк Фанье, воспользовавшись попавшей в его руки обильной архивной документацией. Этот «вонючий монах», или «Серое преосвященство», как его часто называли, тайно, но последовательно работал в тиши дипломатических кабинетов на пользу Франции и во славу ее короля. Средневековые грезы о новом крестовом походе причудливо переплетались в его голове с «реалистической» политикой его шефа-кардинала. Грезы оставались в области фантазии; мечтателю приходилось осуществлять лишь то, что оказывалось реальным. Отец Жозеф засылал в страны Леванта, Марокко и Абиссинию многочисленных миссионеров, которые одновременно были и дипломатическими агентами; он считал, что его мечта о крестовом походе может быть осуществлена только после того, как будет окончательно унижен император, и немецкие князья станут вассалами короля французского. Отец Жозеф деятельно работал в Германии, чтобы привлечь немецких курфюрстов на сторону Франции. Его заслугой было приобретение Францией баварской дружбы. С 1633 г. он руководил немецкой политикой Франции, был горячим сторонником прямого вмешательства Франции в Тридцатилетнюю войну и, таким образом, вместе со своим министром подготовил торжество

французской политики в 40-х годах XVII столетия.

В 30-х годах в Германию были отправлены самые способные из французских дипломатов - Фанкан, Шарнасе и Марньевилль. Их задачей было заручиться поддержкой со стороны протестантских князей. В 1631 г. Ришелье заключил союз с шведским королем Густавом-Адольфом. Швеция и Франция обязались «восстановить свободу Германии», т. е. поднять князей против германского императора и ввести порядки, существовавшие там до 1618 г. Франция обязалась давать шведскому королю субсидию в 1 миллион ливров ежегодно; за это шведский король обещал держать в Германии 30 тысяч пехоты и 6 тысяч кавалерии, чтобы действовать против императора. Швеция выступила, таким образом, как прямая наемница Франции; ее заданием было поддерживать политическое распыление Германии и не дать императору усилиться. Если, однако, Швеция так легко дала себя подкупить, то это объясняется тем, что у нее были свои интересы в Балтике; они оказались бы под ударом, если бы император после победы над датским королем завладел побережьем Балтийского моря. Таким образом, вновь возникал вопрос о том, кому будет принадлежать господство над Балтийским морем. Швеция была в XVII веке самым сильным из скандинавских государств. Во время смуты Московское государство потеряло свои владения на побережье Финского залива, расширить которые стремился когда-то еще Иван Грозный. Шведы заняли и западное побережье Финского залива и Рижский залив: теперь они мечтали о том, чтобы захватить все побережье Балтийского моря и, поставив крепости в устьях больших рек, по которым польские и прусские помещики вывозили хлеб в Западную Европу, брать с них пошлины в свою пользу. Когда Густав-Адольф был убит (1632 г.), Франция непосредственно вмешалась в немецкие дела: во имя пресловутой немецкой «свободы» она систематически разоряла Западную Германию. Длительная война, которая опустошила Германию и окончательно похоронила всякие надежды на ее политическое объединение, закончилась только в 1648 г.

Вестфальским миром история дипломатии начинает обычно историю европейских конгрессов. Он был заключен после длительных переговоров, которые начались еще в 1644 т. в городах Оспабрюкс и Мюнстере в Вестфалии. В Оснабрюке заседали представители императора, немецких князей и Швеции, в Мюнстере - послы императора, Франции и других держав. Все усилия императорского посла и искусного дипломата Траутмансдорфа были направлены на то, чтобы, удовлетворив аппетиты Швеции, отколоть ее от Франции и создать более благоприятные для империи условия переговоров. Однако Швеция осталась крепко привязанной к французской колеснице, которой на этот раз управлял уже первый министр Франции Мазарини. Последний, подстрекая курфюрста Бранденбургского против непомерных притязаний Швеции на территорию южной Балтики, парировал шведские притязания; тем самым он заставил идти Швецию вместе с Францией. Единственное, что удалось Траутмансдорфу, - это защитить австрийские владения Габсбургов от дальнейшего расчленения и, таким образом, сохранить государственную целостность будущей Австрии. Окончательные условия мира были подписаны в Мюнстере 24 октября 1648 г., куда незадолго до этого приехали уполномоченные из Оснабрюка.

Значение Вестфальского мира заключается в том, что он окончательно установил внутренний строй Германии и закрепил ее политическое распыление, фактически покончив с Империей.

С другой стороны, определив границы государств Европейского континента, Вестфальский трактат явился исходным документом для всех трактатов и договоров, вплоть до Французской буржуазной революции конца XVIII века.

Немецкие князья получили право вести самостоятельную внешнюю политику, заключать договоры с иностранными державами, объявлять войну и заключать мир, правда, с оговоркой, что их внешняя политика не будет направлена против Империи. Но фактически эта оговорка значения не имела. Швеция добилась того, что устья восточноевропейских рек, впадающих в Балтийское и Северное моря, по которым шли хлебные грузы из Восточной Европы в Голландию и Англию, оказались в ее руках. Франция получила Эльзас (кроме Страсбурга) икрепила, три ранее приобретенных ею епископства - Мец, Туль и Верден. Французское требование «естественных границ» стало, таким образом, воплощаться в жизнь. Мирный трактат признал также самостоятельность Голландии и независимость Швейцарии от Империи. Гарантами условий мирного договора были признаны Франция и Швеция.

Вестфальский мир был торжеством политики Ришелье, хотя самого кардинала уже не было в это время в живых (он умер в 1642 г.). Продолжателем политики Ришелье был кардинал Мазарини. Он стоял у власти в период оформления мирных условий в Оснабрюке и Мюнстере и позже заключил 1 Иренейский договор с Испанией (в 1659 г.). Этот мир, по которому Франция приобрела часть Люксембурга, Руссильон, Артуа и Геннегау, подготовил гегемонию Франции в Европе. Принципы «политического равновесия», выдвинутые во время переговоров в Мюнстере и Оснабрюке, обеспечили политическое преобладание Франции. Самый опасный из противников Франции - Империя - фактически перестал существовать. Торжествовала «исконная немецкая свобода» в Германии, «политическая свобода» в Италии. Другими словами, достигнуты были политическое распыление и беспомощность этих двух европейских стран, с которыми Франция могла отныне делать все, что ей угодно. Вполне понятно, что Мазарини моё теперь спокойно навязывать своим незадачливым соседям «естественные границы», ссылаясь на времена древних галлов, монархии Пипина и Карла Великого в доказательство прав Франции на немецкие и итальянские территории.

Эти права и попытка осуществить «король-солнце» - Людовик XIV. В его царствование французский абсолютизм вступил в полосу своей наивысшей славы и наибольшего международного значения; при нем же во второй половине его царствования французский абсолютизм столь же быстро стал клониться к упадку.

Дипломатия Людовика XIV.

Международная обстановка в первую половину правления Людовика XIV (с 1661 по 1683 г.) была чрезвычайно благоприятной для Франции. Вестфальский и Пиренейский мир свидетельствовали о полном унижении исконных врагов Франции - немецких и испанских Габсбургов. Реставрация Стюартов в Англии (с 1660 г.) и их реакционная политика ослабили международное значение этой страны, только что закончившей

свою буржуазную революцию. Английский король Карл II, будучи в непрерывной ссоре с парламентом, искал опоры против своих подданных во вне и, можно сказать, был на жалованьи у французского короля. У Франции в Европе уже не было соперников, с которыми нужно было бы считаться; французский двор был самым блестящим в Европе; французского короля боялись все европейские государи; французский язык сделался официальным языком дипломатии и международных трактатов. Людовик XIV мог спокойно заниматься историческими изысканиями на тему, что принадлежало древним франкам и древним галлам и что должно поэтому теперь принадлежать ему. В первую половину его царствования его первым министром или, как он назывался, генеральным контролером финансов был замечательный государственный деятель Франции XVII века Кольбер. Хотя Людовик XIV и любил говорить про себя, что он сам свой первый министр, фактически дела государства находились в руках у Кольбера. Кольбер много сделал для насаждения во Франции мануфактур, всемерно оберегая интересы промышленности, торговли, и был одним из наиболее последовательных представителей политики меркантилизма. Огромные территории в Северной Америке в бассейне реки Миссисипи (Луизиана) были объявлены владениями французского короля, хотя начало французских владений в Америке было заложено еще в половине XVII века (приобретение Акадии и других колоний). От Кольбера сохранилась огромная деловая переписка: в ней имеются, между прочим, инструкции министра французским послам и представителям за границей. Эти документы свидетельствуют о том, насколько Кольбер занимал интересы французской торговли и французской буржуазии. Уже в 1661 г. в докладной записке, поданной королю, Кольбер писал: «Если к естественному могуществу Франции король сможет присоединить силу, которую дают промышленность и торговля..., то величие и могущество короля возрастут до небывалых размеров». Кольбер тут же с завистью сообщал королю, что соседи-голландцы имеют до 16 тысяч кораблей, тогда как у французских их не больше тысячи, и они принуждены пользоваться голландскими судами для сношений со своими американскими владениями. Собственно замыслы Кольбера были направлены на ослабление экономической мощи голландской буржуазной республики. Он не препятствовал завоевательным планам Людовика XIV, лишь бы планы этого «преемника Карла Великого» осуществлялись в интересах французской буржуазии. Поэтому «король-солнце» на первых порах и занялся доказательством того, что древние галлы владели Бельгией. Однако ни Кольбер, ни тем более Людовик XIV недооценили способности Голландии к сопротивлению и искусства дипломатии этой республики. Боясь непосредственной близости такой сильной соседки, как Франция, Голландия сделала в XVII веке душой всех коалиций, вызванных в обеспокоенной Европе французской агрессией. Борьба, начатая поползновением Франции захватить Бельгию, вылилась в серию «торговых войн». Эти войны между тремя самыми крупными и экономически сильными державами велись за морское и колониальное преобладание.

Войны Людовика XIV.

Четыре войны, которые вел Людовик XIV в свое царствование, весьма поучительны с точки зрения истории дипломатии. Первая война была вызвана стремлением Людовика XIV захватить Бельгию, т. е. ту часть Нидерландов, которая после нидерландской революции осталась в руках Испании. Предлог для войны соответствовал духу времени: он был чисто династическим. Основываясь на том, что новый король Испании, сын Филиппа IV, Карл II (1665-1700 гг.), происходил от второго брака, а по законам Фландрии дети от второго брака не наследовали своему отцу, Людовик XIV, женатый на дочери Филиппа IV от первого брака, заявил от имени своей жены притязания на Бельгию. Против этого восстала Голландия, боявшаяся, что за Бельгией наступит и ее черед. Войне открытой предшествовала таможенная война. Еще в 1667 г. Кольбер ввел запретительные тарифы, направленные против Голландии, на что последняя ответила исключением со своих рынков французских товаров. Голландия заключила союз с Англией и Швецией. Война была непродолжительной (1667-1668 гг.), но она показала, что всякое наступательное действие Франции вызывает коалицию против нее. Людовик поэтому ограничился лишь присоединением по Аахенскому миру нескольких пограничных крепостей (Лилль и др.) и занялся дипломатической подготовкой новой войны. Он отвлек Швецию от союза с Голландией, дал субсидию Карлу II Английскому и начал новую войну (1672-1679 гг.). Французам чуть было не удалось захватить Амстердам, но голландцы прорвали плотины и затопили страну, а их флот нанес поражение соединенному англо-французскому флоту. На помощь Голландии пришел бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм («великий курфюрст»). Он предпочитал иметь в качестве соседа своих рейнских владений сравнительно слабую Голландию, но не могущественную Францию. Против Франции выступили немецкие и испанские Габсбурги и, наконец, Империя. Династическая политика английского короля Карла II вызвала недовольство самих англичан: в XVII веке они уже начинали видеть во Франции своего наиболее сильного соперника. Англичане заставили своего короля расторгнуть союз с Францией и прекратить войну. Единственным дипломатическим успехом Франции было вовлечение Швеции в войну с Бранденбургом. Но при Фербеллине (1675 г.) «великий курфюрст» Фридрих-Вильгельм Бранденбургский нанес шведам решительное поражение. Франция пошла на мир (в Нимвегене в 1679 г.), по которому она получила еще несколько пунктов в Бельгии (Камбрэ, Валансьен) и целую область на востоке - Франш-Конте.

Нимвегенский мир.

Нимвегенский мир знаменовал период наибольшего могущества Франции в Европе. Пользуясь политической слабостью Германской империи, Людовик XIV стал присоединять пограничные с Францией германские территории. Были созданы особые «присоединительные палаты», в которых французские юристы занимались установлением «прав» короля на ту или иную территорию Германии. В 1681 г. Людовик XIV внезапно захватил Страсбург. Так как в это время зашевелились гурки, и угроза их нашествия нависла над самой Веней, Империя и Испания по соглашению в Ре-генсбурге (1684 г.) признали за Людовиком XIV все эти присоединения.

Каковы достижения в дипломатии Франции времен короля Генриха IV? Кардинал Ришелье и суть его

принципа «государственного интереса». Почему король Людовик XIV любил говорить: «Государство - это я»? Каковы были основные результаты Тридцатилетней войны?

Тема 17. ДИПЛОМАТИЯ АНГЛИЙСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1640-1660 гг.)

Дипломатия английской буржуазной революции занимает особое место в дипломатической истории Европы. В отличие от периода абсолютных монархий с их склонностью к интриге, таинственности, сложным хитросплетениям, дипломатия английской революции отличалась простотой замысла, целеустремленностью и смелостью в исполнении. Это находилось в полном соответствии с той ясностью политического понимания, какая свойственна общественному классу, только что одержавшему победу.

Революция поставила у власти людей, которые воплощали в себе интересы буржуазного развития Англии. Они знали, чего хотят, и ясно понимали, как им следует действовать.

Дипломаты английской буржуазной революции делали то, что в XVI в. совершали корсары, арматоры и купцы Англии, даже не прибегая к помощи своего правительства. Теперь они сами стояли у власти: их правительством был сначала выражавший их интересы парламент, затем - их диктатор Оливер Кромвель, этот, по выражению Маркса, Робеспьер английской революции, ставший затем ее Наполеоном.

Дипломатия «Долгого парламента».

Политика английской революции на первых порах, пока решалась борьба между королем и парламентом, между феодализмом и капитализмом, носила печать полного безучастия к тому, что делалось в Европе. Флот, связанный интересами буржуазии и торговли, с самого начала стал на сторону парламента и революции, - это обеспечило революцию от континентальной интервенции в пользу короля и феодального порядка. Впрочем, континентальные монархии плохо разбирались в значении английских событий и были мало обеспокоены тем, что происходило в Англии: они не боялись революции, потому что чувствовали себя в полном расцвете сил и не понимали, что это - революция. Поэтому гражданская война в Англии и могла протекать без помехи. Все попытки Карла I заручиться французской помощью остались тщетными: они способствовали лишь его окончательной дискредитации, после того как дипломатическая переписка короля в битве при Незби (1645 г.), решившей исход борьбы, попала в руки парламентской армии.

Победивший класс - новое дворянство и буржуазия, - захватив власть в свои руки и произведя в свою пользу перераспределение богатств, жаждал установления прочного порядка и восстановления нормальных торговых и дипломатических отношений с державами континента. Люди «денежного мешка», нажившиеся от распродажи имущества и земель «врагов революции», на откупках, акцизах и на государственных займах, готовы были броситься на завоевание европейского рынка с тем же пылом, с каким они отстаивали «дело божье», т. е. свою буржуазную революцию от врагов справа и слева. Определялась программа борьбы с главными морскими противниками и торговыми соперниками Англии - Голландией, Испанией и Францией. Пуританские фанатики призывали республику к беспощадной борьбе с Голландией. «Бої; -- говорил один из них, - предал Голландию англичанам: туда должны направиться праведники, туда идти и низвергнуть с трона вавилонскую блудницу, чтобы основать на континенте царство Христово».

Впрочем, ставшие у власти «люди божьи», при всем своем религиозном увлечении, никогда не забывали о своих земных интересах. Их трезвость и реализм дали повод шведской королеве Христине сказать английскому послу в Швеции Уаптлоку: «Вы, англичане, притворщики и лицемеры. Я не говорю о вашем генерале [т. с. Кромвель], ни о вас самих, по, мне кажется, в Англии много таких людей, которые, надеясь извлечь из того выгоду, выказывают больше святости, чем имеют ее в душе».

В конце 40-х и начале 50-х годов внешняя политика и дипломатия английской революции находились в ведении парламента. После разгона его «охвостья», в 1653 г., она целиком сосредоточилась в руках самого Кромвеля. Основной задачей английской дипломатии на первых порах было восстановление нормальных дипломатических и торговых сношений с державами континента. Дипломатические агенты этих держав в большинстве случаев продолжали жить в Лондоне, но воздерживались от сношений с новым правительством, не имея новых верительных грамот от своих государей, которые не спешили признать республику. Известно, что французское правительство опоздало сделать представление в пользу приговоренного к смерти короля Карла I, а французский посол в Лондоне Бельевр даже не попросил с ним свидания. Его поведение тем не менее было впоследствии оправдано в королевском совете.

Наиболее снисходительным к республике оказалось самое нетерпимое из всех правительств - испанское. Испанский посол в Лондоне дон Алопсо Карденья, хотя и не получил новых верительных грамот, был тем не менее уполномочен войти в тайные сношения с республиканским правительством. Он и сделал это с большим искусством. Причиной было желание Испании предупредить свою исконную соперницу Францию и насолить при помощи англичан недавно отколовшимся от Испании португальцам (1640 г.). Последние находились в самых дурных отношениях с Англией из-за помощи, оказанной Португалией английским королевским корсарам, которые грабили английские республиканские торговые суда.

Англо-французские отношения с этого времени стали портиться. Еще до казни короля Карла I Людовик XIV, считая, что Англия, занятая внутренней борьбой, окончательно обессилена, запретил ввоз во Францию английских шерстяных и шелковых изделий (1648 г.). В ответ на это английский парламент запретил ввоз французских вин. Кардинал Мазарини, стоявший в то время у власти во Франции, старался добиться у Англии уступок в этом вопросе. Но французского поверенного в делах в Англии, Крул-ле, постигла полная неудача. Англичане ответили ему, что, «несмотря на прежнюю веру в короля, они легко обходятся без него; так же легко обходятся они и без французского вина». Началась таможенная война. Дело дошло даже до обоюдного захвата торговых кораблей и до войны без формального ее объявления. Карденья ловко использовал натянутые отношения между

Францией и Англией и добился от мадридского двора новых верительных грамот (в декабре 1650 г.), уверяя своего короля, что он, как первый, признавший республику, сможет извлечь из этого признания великие выгоды. Выгоды были, пожалуй, и невелики, но унижения своего врага и соперника - Франции - посол действительно добился. В декабре 1650 г. Карденья был принят парламентом в торжественном заседании и вручил ему свои фа-моты, а Крулле в тот же день был арестован. Сохранилось описание торжественного приема парламентом испанского посла и собственноручное письмо Крулле к Мазарини, повествующее о его невзгодах.

Три комиссара парламента, в числе которых был граф Солсбери, отправились за Карденьей в правительственных каретах. Тридцать или сорок экипажей сопровождали Карденью, когда он ехал в парламент; в них сидели английские и испанские дворяне. По пути его следования были выстроены два полка кавалерии, полк пехоты его конвоировал. В парламенте послу было приготовлено особое кресло. Сев в него, Карденья предъявил спикеру свои верительные грамоты, написанные по-латыни, и произнес на испанском языке большую речь, в которой выразил удовольствие, что он первый от имени величайшего христианского государя признает эту палату верховной властью нации.

В тот самый час, когда парламент оказывал такие почести испанскому послу, в дом французского поверенного в делах Крулле ломились солдаты. Сам Крулле был арестован и вскоре выслан из Англии.

Как ни неприятны для французов были все эти события, Мазарини и его помощник Кольбер, оберегавший интересы французской буржуазии, принуждены были добиваться восстановления нормальных дипломатических отношений с Англией. Французские коммерсанты, которых грабили английские корсары, толкали свое правительство на такое соглашение. В записке, составленной в 1650 г., Кольбер писал королю, жалуясь на затруднения, испытываемые французской торговлей.

«С тех пор как по стечению неблагоприятных обстоятельств англичане ведут с нами войну... торговле нашей трудно поправиться, пока она будет страдать от мести англичан... Чтобы поправить торговлю, необходимы два условия: безопасность и свобода, а их можно достигнуть, лишь восстановив добрососедские отношения с Англией. Пункт, на котором англичане особенно настаивают, - заключал Кольбер, - есть признание их республики, в чем испанцы нас опередили. Можно опасаться еще более тесного союза вследствие действий испанского посла в Англии. Францию простят и бог и люди в том, что она вынуждена признать эту республику для предупреждения враждебных замыслов испанцев, творящих всевозможные несправедливости и готовых на всякие низости для того, чтобы нам вредить».

Сам кардинал готов был «решиться на низость», т. е. продать признание республики за приличное вознаграждение, иными словами, - за союз с Англией против Испании. Мазарини с тем большим рвением решил наладить отношения с Англией, что его враги, сторонники Фронды, непрочь были договориться с республикой, хотя и опасались, не будет ли это недостойно чести истинных католиков и добрых французов. У самого Мазарини, поклонника силы и почитателя Макиавелли, таких сомнений не было. Понимая, что в 1652 г. фактически внешними делами ведал не парламент, а Кромвель, Мазарини вступил с ним в переговоры через посредников. Вскоре ему сообщили от имени Кромвеля, что республика требует только, чтобы король французский признал ее и немедленно назначил своего посла в Англию. При этом подданным республики должно быть уплачено вознаграждение за потери, понесенные за время морского каперства. В случае, если бы борьба Мазарини с Фрондой сложилась не в пользу кардинала, Кромвель любезно предлагал Мазарини убежище в Англии. Эти условия были очень далеки от желаний кардинала. Но положение Мазарини и королевского двора час от часу становилось все более затруднительным. Фрондирующие принцы соединили свои усилия с революционным движением в южнофранцузском городе Бордо, который мечтал в союзе с Английской республикой восстановить свои былые вольности. Испанцы также прилагали все усилия, чтобы склонить англичан к союзу с ними. При таких условиях Мазарини не оставалось ничего другого, как согласиться на английские предложения. В декабре 1652 г. в Англию был отправлен интендант Пикардии де Бордо с письмом короля английскому парламенту. В инструкции посланному предписывалось «не говорить ничего, могущего произвести разрыв или оскорбить англичан, дабы не дать им предлога объявить себя врагами французской короны. Его величество находит, что в настоящее время пусть лучше англичане плавают по морям и разбойничают, нежели предпримут что-либо еще худшее, - соединят свои силы с испанцами или возьмут под свое покровительство мятежников [т. е. бордосцев]».

Письмо французского короля было адресовано «нашим любезнейшим и великим друзьям, членам парламента Английской республики». Однако парламент нашел это обращение недостаточно почтительным, и французам пришлось заменить прежнее обращение другим: «Парламенту Английской республики». После этого Бордо было объявлено, что парламент готов его принять и выслушать, но так как он, г. Бордо, не является в собственном смысле послом, то ему аудиенция будет дана не в парламенте и не в государственном совете, а лишь в комитете, ведающем внешней политикой. 21 декабря 1652 г. злополучный посланец французского короля произнес в комитете речь, в которой заявлял, что «союз, могущий существовать между двумя соседними государствами, не зависит от формы их правления. Поэтому, если богу угодно было промыслом сполнить изменить бывшую прежде в тгой стране форму правления, то это еще не выбывает необходимости перемен в торговых отношениях и взаимном согласии Франции и Англии. Последняя могла изменить свой вид и из монархии сделаться республикой, но положение остается неизменным: пароды остаются соседями и попрежнему заинтересованы друг в друге посредством торговли, а трактаты, существующие между нациями, обязательны не столько для государей, сколько для народов, потому что их главная цель - взаимная выгода». В конце своей речи Бордо упомянул, что «его величество готов удовлетворить справедливые претензии английских судовладельцев, потерпевших от французского каперства».

Легко представить негодование бывшей королевы английской Генриэтты-Марии, когда она узнала о действиях Мазарини. В письме к своему второму сыну, будущему королю английскому Якову II, она писала: «Сын мой, пишу тебе это письмо, чтобы известить тебя..., что отсюда отправили в Англию посла с признанием этих гнусных изменников, несмотря на все протесты, какие мы могли заявить. Признаюсь тебе, со времени моего великого несчастья [т. е. казни мужа, короля Карла I] я еще ничего подобного не испытывала!»

Окончательно договор с Францией был оформлен несколько позже, в 1655 г., после долгих проволочек, во время которых Кромвелю удалось, играя на франко-испанских противоречиях, получить от Франции еще ряд уступок.

Иначе обстояло дело с Голландией, самой могущественной морской и торговой державой Европы XVII века. Голландцы были самыми опасными соперниками англичан повсюду, где встречались их корабли. Происки голландцев в Московском государстве привели к отмене тамошних торговых привилегий английских купцов. Английское общественное мнение было за самую решительную политику по отношению к Голландской республике, -либо крепкий союз двух морских держав, почти слияние их в единое государство, либо борьба не на живот, а на смерть с целью принудить Голландию признать английскую гегемонию на море. Отсюда резкие колебания английской дипломатии в отношениях к торговой республике. Начав самыми дружескими заявлениями, Англия кончила открытым разрывом.

В феврале 1651 г. два чрезвычайных посла английского парламента, Сен-Джон и Страйкленд, были отправлены в Голландию. Их сопровождали 40 джентльменов и около 200 слуг в качестве свиты. В Гааге они были приняты с необыкновенной торжественностью депутацией Генеральных штатов, которую сопровождали 27 карет. Но массы зрителей выражали скорее неудовольствие при виде англичан. Во время дальнейшего пребывания английское посольство могло убедиться, что англичане не пользуются популярностью в этой стране.

Тем не менее во время торжественной аудиенции в Генеральных штатах семь комиссаров республики заявили английским послам, что Соединенные провинции предлагают свою дружбу Английской республике, и что они готовы не только возобновить и сохранить нерушимо добрые отношения, всегда существовавшие между английской нацией и ими, но и заключить с республикой трактат в видах общей пользы. В ответ на это английские послы, поймав на слове представителей республики, заявили, что их предложения идут еще дальше. «Мы предлагаем, - заявили они, -чтобы существовавшие в прежнее время дружба и добрые отношения между английской нацией и Соединенными провинциями не только были восстановлены и нерушимо сохраняемы, но чтобы эта нация и I провинции вступили в союз, более тесный и более искренний, так, чтобы для блага той и другой стороны был между ними взаимный интерес, более существенный и более сильный». Последняя фраза привела голландцев в смущение, и они допытывались, чего же хотят от них англичане. Последние от прямого ответа уклонились и заявили, что Провинции сами должны сделать английской республике определенные предложения. Истинный замысел англичан, впрочем, был довольно ясен: предложить Голландии слияние с Англией, т. е. предложить ей добровольно подчиниться Англии, и, в случае отказа, порвать с ней - таков был скрытый смысл дружеских объятий, в которые англичане готовы были заключить голландцев. Общественное мнение Голландии с негодованием отвергло саму мысль о подобного рода дружбе. Голландский политик Ян де Витт впоследствии говорил по поводу последовавшего вскоре разрыва, что наряду с негодованием голландцев виной этому был «нестерпимый нрав англичан и их бесконечная ненависть к нашему благосостоянию».

Пока одна сторона старалась перешеголять другую в изъявлениях дружбы, действительные отношения между двумя республиками становились все более натянутыми. Англичане захватывали голландские корабли, а военный флот Голландии под командой знаменитого адмирала Тромпа усиленно крейсировал около английских берегов. Английские послы запрашивали свой парламент, что им делать дальше, и не следует ли им возвратиться домой. Парламент, не получая ответа от Генеральных штатов, предложил своим послам представить, наконец, его предложения о дружбе, похвалившие более на ультиматум. Они содержали семь пунктов. Английская республика и республика Соединенных провинций должны были выступать как единое государство в вопросах войны и мира, международных договоров и союзов. В некоторых случаях Генеральные штаты должны были подчиняться постановлениям английского парламента даже во внутренних делах. Как будто бы боясь, что он будет неправильно понят, английский парламент прибавлял устами своих послов, что если эти предложения будут приняты, то «будут предложены статьи еще более важные и обещающие еще более значительные последствия для блага обеих республик».

После всего этого послам Английской республики не оставалось ничего другого, как уехать восвояси. Это было в начале июля, а 5 августа парламенту был предложен и в том же году с необычайной поспешностью опубликован знаменитый «Навигационный акт» Кромвеля. То был типичный продукт меркантилизма XVII века. Он показал голландцам истинное значение недавно предлагавшейся английской дружбы. Согласно лому акту, в Англию позволялось ввозить иностранные товары только на английских кораблях, которые находятся под командой англичан и имеют в составе команды не менее трех четвертей английских матросов. Но и при этих условиях в Англию можно было ввозить товары только из мест их происхождения, Голландия, занимавшаяся по преимуществу посреднической торговлей, исключалась, таким образом, из торговли с Англией, Война (1652-1654 гг.) началась раньше, чем се объявили стороны. Голландия была разбита и принуждена была признать Навигационный акт.

Дипломатия Кромвеля.

Роспуск «охвостья» Долгого парламента в 1653 г. и переход власти в руки Кромвеля в 1654 г. сделали последнего диктатором. Отныне вся власть и руководство внешней политикой сосредоточены были в его руках. Фактически же Кромвель стал диктатором значительно раньше. Сам он был джентльменом средней руки, который понял с первых дней революции, что настало время действовать во имя будущего, не считаясь с обычаями прошлого и не занимаясь парламентскими дебатами на тему о правах парламента и прерогативах короны. Один из скульпторов изобразил спокойную и решительную фигуру Кромвеля со шпагой в одной руке и молитвенником в другой, - оружием, при помощи которого он разрешал, или, лучше сказать, разрубал самые сложные вопросы своего бурного времени. Насмешники из числа парламентариев говорили о нем после разгона «охвостья», что Кромвель - претендент на непосредственные сношения со святым духом, и что он выдает свои распоряжения за повеления самого бога. В этой насмешке была известная доля истины. Убежденный в своей

миссии, Кромвель облакал требования своего класса в проповедь, подкрепленную ссылками на Библию и Бога. Действовал он с быстротой и решительностью, свойственной классу, который прочно захватил власть и не желает ни с кем ею делиться. Лондонский купец Морель, состоявший в переписке с кардиналом Мазарини, писал ему: «Мы возлагаем большую надежду на десять, чем на двести (т. е. на Кромвеля и его непосредственных помощников, а не на парламент). Больше тайны—больше быстроты, меньше слов—больше дела, и четыре года не пройдут по-прежнему в ораторских упражнениях».

При вступлении в свои обязанности Кромвель отправил своего церемониймейстера ко всем иностранным послам «с поручением уверить их, что эта перемена не изменит ни отношений, ни дружбы, существующих между их государями и Англией». Государственный совет поручил пяти своим членам продолжать дипломатические дела, начатые раньше парламентом. Обстоятельства способствовали упрочению власти диктатора. В июне 1653 г. английский флот одержал решительную победу над голландцами. С Голландией было покончено. Корнелий де Витт на собрании Генеральных штатов Соединенных провинций заявил: «Моя обязанность сказать вам, что теперь и мы, и море во власти Англии». Война еще продолжалась некоторое время, пока велись переговоры. Англичане попрежнему настаивали на слиянии двух республик, но Кромвель, убежденный в необходимости скорейшего заключения мира, отказался от этого требования и добился заключения мира в июне 1654 г. Участниками договора были не только голландцы, но и их союзники: король датский, протестантские кантоны Швейцарии, ганзейские города и некоторые протестантские князья Северной Германии.

Одновременно с этим договором Кромвель заключил торговые договоры с другими, менее опасными для Англии державами: Швецией, Данией и Португалией.

Еще в 1653 г. Кромвель отправил в Стокгольм английского дипломата Уайтлока, который должен был заключить договор со Швецией. «Это, - говорил Кромвель Уайтлоку, - чрезвычайно важно для республики; кроме королевы Христины, во всем христианском мире нет такого государя и такой державы, с которыми мы могли бы рассчитывать связать себя узами дружбы... Ваше нынешнее назначение послужит лучшим средством к устройству наших дел с голландцами и датчанами, а также и дел нашей торговли». Уайтлоку пришлось употребить много усилий, чтобы победить предубеждение шведского дворянства, которое с возмущением смотрело на события в Англии и считало, что дело парламента есть дело «компаний портных и сапожников». Тем не менее 28 апреля 1654 г. Уайтлок подписал мирный и союзный трактат с Швецией. В трактате с Данией в сентябре 1654 г. Англия выговорила себе право прохода через Зунд на тех же условиях, которыми до сих пор пользовались голландцы. Договор с Португалией, представитель которой долгие месяцы ждал ответа на свои предложения, был началом экономического подчинения Португалии Англии. «Мы заключили, - говорил Кромвель, - мир с двором португальским; купцы наши, там торгующие, будут иметь право свободного вероисповедания и полную свободу славословить всевышнего в собственных своих церквах».

Это несколько не помешало Кромвелю предать суду брата португальского посланника Панталеона де Сазато, что тот позволил себе со своими друзьями устроить драку у новой Биржи в лондонском Сити, причем были убитые и раненые. Суд приговорил португальского дона к смерти, и он был обезглавлен перед многочисленной толпой. За несколько часов до этого посланник, его брат, выехал из Англии с только что подписанным договором, чтобы не видеть страшного зрелища.

Труднее обстояло дело с Испанией. Несмотря на то, что Испания была первой страной, которая признала Английскую республику, несмотря на все старания Карденья, дело с подписанием договора продвигалось вперед чрезвычайно медленно. Ненависть англичан к згой великой колониальной стране была давнишней и понятной. Как только Кромвель был провозглашен протектором, Карденья, боясь, что его предупредит Франция, в частном разговоре предложил Кромвелю помощь со стороны Испании для утверждения его власти. Он обещал от лица своего короля, что Испания откажется поддерживать какие бы то ни было домогательства Карла Стюарта, сына казненного короля английской. За это Карденья требовал, чтобы Кромвель выступил совместно с Испанией против Франции. Но Мазарини оказался более ловким, чем испанское правительство. Он готов был титуловать Кромвеля от имени короля «братом», «кузеном» и т. д., но Кромвель просил сказан, кардиналу, что никакого иного титула, кроме протектора, он не потерпит. Мазарини намекал, что, если понадобится, он «вежливым образом» готов выпроводить из Франции семью казненного короля, и предлагал Кромвелю деньги и союз. Кромвель неторопливо выслушивал предложения соперников и ставил им все новые условия и требования. По существу он давно уже решил вопрос о том, кого предпочесть. Франция была сильна, и борьба с ней была чревата неожиданностями. Испания находилась в состоянии упадка и представляла богатую и легкую добычу. Испания не разрешала Англии торговать со своими колониями. Она подвергала английских купцов, еретиков с испанской точки зрения, суду инквизиции. Кромвель потребовал от Испании свободы плавания в Вест-Индию и прекращения инквизиционного преследования. Это было чересчур даже для испанского посла. Карденья с негодованием заявил: «Требовать освобождения от инквизиции и свободного плавания в Вест-Индию - все равно, что требовать обоих глаз моего государя». Всегда необходимая в глазах Кромвеля война с Испанией стала теперь неизбежной. Она могла занять матросов, офицеров и солдат, дать им возможность нажиться; она могла успокоить умы фанатиков, метавших громы против папистов; она, наконец, сулила дать Англии господство в Новом Свете, который попал в руки католиков-испанцев, а должен был принадлежать суровому протестантскому богу Кальвина, богу торговли, капиталистической эксплуатации и нарождающейся биржи. К берегам Нового Света была отправлена эскадра Пенна, в Средиземное море - эскадра страшного Блэка, который крейсировал около испанских берегов. Пенну даны были инструкции начать захват испанских колоний. Однако попытка овладеть островами Сан-Доминго была, к стыду англичан, отбита испанцами. Когда это происшествие стало известно в Испании, на английские корабли и имущество в Испании было наложено эмбарго, многие из купцов были арестованы, и король приказал Карденье покинуть Англию. Когда Карденья садился на предоставленный ему фрегат в Дувре 24 октября 1655 г., Кромвель подписывал мирный и торговый договор с Францией. «Если этот договор, - писал французский посол в Англии Бордо, - и утратил свою прелесть от долгого ожидания, зато разрыв с Испанией, кажется, должен придать ему новую цену». 28 ноября сообщения о

договоре с Францией и войне с Испанией были обнародованы на улицах Лондона.

В сентябре 1656 г. Кромвель следующими словами характеризовал создавшееся положение: «Мы в войне с Испанией. Мы начали эту войну по необходимости. Испания наш величайший враг, враг естественный и как бы указанный самим богом, ибо она - воплощенный папизм. Нет средств ни добиться от Испании удовлетворения, ни обезопасить себя от нее. Мы требовали от нее для наших купцов только позволения иметь в кармане библию и молиться богу по-своему, но нечего ждать от испанца свободы совести». Война окончилась уже после смерти Кромвеля и была неудачной для Испании. Англия захватила остров Ямайку, центр работорговли в Америке.

Почему дипломатия Английской буржуазной революции XVII в. занимает особое место в истории Европы?

Характерные черты дипломатии «Долгого парламента».

Почему Оливер Кромвель возглавил дипломатию времен революции?

Тема 18. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII ВЕКЕ

Международное положение и дипломатия Московского государства в начале XVII века.

Взрыв крестьянской войны и интервенция со стороны Речи Посполитой и Швеции в начале XVII века не могли не отразиться на международном положении России, которое сильно пошатнулось. Чтобы обеспечить поддержку своей авантюры со стороны польского короля, панов и папы, Лжедмитрий I заключил ряд тайных договоров. Если бы они вошли в жизнь, то привели бы к расчленению и разорению Московского государства. После смерти самозванца эти договоры были опубликованы и вызвали сильное негодование против поляков. Но и правительство Василия Шуйского, лишённое опоры в населении, оказалось вынужденным пойти на позорный договор с Швецией, которым оно ценою уступки Карелии, русской части побережья Финского залива, купило иноземную помощь.

По мере того как слабела власть Шуйского, отдельные группы русских бояр заключали договоры с интервентами. 4 февраля 1610 г. представители московской знати, служившей тушинскому «царьку», договорились с Сигизмундом о приглашении его сына Владислава на московский престол. После поражения правительственных войск и свержения Шуйского временное боярское правительство о том же заключило в августе 1610 г. договор с гетманом Жолкевским. Уния Москвы с Речью Посполитой послужила поводом и для Швеции, которая враждовала с Польшей, предъявить свои требования. Новгородская администрация вместе с верхушкой местного населения подписала с шведским полководцем Яковом Делагарди договор, согласно которому Новгород признавал царем брата шведского короля. В основе всех этих договоров, отдававших страму в руки иностранцев, лежало одно и то же стремление правящих групп - сохранить власть и своих руках и устранить опасность народного восстания. Только широкий патриотический подъем, охвативший народные массы, позволил ополчению князя Пожарского и Минина освободить Москву от засевших в ней поляков.

Из «великого разорения» Московское государство вышло сильно расшатанным. Сигизмунд, который успел захватить Смоленск и Чернигово-Северскую землю, продолжал угрожать Москве. Владислав, его сын, не отказывался от своих мнимых прав на русский престол. Новгород был оккупирован шведами, и шведский кандидат продолжал предъявлять притязания на московский престол. Правительству нового царя Михаила пришлось, таким образом, начинать свою деятельность в очень напряженной международной обстановке. Михаил Федорович по вступлении на престол немедленно обратился ко всем европейским державам с оповещением о своем избрании и с просьбами о займе и о союзе против Июльши и Швеции. Отсутствие уверенности в прочности нового правительства отразилось на результатах этих переговоров. Империя признала нового царя только в 1616 г.

Дольше всего отказывалась Речь Посполитая признать царем «нынешнего государя их [Михаила Федоровича], которого они, русские, ныне великим государем у себя именуют». Только по Поляновскому договору 1634 г. Владислав отказался от своих претензий и признал за Михаилом царский титул. Благодаря посредничеству Голландии и Англии, заинтересованных в восстановлении правильной торговли с Россией, заключен был мир и с Швецией. За признание и Англия, и Голландия, и даже Франция требовали предоставления транзита через Московское государство в Персию, но московское правительство проявило в этом вопросе большую твердость.

Основные направления внешней политики Московского государства в XVII веке.

Оправившись от последствий военной интервенции шведов и поляков, Московское государство при первых Романовых постепенно принимает черты более или менее мощной абсолютной монархии. Начиная с середины XVII века, Россия играет настолько крупную роль в политической жизни Восточной Европы, что ни одна международная проблема уже не может быть разрешена здесь без участия Москвы.

Таким образом, ко второй половине столетия уже стало определяться значение Московского государства как одной из сильных европейских великих держав.

Три основные международные проблемы стояли перед Россией в XVII веке. Оставался нерешенным вопрос о воссоединении украинских и белорусских земель, которые находились под властью Речи Посполитой (Польши). Не менее насущным был вопрос о продвижении в Прибалтику. К концу столетия четко обрисовалась и третья задача - необходимость борьбы с Турцией и ее вассалом Крымом. Все три проблемы переплетались между собой, чем осложнялось разрешение каждой из них в отдельности. В борьбе с Польшей естественными союзниками Москвы были Швеция, Турция и Крым. Но эти же государства являлись и соперниками Москвы в отношении литовско-польского наследства: Швеция претендовала на польскую Прибалтику и на Литву, Турция и Крым - на Украину. С другой стороны, борьба с Швецией за Балтику толкала Москву к союзу с Речью Посполитой и требовала установления мирных отношений с мусульманским югом. Точно так же и против Турции можно было действовать лишь в союзе с Польшей, т. е. отказавшись от Украины. Такова была сложная международная обстановка, в которой

приходилось действовать Москве во второй половине XVII века.

Кризис, который переживала Речь Посполитая в середине XVII века, открыл Москве широкие перспективы. Восстание украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против гнета польских панов, перекинувшееся на белорусские земли, являлось моментом, чрезвычайно благоприятным для перехода к наступлению. Обращение Переяславской рады в январе 1654 г. к московскому правительству с просьбой о присоединении Украины к Русскому государству послужило внешним поводом для начала военных действий, которые развивались очень успешно для Москвы. Но в самый разгар русских успехов в войну неожиданно вмешалась Швеция. Сепаратное выступление Швеции на польском театре военных действий было отнюдь не в интересах Москвы, так как «царского величества у ратных людей шведские ратные люди дорогу переняли». Москва примкнула к образовавшейся в то время антишведской коалиции, в которую входили Империя, Дания и Бранденбург. Коалиция эта имела целью остановить чрезмерное усиление Швеции. Русские войска стали с успехом продвигаться в Ливонии, Курляндия официально перешла под патронат России. Однако Швеция сумела выйти из создавшегося положения. Добившись в 1658 г. Валиесарского перемирия с Москвой на три года, Швеция в том же году заключила выгодный мир с Данией, а в следующем - мир с Речью Посполитой (в Оливе). Речь Посполитая, развязав себе руки Оливским миром, возобновила войну с Московским государством. Вести войну на два фронта Россия была не в силах. Ради Украины в Москве решили поступиться Ливонией. По Кардисскому договору 1661г. все завоевания в Прибалтике были возвращены Швеции.

Война с Речью Посполитой между тем затягивалась и шла с переменным успехом. Неоднократно делались попытки прекратить ее дипломатическим путем. Еще в 1654 г. Москва, сообщая Франции о начавшейся войне, прислала о ее посредничестве. По ходатайству короля Яна-Казимира в 1655 г. посредничество взял на себя император Фердинанд III. При участии его представителей было заключено перемирие в Вильно. В 1661 г. преемник Фердинанда III Леопольд II вновь послал в Москву посольство во главе с бароном Мейербергом. Посредничество и на этот раз не привело к осязательным результатам. Однако самый факт этих попыток со стороны Империи показывает, что русско-польский конфликт потерял в это время свой местный характер и приобрел общеевропейское значение. Несколько раз оба воевавшие между собой государства пытались достигнуть мира путем избрания на польский престол либо самого царя Алексея, либо его сына. Однако в Москве понимали, что уния с Речью Посполитой может быть куплена лишь ценою больших уступок в украинском вопросе. С другой стороны, Гольша, нуждаясь в русской помощи против Турции, боялась усиления России. Таким образом, и из этих переговоров ничего не вышло.

Нараставшая угроза со стороны Турции привела, наконец, к сближению воевавших между собой государств. В 1667 г., после трехлетних переговоров, в Андрусове было заключено перемирие, по которому, к России отходили вся Левобережная Украина и на два года Киев. Это был большой дипломатический успех Москвы. Договору был придан характер акта общеевропейского значения. В случае безуспешности дальнейших переговоров о «вечном мире» предполагалось «призвати государей христианских за посредники». Еще важнее было обязательство Речи Посполитой не заключать договоров с Турцией без участия Московского государства.

Прекращение войны с Речью Посполитой давало Москве возможность перейти к разрешению двух других неотложных внешнеполитических задач. В связи с этим ей приходилось выбирать между двумя политическими комбинациями, которые разделяли Западную Европу на два лагеря. Возраставшее могущество Швеции вызвало беспокойство среди ее ближайших соседей. Дания, Бранденбург и Империя всячески стремились привлечь Московское государство к союзу, направленному против Швеции. За спиной Швеции стояла самая сильная европейская держава XVII века - Франция; к антишведскому блоку примыкали Голландские штаты, которые опасались Франции и тоже хлопотали о союзе с Москвой против Швеции. Разрыв с Швецией означал отказ от продолжения активной политики на юго-западе и Украине, - на это не могли решиться ни царь Алексей Михайлович, ни его сын Федор Алексеевич, выросший под сильным белорусским и украинским влиянием. Тем не менее московское правительство в 1676 г. двинуло на границу Швеции значительные военные силы. «Это обстоятельство, - по признанию голландцев, - пожалуй, более всего... способствовало успеху» союзников. В то время как датские дипломаты всячески внушали Москве мысль о необходимости более решительных действий против Швеции, шведское правительство со своей стороны хлопотало об «аллиансе» (союзе), обещая Москве помощь против Турции. В ответ московские дипломаты требовали уступки Ингерманландии и Карелии в виде «сатисфакции» за ущерб, нанесенный русским действиями шведов в войне с Речью Посполитой. Таким образом, уже в XVII веке назревала мысль о «северном союзе» против Швеции, осуществившаяся в XVIII веке.

С момента заключения мира с Речью Посполитой внимание Москвы все более сосредоточивается на турецко-татарской проблеме. Уже после Андрусовского перемирия Андрей Виниус был отправлен из Москвы послом к английскому королю Карлу II с просьбой о помощи Польше против Турции.

Полное поражение Речи Посполитой в войне с Турцией в 1672 г. вызвало со стороны Москвы ряд энергичных дипломатических шагов. Генерал Менезий отправлен был к курфюрсту Бранденбургскому, в Вену, Венецию и к папе, Андрей Виниус - во Францию и Испанию, Емельян Украинцев - в Швецию и Голландию, чтобы побудить их к выступлению на помощь Польше. На призыв Москвы откликнулся только курфюрст Бранденбургский. Само московское правительство уклонилось от того, чтобы брать на себя какие-либо обязательства. Однако война с Турцией все-таки вспыхнула из-за Правобережной Украины. Она тянулась с 1676 по 1681 г. Это вызвало в 1679-1680 гг. посылку Чаадаева во Францию и Англию и Кривоного-Бутурлина в Вену и Берлин. В 1686 г. состоялось, наконец, то объединение всех европейских сил для борьбы с Портой, о котором так упорно хлопотала Москва: Империя, Франция, Венеция, Бранденбург, Речь Посполитая и Москва заключили общий союз. На долю России выпадала война с Крымом. Заключению антитурецкой коалиции предшествовал договор Москвы с Речью Посполитой о «вечном мире» на основах Андрусовского перемирия. Не только Левобережная Украина, но и Киев, первоначально уступленный только на два года, остались за Москвой.

Естественно, что с устремлением внешней политики Московского государства на юг вопрос о Прибалтике был

надолго снят с очереди. В 1683 г. Кар-дисский мир был подтвержден «без паки прошения отобранных провинций».

Дипломатическая деятельность московского правительства не менее широко развернулась и в восточном направлении. Враждебные отношения к Турции способствовали установлению дружбы с ее историческим врагом - Персией; к этому побуждали Москву и торговые интересы, поскольку через Московское государство шел персидский шелк в Западную Европу. С 1654 г. делались попытки завязать дипломатические и торговые сношения с Китаем. Долгое время эти попытки оставались безуспешными. Появление русских казаков и промышленников на Амуре и постройка в Приамурье русских острогов заставили, однако, правительство китайского императора Кан Си пойти на переговоры для разрешения пограничных споров. Впервые в истории Китая из Пекина выехали «великие послы» для встречи с иностранными послами. В тех условиях, в каких велись переговоры, пред лицом китайской армии, готовой в любой момент поддержать оружием требования пекинского правительства, Нерчинский договор 1689 г. был в сущности очень большим успехом московской дипломатии. Он обеспечил утверждение России в верхнем бассейне Амура и открыл широкие возможности для русской торговли с Китаем. На базе Нерчинско-10 договора строились русско-китайские отношения до середины XIX века. Таким образом, к концу XVII века и на Западе, и на Востоке международное положение Москвы укрепилось. Наметились те основные направления, по которым пошла внешняя политика Русского царства в XVIII веке.

Дипломатические учреждения Московского государства

Сложные задачи, стоявшие перед Московским государством со времени Ивана III в области внешней политики, требовали создания особого учреждения для руководства дипломатическими сношениями.

При Иване III такого учреждения еще не существовало. Вопросы внешней политики обсуждались и решались самим великим князем совместно с Боярской думой. Техническая сторона приема послов возлагалась на великокняжеских казначеев, которые играли в то время роль министров финансов. В качестве послов первое время выступали находившиеся на службе у великого князя греки и итальянцы. Таковы греки Юрий Траханиот, Дмитрий Ралов, итальянцы Вольпе, Джи-сларди. Более культурные, чем природные москвичи, ловкие, оборотистые, знающие европейские порядки и политическую обстановку на Западе, они казались незаменимыми как дипломаты. Но среди них были типичные авантюристы, для которых дипломатическая служба московскому государю была только средством обогащения. С такими чертами, например, выступает Антонио Вольпе, денежный мастер, выкrest; он служил одновременно и Ивану III, и Венецианской республике, и римскому престолу, и Золотой Орде и всех их обманывал. Однако очень скоро рядом с иностранными специалистами на дипломатической службе появляются и русские. В княжение Василия III иностранные источники с уважением говорят о великокняжеском дьяке Дмитрие Герасимове, который неоднократно ездил с дипломатическими поручениями в Рим, к цесарю, в Данию, в Пруссию. Довольно образованный, он владел латинским и немецким языками, участвовал в работах известного греческого ученого монаха Максима Грека по переводу священных книг на русский язык, интересовался богословскими вопросами, ценил итальянскую музыку и знакомился за границей с памятниками старины.

Организация особого учреждения, которое ведало международными сношениями, падает на XVI век. Постепенно из числа влиятельных великокняжеских дьяков выделяются те, которые специализируются на переговорах с иностранными послами. В 1549 г. «посольское дело» было «приказано» дьяку Ивану Михайловичу Висковатому (в то время он «был еще в подьячих»). Этим назначением и положено было начало Посольскому приказу как особому учреждению. В 1561 г. Висковатый получил звание «печатника», т. е. канцлера. Назначение лица неродовитого на столь ответственную должность объясняется, невидимому, тем, что руководство внешней политикой царь оставлял за собой и по-прежнему решал связанные с нею вопросы сообща с Боярской думой, а «печатник» заведывал только канцелярией. «Знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков!» - говорил Висковатому митрополит. Очень скоро, однако, скромный начальник посольской канцелярии стянул в свои руки всю текущую дипломатическую работу и сделался очень важным звеном во всей внешнеполитической деятельности правительства. «Отличнейший человек, подобного которому не было в то время в Москве», Висковатый не был лишен талантов: «его уму и искусству, как москвича, ничему не учившегося, - по словам иностранца-современника, - очень удивлялись иностранные послы». Висковатый пал жертвой крупного дипломатического поражения, которое потерпело Московское государство в 1569-1570 гг., когда Турция и Крым вступили в Ливонскую войну. Обвиненный в турецкой ориентации и в самостоятельных сношениях с султанским правительством, он был казнен в декабре 1570 г.

Висковатого в Посольском приказе сменили братья Щелкаловы, Андрей и Василий. Думный дьяк Андрей Щелкалов, «человек необыкновенно пронырливый, умный и злой», в течение четверти века управлял Посольским приказом и приобрел громадное влияние на все стороны правительственной жизни. Типичный представитель нарождавшейся бюрократии, «не имея покоя ни днем, ни ночью, работая, как безгласный мул, он был недоволен тем, что у него мало работы, и желал еще больше работать» (Исаак Масса). Сменивший его брат, думный дьяк и печатник Василий Щелкалов, «далеко уступал Андрею своими дарованиями».

Как учреждение Посольский приказ еще в начале XVII века не был велик; в нем в 1594-1601 гг. числилось, кроме «посольского думного дьяка» и его товарища, тоже дьяка, всего 15-17 подьячих, не считая переводчиков и низшего персонала. В XVII веке Посольский приказ значительно разросся. Кроме руководства внешней политикой, он занимался делами иностранных купцов и всех приезжих иноземцев (кроме военных). Приказ управлял вновь присоединенными территориями в первое время после их завоевания (например, Сибирью, Смоленской областью, Украиной и т. д.) и ведал сбором денег на выкуп пленных («полоняничных денег»). Наконец, Посольскому приказу были подчинены некоторые второстепенные приказы (четверти Новгородская, Галицкая, Устюжская и Владимирская и Печатный приказ). Смещение функций крайне затрудняло правильное течение дел в Посольском приказе. Это дало повод одному из умнейших его начальников (Ордин-Нащокину) сказать с досадой, что нельзя смешивать «великие государственные дела» с «кружечными», т. е. со сбором доходов с кружечных дворов (кабаков).

Разнообразие и обширность функций Посольского приказа в XVII веке потребовали значительного расширения

его штатов. В 1689 г. в Посольском приказе было 53 подьячих, 22 переводчика и 17 толмачей.

Крупное значение, которое приобрели международные отношения в жизни Московского государства, нашло себе выражение и в том, что, начиная с 1667 г., во главе приказа стояли уже не дьяки, а бояре, иногда с титулом «царственные большие печати и государственных и великих дел сберегателя», т. е. канцлера. Одно время самому приказу присваивалось наименование «Государственный приказ посольской печати». Все это свидетельствовало о возросшем значении внешнеполитической деятельности правительства. Таким образом, в течение XVII века Посольский приказ вполне оформился как учреждение. Но царь сохранил за собой бдительный контроль за деятельностью своих дипломатов. При царе Алексее был организован особый приказ тайных дел, состоявший под непосредственным его ведением, куда «бояре и думные люди не входят и дел не делают, кроме самого царя». Из этого приказа, в частности, прикомандировывались к послам «в государства» и на посольские съезды подьячие «дня того, что послы в своих посольствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в разговорных речах, и те подьячие над послами надсматривают и царю, приехав, сказывают». Контроль этот был, впрочем, малодейственен, ибо послы, «ведая в делах не исправление свое и страшась царского гнева», подкупали этих подьячих, «чтоб они, будучи при царе, их, послов, выставляли, а худым не поносили» (Котошихин).

Русские диплома 11,1 XVII века.

XVII век видел во главе Посольского приказа несколько крупных политических деятелей. На первом месте среди них стоит Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Это был государственный человек европейского масштаба, «мудрый министр, который не уступит ни одному из европейских», по словам одного иностранца. Сын скромного псковского помещика, он выдвинулся благодаря своим исключительным дипломатическим талантам, которые имел возможность впервые проявить в качестве уполномоченного по разграничению Псковского уезда с Швецией. Особенно отличился Ордин-Нащокин при заключении Валиесарского перемирия (1658 г.), согласно которому Швеция уступила русским завоеванные ими в Ливонии города, и Андрусовского перемирия с Польшей (1667 г.), по которому Москва приобрела Левобережную Украину и Киев. Ордин-Нащокин имел и некоторую теоретическую подготовку: он умел писать «слагательно», знал математику, латинский и немецкий языки, был осведомлен в иностранных порядках - про него говорили, что он «знает немецкое дело и немецкий обычай знает же». Не будучи безоговорочным сторонником заимствований всего иноземного, он считал, что «доброму не стыдно навязать и со стороны, даже у своих врагов». Ордин-Нащокин был дипломатом первой величины - «наихитрейшей лисицей», по выражению страдавших от его искусства иностранцев. Это был мастер своеобразных и неожиданных политических построений, - говорит о нем проф. Ключевский. - С ним было трудно спорить. Вдумчивый и находчивый, он иногда выводил из себя иноземных дипломатов, с которыми вел переговоры, и они ему же пеняли за трудность иметь с ним дело: не пропустит ни малейшего промаха, никакой непоследовательности в дипломатической диалектике, сейчас подденет и поставит в тупик неосторожного или близорукого противника». При всей своей изворотливости Ордин-Нащокин обладал одним дипломатическим качеством, которого не имели его соперники, - честностью. Он долго хитрил, пока не заключал договора, но, заключив, считал грехом его нарушать и категорически отказывался от исполнения соответствующих указаний царя. В 1667 г., уже в чине боярина, Ордин-Нащокин был назначен начальником Посольского приказа. Он очень высоко ставил дипломатическую службу - «промысел». В его глазах Посольский приказ был высшим из всех государственных учреждений. Это - «око всей великой России». Задача Посольского приказа - «расширение государств от всех краев... тем и честь и низость во всех землях; и других приказов к Посольскому приказу не применяют». Посольский приказ надо поэтому, «яко зеницу ока, хранить». Ордин-Нащокин ратовал за высокое качество личного дипломатического состава, потому что «надобно мысленные очеса на государственные дела устремить беспорочным и избранным людям». У Ордин-Нащокина была своя совершенно определенная программа, которую он проводил с большим упорством и последовательностью, входя нередко в конфликты с самим царем Алексеем. С большой политической прозорливостью он считал необходимым направить все усилия Московского государства на приобретение «морских пристаней» на Балтике. Чтобы достигнуть этой цели, он стремился создать коалицию против Швеции и отнять у нее Ливонию. Он хлопотал поэтому о мире с Турцией и Крымом, настаивал на том, чтобы с Польшей «мириться в меру» (на умеренных условиях), готов был даже пожертвовать Украиной: «стоит-ли стоять за Черкасов, если они изменяют?» Ордин-Нащокин мечтал даже о союзе с Речью Посполитой, о «славе, которой покрылись бы славянские народы, если бы все они объединились под главенством России и Польши». У Ордин-Нащокина были свои взгляды и по вопросам экономической политики. «Русский Ришелье», как его называли шведы, он последовательно проводил в жизнь принципы меркантилизма. Внешнеполитическая программа Ордин-Нащокина (отказ от Украины, союз с Польшей и отнятие у Швеции Ливонии) не встречала сочувствия у царя, несмотря на большое доверие и расположение, которое он постоянно оказывал своему министру. Назначенный в 1671 г. полномочным послом в Польшу для заключения мира на условиях, не согласных с его убеждениями, Ордин-Нащокин подал в отставку и ушел в монастырь. Перед смертью он участвовал еще с успехом в переговорах о продлении Андрусовского перемирия в 1679 г.

Назначение на место Ордин-Нащокина А.С.Матвеева, сторонника сближения с Швецией и большого покровителя украинцев, придает уходу Ордин-Нащокина характер министерского кризиса, вызванного разногла-

сиями с иерхонией властью но коренным вопросам внешней политики.

Из других начальников Посольского приказа дипломатические способности проявил фаворит царевны Софии, князь Василий Васильевич Голицын. Кго искусству Россия была обязана заключением вечного мира с Речью 1 Иосполитой на условиях Лпдрусовского перемирия.

«Посольский обряд».

В XVI- -XVII веках оформился и московский «посольский обряд», т. е. внешние приемы дипломатических сношений, дипломатический уикет. Выработался он не сразу. В конце XV века определенного церемониала еще не существовало. Принимая Ионнеля на чайной аудиенции, Иван III о секретном деле говорил с послом, отойдя в сторону от присутствовавших бояр. Во время приема в Москве венецианского посла Контарини Иван III так увлекся в разговоре, что стал наступать на своего собеседника, который из уважения к великому князю пятился назад.

Московские дипломаты, попадая на Запад, внимательно присматривались к тамошнему дипломатическому церемониалу, учились и по-детски копировали существовавшие там порядки.

В 1489 г. Иван III посылал к германскому императору послом Юрия Траханиота. Из доклада Траханиота после его возвращения великому князю ссало известно, что ему была оказана «великая честь», что на аудиенциях император и сын его, король, «сами встречали его, сстунив с своего места ступени три - четыре, да руку подавали стоя», что император посадил Траханиота «против себя на скамейке близко». Когда с ответным посольством прибыл в Москву от императора Георг фон Турн, то Иван III принял его таким же образом, «сстунив с своего места, да подал ему руку, да велел ему сести на скамейке против себя».

I Юстенно, иногда на основании случайных наблюдений и прецедентов, и выработался в течение XVI века характерный для московской дипломатии очень сложный этикет. В основе этого этикета лежали, несомненно, западноевропейские образцы. Весь московский «посольский обряд» резко отличается и от восточного, и от византийского; но, перенесенный из Западной Европы, «обряд» в Москве утратил свою гибкость, принял закостенелые формы, оброс азиатскими условностями и не допускавшими изменения мелочами. В конечном итоге московские дипломаты уверовали, что созданный ими посольский чин и есть настоящий, общепризнанный порядок, которому подчиняются или должны подчиняться все государства. В 1654 г. послы царя Алексея заявили цесарским «думным людям», что они будут править посольством не так, как от них требуют, а «как в посольских обычаях ведетца», а «иных государств послы и посланники нам не в образец».

В представлении московских дипломатов все государства делились на ранги в зависимости от их политического значения. Далекое не каждого государя московский царь мог признать себе братом. Прежде чем вступить в дипломатические сношения с тем или иным государем, в Москве старались узнать, действительно ли он независимый правитель или «урядник» (вассал). Шведских королей из дома Ваза в Москве долгое время считали простыми «обдержателями» (регентами), недостойными сноситься непосредственно с самим царем, и требовали, чтобы сношения велись через новгородских наместников, против чего шведское правительство всячески протестовало. Иван IV и Сигизмунда-Августа попрекал, что он называет шведского короля братом: ведь он должен был бы знать, что дом Ваза происходит от простого водовоза. По договору 1687 г. курфюрст Бранденбургский обязался при приеме русских послов проявлять особую почтительность, так как московское правительство курфюрста ставило ниже короля. Еще в конце XVII века бранденбургские послы тщетно хлопотали о том, чтобы им в Москве оказывалась та же почесть, какую оказывают император и все короли.

Вне зависимости от ранга того или иного государства все сношения с иностранными державами строились на принципе охранения государевой «честь».

«Честь» эта выражалась в первую очередь в «именовании», т. е. в титуле. «Самое большое дело государскую честь остерегать; за государскую честь должно нам всем умереть. Прежде всего нужно оберегать государское именование. Начальное и главное дело государей чести остерегать». «Не только нам есть, но и на свет зреть не можем», - говорил во Франции в 1668 г. стольник П. И. Потемкин по поводу «прописки» в царском титуле, увидев в этом «великого государя нашего, его царского величества, в самом великом его государском деле страшное нарушение». Вопрос о титуле стоял всегда на первом месте. Настойчивость русских дипломатов в этом вопросе раздражала иностранцев, а иногда их придиричность и смешила. Но за отвлеченными спорами скрывались совершенно реальные соображения, поскольку титул выражал определенные права, и всякое умаление в титуле косвенно означало отказ от этих прав. Это отлично понимали и западноевропейские дипломаты, проявлявшие не меньшее упорство в вопросах титула. Их шокировала только грубость формы, в которой московская дипломатия отстаивала свои претензии.

«Государева честь» выражалась и в ряде мелочей, которые должны были обозначать более или менее высокое положение государей, представляемых послами. Московское правительство настаивало, чтобы грамоты к царю печатались обязательно большой печатью; представители царя должны были всегда требовать первого места, чтобы русских послов принимали по тому же обряду, как принимали иностранных послов в Москве, и т. д. Все это практиковалось и при западноевропейских дворах, но европейская дипломатия не могла никак отделаться от представления о «москоптах», как о варварах, и потому крайне нетерпимо относилась к их щепетильности в вопросах 'этикета.

Сношения с иностранными государями велись через посредство «послов великих», «легких послов» или посланников и «гонцов». Различие зависело отчасти от важности и цели посольства, отчасти от отдаленности от Москвы государства, куда отправлялись посольства. Чем выше был ранг посылаемого лица, тем больше была и сопровождавшая его свита, и тем труднее был ее проезд до места назначения. «К цесарскому величеству, - говорит Котошихин, - великие послы не посылаваны давно, потому что дальний проезд, через многие разные государства, и послам великим в дороге будет много шкод и убытков, а посылаются к цесарю посланники». I3 зависимости от важности посольства во главе его ехал боярин, окольный, стольник или человек меньшего чина.

Послы, какое бы звание они ни носили, получали от Посольского приказа наказ, в котором детально излагались инструкции, как поступать при посольстве, и даже что и как говорить. В последнем случае делалась, впрочем, оговорка: «А будет учнут спрашивать о иных каких делах, чего в сем великого государя наказе не написано, и им [послам] ответ держать, смотря по делу... а лишних речей не говорить». Неограниченных полномочий послы не получали и ничего решить не могли без сношений с Москвой; поэтому они обычно на всякое непредвиденное предложение отвечали: «и мы о том скажем его царскому величеству, как, бог даст, увидим его светлые очи». Послов посылали только для предварительных переговоров, «а закрепить нам договорные статьи без указа великого государя не можно», - говорили они.

Наказы подробно излагали и весь церемониал посольства. Послам запрещалось до аудиенции у государя вести какие-либо переговоры с министрами и даже бывать у них, «да и ни в которых христианских государствах того не бывает, что, не быв у того государя, к которому кто послан, наперед ходить и дела объявлять думным людям». Это условие вызывало обычно много споров, так как, несмотря на категорическое заявление московских дипломатов, предварительные встречи с руководителями внешней политики были в обычае, хотя бы в виде взаимной любезности. При первом же посольстве в Константинополе в 1496—1497 гг. произошло на этой почве недоразумение: паши (турецкие вельможи), желая сделать любезность московскому послу М.Б.Плещееву, пригласили его до аудиенции у султана на пир и хотели сделать ему подарки. Но Плещеев «от доброй чести и подчивания» отказался довольно грубо: «мне с пашами речи нет; я пашино платье не вздеваю и данных денег их не хочу, с салтаном мне говорити». Такие эпизоды происходили постоянно и в позднейшее время. Когда в 1668 г. П. И. Потемкин проезжал через Бордо, то представитель короля маркиз де Сен-Люк осведомился, делает ли ему посол ответный визит, если он его посетит. Потемкин ответил, что «по царскому указу он под страхом смерти не может посещать кого-либо, прежде чем представится королю», и, чтобы смягчить впечатление от отказа, послал маркизу собольи меха, но тот их не принял.

Другим требованием было, чтобы русский посол не представлялся государю одновременно с послами других государств и даже в один и тот же день с ними.

Далее следовали указания, как приветствовать иностранного государя. Московское правительство следило, чтобы послы не допускали никаких унижительных проявлений почтения. Послам, отправлявшимся к султану, давался наказ «поклон правити стоя, а па колени не садиться». В 1588 г. посол в Персии Васильчиков наотрез отказался от целования «шаховой ноги»: «я того и слухом не слыхал, что государя нашего послам и посланникам государей в ногу целовать». Не согласился он также, чтобы шах взял царскую грамоту, сидя верхом на лошади. В том и другом персы уступили. В Крыму московское правительство боролось против обычая ханских есаулов (чиновников) бросать перед послом свои посохи и требовать «пошлины» за переход через эти посохи.

Подобные столкновения происходили не только при восточных дворах. В 1614 г. гонцу «Ивану Фомину при «цесарском» дворе говорили, что его предшественники учились кланяться императору и на аудиенции преклонялись до земли. Фомин ответил, что «во всей вселенной у великих государей того не ведется, которые посланники и гонцы от великих государей к великим государям посылаемы бывают, что им до земли кланяться; подобает то делать подданным». Еще в 1654 г. посланника Баклановского «думные люди» императора германского спрашивали: «как вы будете у цесарского величества, какую ему честь вздадите и как учнете кланяться?» Баклановский ответил, что «учиться мы у думных людей не будем... Л буде предков великого государя нашего... посланники учились, и то они учинили простотою» (глупостью).

Следующим камнем преткновения был вопрос о том, как будет спрашивать иностранный государь о царском здоровье и снимет ли он шляпу при произнесении царского титула. В 1613 г. император, которому представлялся посланник царя Михаила Ушаков, «государеву имени маленько преклонялся, и шляпу сымал», а при отпуске «приказывал челобитье сидя». И в следующем году, когда гонец Фомин передавал императору поклон царя, то император, «сидя на месте, тронул у себя на голове шляпы немного, а против... царского именования не встал». Фомин сделал ему замечание, что он нарушает обычай. Император приказал гонцу продолжать говорить, но Фомин ответил, что ждет, когда император встанет и спросит о здоровье царя. Император велел сказать Фомину, что не помнит, вставали ли его предшественники, когда им передавались царские поклоны, и приказал Фомину идти к себе на квартиру и ждать указа. В данном случае, впрочем, поведение императора объяснялось тем, что Михаил Федорович еще не был признан им официально. В 1667 г., при приеме Потемкина, испанский король снял шляпу в ответ на его поклон, но стоял в шляпе, пока посланник приносил «царское именование». Потемкину разъяснили, что «как де вы, посланники царского величества, вошли в палату, и королевское величество снял шляпу в то время для брата своего, великого государя вашего... а не для вас посланников». По договору в 1687 г. курфюрст Бранденбургский обязался слушать именование и титул царя стоя, сняв шляпу, «с непокровенною головою» и принимать царскую грамоту своими руками и отдавать ее точно так же.

Порядок принятия царской грамоты и вручения ответной был одним из скользких дипломатических вопросов. Московское правительство требовало, чтобы иностранные государи делали это своеручно. Когда в 1614 г. император велел канцлеру взять грамоту у Фомина, то гонец отказался передать ее канцлеру и вручил ее самому императору. Длительный конфликт произошел в 1674 г., когда посланнику П. И. Потемкину император на аудиенции передал ответную грамоту не лично, а через одного из приближенных. На протест московского правительства последовал ответ, что при императорском дворе принято ответные грамоты отсылать прямо на квартиры к послам, и что в данном случае сделана была любезность в отношении московского посла.

При представлении иностранным государям послы говорили речи согласно полученному ими наказу, зорко следя, чтобы при произнесении царского титула государь встал. Речь произносилась, если можно так выразиться, коллективно: один член посольства начинал, другие продолжали. Первый посол, «вшед в палату», говорил, от кого и к кому прислано посольство, причем добросовестно перечислял все титулы обоих государей, держа в руках грамоту. На вопрос о здоровье московского государя отвечал второй член посольства: «как они поехали от великого государя царя..., и великий государь наш..., дал бог, [был] в добром здоровье». Затем третий член посольства говорил, что с ними прислана «любительная грамота». После вручения грамоты преподносились «любительные поминки» (по-

дарки) от царя, преимущественно меха, иногда ловчие птицы.

По возвращении послы представляли в Посольский приказ подробнейший отчет о своей поездке в виде дневника, в котором изо дня в день, по «статьям», излагалось все, что они делали, видели, говорили и слышали за границей. Эти так называемые «статейные списки» представляют громадный интерес не только для истории русской дипломатии, но и для пополнения наших знаний по истории тех государств, куда ездили русские послы. Впрочем, в той части, в которой излагался ход переговоров, в статейных списках кое-что приукрашивалось; иностранных государей заставляли говорить языком «холопов» московского государя, а собственные слова послов излагались в самом выгодном для них свете, «и те все речи, которые говорены, и которые не говорены, пишут они в статейных списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выставляючи свой разум па обманство, чтоб достать у царя себе честь и жалованье большое» (Котошихин).

Не менее сложен был ритуал приема иностранных послов в самой Москве. На границе послов встречал пристав, высланный навстречу воеводой пограничного города. Уже тут начинались местнические счеты. Обе стороны зорко следили за тем, кто раньше снимет шапку, и наблюдали за тем, чтобы не сделать лишнего шага навстречу друг другу и ехать «о высокую руку», т.е. с правой стороны, пускаясь на всевозможные хитрости, причем иностранцы бывали изобретательны не менее русских.

С момента вступления на русскую почву послы получали «корм» в значительном количестве. Достаточно сказать, что цесарскому послу Мей-ербергу, приезжавшему к Алексею Михайловичу, полагалось надень по 7 чарок вина двойного, по 2 кружки «ренского», по 2 кружки романи, по 11/2 ведра и 4 кружки различных сортов меду и по ведру пива и т. д. Содержание послов, тем более такое, по их собственному выражению, «изобильное», за счет государства; куда их посылали, было не в обычае в Европе и вызывало изумление; но качество продовольствия было невысокое, и на этой почве происходили часто недоразумения. В пути за снабжением посольства всем необходимым наблюдал приставленный к нему пристав. Со своей стороны и русские послы за границей пользовались всюду казенным содержанием и даже получали денежные субсидии на дорожные расходы, так как сумм, отпускаемых из приказа, обычно не хватало.

По дороге в Москву послов всюду встречали с почетом, но воеводы не должны были обмениваться с ними визитами, так как твердо держалось правило, что до царской аудиенции никакое должностное лицо не должно с ними видеться. Голландское посольство въезжало в Вологду в 1675 г. «при звуках труб и литавр», в сопровождении выехавших им навстречу дворян и немецких купцов. В течение всего пребывания оно пользовалось всевозможными знаками внимания со стороны воеводы, который, однако, по указанной причине был лишен возможности «беседовать» с самим послом, а виделся только с лицами из его свиты. Случалось, что по пути представители местного населения обращались к послам с просьбами о заступничестве перед местными властями, и такие ходатайства имели иногда успех.

За несколько верст не доезжая Москвы, посольство должно было остановиться в ожидании разрешения на въезд в столицу. В день, назначенный для въезда, из царской конюшни высылались возки или кареты и верховые лошади. Перед самой Москвой навстречу выезжали новые «московские» приставы. Начинались неизбежные споры и проволочки относительно того, посол или пристав первый выйдет из своей кареты или слезет с коня, и Герберштейн очень хвалится тем, что обманул москвича, сделав вид, что первый готов сойти с лошади. Затем читались от имени царя приветствия, и пристав садился в карету к послу, тоже предварительно посиорив, какое место в ней займет. В 1678 г. спор между польско-литовскими послами и приставами тянулся два часа: «шествие остановилось, доложили великому князю, и он... решил, чтоб два русских имели в середине поляка, во втором ряду два поляка - москвича и т. д.». С этого момента приставы, или «попечители», как их называли иностранцы, не отходили почти от своих опекаемых, заботились об их устройстве и снабжении, служили посредниками между ними и Посольским приказом и одновременно разведчиками, через которых московское правительство старалось узнать намерения послов и получить сведения об европейской ситуации. Приставы получали соответствующие инструкции из приказа, о чем говорить и как отвечать на те или иные вопросы.

Въезд послов в Москву происходил с большой пышностью, при большом стечении народа. Вдоль всего пути стояли конные служилые люди и боярские холопы в богатом вооружении, на роскошно убранных конях, и выстроена была пехота со знаменами и пушками. Вся эта обстановка должна была внушать послам представление о богатстве и могуществе московского царя.

Уже в XVI веке для помещения особенно часто приезжавших в Москву послов, крымских, ногайских и польско-литовских, существовали особые дворы; остальные располагались в частных домах. С начала XVII века в Китай-городе, на Ильинке, был устроен особый Посольский двор. Послов стремились изолировать, под предлогом охраны их личности к ним приставлялась стража, которая никого не пропускала к ним; не разрешалось им и выходить со двора. «Заперли передний двор, - рассказывает участвовавший в голштинском посольстве к царю Михаилу Олеарий, - и приставили 12 стрельцов с тем, чтобы до первого представления [царю] никто из нас не выходил из дому, и чтоб никто из посторонних не входил к нам; но приставы ежедневно посещали послов и справлялись, не нуждаются ли они в чем. Кроме того, в нашем дворе постоянно находился при нас русский переводчик, который распоряжался стрельцами для наших услуг и рассылал их за покупками разных вещей, потребных для нас». Но после аудиенции голштинским послам было объявлено, что им разрешено выходить из своего помещения, что город открыт для них, и что если они пожелают выехать куда-нибудь, то им пришлют лошадей.

В течение XVII века полутюремный режим послов в Москве постепенно был смягчен. Им разрешалось даже приглашать и самим посещать знакомых. Конечно, в отношении послов враждебных Москве держав продолжали принимать всяческие предосторожности.

В день аудиенции к послам являлись назначенные для того придворные со свитой. Опять возникал спор о том, где встретить этих посланников. Приставы настаивали на том, чтобы послы встречали их у подножья лестницы. Послы видели в этом умаление чести их государей и делали вид, что их задерживает то одно, то другое, и старались ухитриться встретить гостей посредине лестницы. Приставы поспешно передевались в нарядное казенное платье, чтобы сопровождать послов во дворец. Для послов подавали пять лошадей с царской конюшни или (в

XVII веке) царскую карсту. Шествие двигалось с большой торжественностью. Впереди шли стрельцы, затем следовали подарки царю - причудливые серебряные сосуды, кони, всякие «заморские диковинки». Перед послами секретарь посольства или кто-нибудь другой из их свиты вез, высоко подняв в руке, верительную грамоту, завернутую в камку (шелковая материя), затем уже ехали послы в сопровождении приставов. Вдоль пути опять выстраивались войска. Все улицы бывали усеяны народом, сбежавшимся поглазеть па пышную церемонию. Русские видели в этом многолюдстве, с одной стороны, проявление могущества их царя, а с другой - выражение уважения к послам. Потемкин в Париже, когда ехал на королевскую аудиенцию, обиделся, что на улице по этому случаю было мало народа.

О выезде с Посольского двора царь уведомлялся гонцами; и далее, по мере приближения процессии, все время давали знать во дворец, а из дворца делались распоряжения либо ускорить, либо задерживать шествие. В одном случае литовские послы сильно запоздали и заставили царя Ивана IV дожидаться, пока они дослушивали обедню «у своих ионов». Царь обиделся и тут же приговорил с боярами другой раз царю идти к обедне и заставить послов «дождаться того, как государю обедню отпоют». Это был вопрос не только такта, но и этикета. Послы слезали в некотором расстоянии от Красного крыльца. В 1566 г. литовский гонец захотел слезть у самой лестницы и пытался подъехать к ней «сильно», но стрельцы его не пустили, и царь не оказал ему никаких знаков внимания потому, что он «приехал на двор невежливо». И на лестнице и в покоях, через которые проходили послы, стояли дворяне, приказные люди и гости (купцы) «в золотом платье» и в меховых шапках и низшие чины в «чистом платье». Парадное «золотное» платье выдавалось по этому случаю из царских кладовых и по миновании надобности возвращалось обратно, причем в случае какого-либо изъяна неаккуратный придворный подвергался жестокому наказанию.

Во дворце послов встречали назначенные к тому бояре. В зависимости от политического значения государства, от которого приезжали послы, таких встреч бывало несколько (до трех). Прием происходил в различных палатах дворца - в Столовой, в одной из Золотых подписных, иногда в Грановитой. Царь принимал, сидя на престоле «в большом наряде», т. е. в кафтане из золотой парчи, в «шапке Мономаха», со скипетром в руке, иногда с «царским яблоком» в другой. Перед престолом стояли «рынды», молодые люди в белых кафтанах с серебряными топориками в руках. Вдоль стен сидели на лавках бояре в роскошных кафтанах и меховых «горлат-ных» шапках.

Послы представлялись в шляпах. Только во второй половине XVII века в Москве стали требовать, чтобы послы являлись с непокрытой головой. Из-за этого произошел конфликт с Швецией, окончившийся тем, что обе стороны обязались соблюдать один и тот же порядок представления послов с непокрытой головой. Точно так же и с Польшей договорились в 1671 г., чтобы послы являлись на аудиенцию без шапок. Другим требованием, которое сильно возмущало иностранцев, было, чтобы послы приходили во дворец без шпаг. По-видимому, это был порядок, заимствованный от татарских ханов. Послов «являл», т. е. представлял, один из окольных чин (второй думный чин после бояр). Посол «правил поклон», т. е. осведомлялся о здоровье царя, и произносил приветственную речь. В ответ царь вставал и спрашивал о здоровье государя, от имени которого прибыл посол; корону он при этом не снимал. Когда в 1658 г. царь Алексей спросил о здоровье венгерского короля, не сняв короны, то послы заявили протест. Им ответили, что царь принимал послов не в шляпе, а в венце, которого не снимают даже в церкви во время богослужения. После обмена взаимных приветствий посол вручал «верющую» (верительную) грамоту, которую принимал посольский дьяк. Затем царь допускал послов к руке. «Пока мы подходили, — описывает эту церемонию один из членов царского посольства к Алексею Михайловичу в 1661 г., — царь перенес скипетр из правой в левую руку и протянул нам правую для целования; князь Черкасский (двоюродный брат царя) поддерживал ее, а царский тесть Илья Милославский как и сторожил и кивал нам, чтобы кто-нибудь из нас не дотронулся до нее нечистыми руками». По окончании этой церемонии царь обмывал руку из стоявшего тут же серебряного рукомойника, что очень обижало иностранцев. «Точно обмывается для очищения», — говорил Поссевин. К целованию руки допускались только христиане. Мусульманским послам вместо этого царь клал руку на голову. После целования руки послам ставили скамейку против престола. Посидев немного, послы излагали в краткой речи цель своего приезда и «являли» подарки, привезенные царю. В 1692 г. среди подарков, привезенных персидскими послами, были живые лев и львица, которых доставили во дворец «порознь» в саних и во дворец, конечно, не вводили, а только подержали немного у Красного крыльца. В день аудиенции полагалось угощение послов царским обедом. В XVI веке царь обычно приглашал их к собственному столу. Ульфельд описал подробно парадный обед у Ивана IV в Александровской слободе. Во время обеда кушанья подавались на царский стол в разрезанном виде, и царь рассылал куски гостям, в том числе и членам посольства. Почтенный таким образом гость вставал и кланялся царю и на все четыре стороны, и как перемен кушаний весьма было много, так и вставать весьма часто должно было, ибо сколько раз подавано было оное, столько вставать надобно было, и то делалось 65 раз». Таким же образом следовало угощение медом, и, наконец, царь велел налить в кубок мальвазии (вино), отпил немного и в знак особой милости послал кубок Ульфельду, который со своей стороны, отведав, передал по очереди всем членам посольства, «дабы все чувствовали щедрость его и милость сердца». В XVII веке вместо парадного обеда угощение обычно непосредственно доставлялось на двор к послам. Па посольский двор приезжал один из придворных, и с ним приходило множество людей, несших кушанья. Накрыв стол скатертью, ставили серебряную посуду. Царский уполномоченный садился за главным концом стола и сажал послов рядом с собой. Угощение представлялось на серебряных блюдах, но прибор ставился только послам, так что Кленку, послу Голландских штатов, пришлось для всех остальных членов посольства велеть подать собственные тарелки. Во время обеда по определенному церемониалу произносились здравницы в честь царя и того государя, от имени которого правилось посольство.

Через несколько дней после торжественной аудиенции назначалась вторая в более скромной обстановке, во время которой царь сообщал послам, что, ознакомившись с содержанием «верющей» (верительной) грамоты, он назначил несколько бояр «в ответ», т. е. для переговоров с ними по всем поднятым ими вопросам. Затем их вели в так называемую «ответную палату» или в какую-нибудь другую, и начинались переговоры, нередко прерывавшиеся резкой перебранкой. Заседания происходили несколько раз, и по окончании их назначалась

последняя прощальная аудиенция. Если переговоры приводили к хорошему результату, царь на отпуске угощал послов медом. Обычно послы, выпив мед, клали за пазуху и сосуд, из которого пили; «для таких бессовестных послов деланы нарочно в Аглинской земле сосуды медные, посеребренные и позолоченные».

Наряду с приходом послов в Москву и посылкой послов из Москвы в «государства» очень часто дипломатические переговоры были предметом особых посольских съездов, обычно в пограничных городах. И здесь также очень много времени и сил уделялось вопросам местничества и этикета. Послы размещались в шатрах, и много споров возникало о том, в чьем шатре должны были происходить конференции. Иногда для равенства чести послы переговаривались из своих шатров, поставленных на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было слышать голоса. Бывали случаи, когда шатры ставились совсем рядом, и послы сидели за общим столом один конец которого находился в одном шатре, а другой - в другом, и тут вопрос уже шел о том, на чьей стороне была большая часть стола.

Договоры в изучаемый период утверждались по-прежнему присягой - «крестным целованием». Царь присягал в присутствии иностранных послов. Придворный протопоп после молебна читал «заклипательное письмо о содержании вечного покоя», за ним повторял слова царь, а «грамота до-кончальная в то время лежит под евангелием». По окончании чтения текста клятвы царь прикладывался к кресту, потом, взяв докончальную грамоту, отдавал ее послам. Исполняя со всей пунктуальностью требуемые обряды, цари так же внимательно наблюдали за исполнением их и противной стороной. Иван IV требовал, чтобы польский король при присяге прикладывался «в самый крест», а не «мимо креста, да и не носом», отчего магическая сила обряда терялась бы.

Утвержденный крестным целованием договор считался ненарушимым «во всех статьях, запятках и точках, безо всякого умаления... в целости». Форма договоров была заимствована из западноевропейских образцов.

До конца XVII века московские государи договоров не подписывали, а подписывали вместо них царское имя дьяки, потому что «цари и бояре ни к каким делам руки не прикладывают, для того устроены думные дьяки».

Существовавший ранее обычай скреплять договорные отношения брачными связями с иностранными дворами вышел в XVI веке из употребления. Последний случай относится к концу XV века, когда Иван III выдал свою дочь Елену за литовского великого князя Александра в расчете, что этот брак будет способствовать укреплению мира. Но к этому времени религиозная исключительность и нетерпимость настолько обострились, что брачные союзы становились фактически невозможными. Католическая церковь как условие такого брака требовала перехода православного в унию, а церковь православная не допускала и мысли об этом.

В XVI веке в Москве возникла мысль о создании в Ливонии вассального государства, государь которого был бы связан с московским царским домом брачным союзом. В этих целях Иван Грозный выдал за брата датского короля Магнуса свою племянницу Екатерину Владимировну, но муж ее изменил и перешел на сторону врагов царя. Для тех же целей готовил Борис Годунов сперва шведского королевича Густава, который, однако, в конечном итоге отказался от брака с дочерью царя Ксенией под предлогом нежелания принять православие. Затем Годунов прочил в женихи Ксении брата датского короля принца Иоанна, который в качестве будущего зятя уже находился в Москве, но умер. При Михаиле Федоровиче началось затяжное и скандальное дело о бракосочетании царевны Ирины Михайловны с датским принцем Вальдемаром. Принц приехал в Россию, но отказ его перейти в православие, а с другой стороны, признание русскими церковными авторитетами недопустимости того, чтобы королевич вошел в церковь для венчания «некрещеным», привели после долгих переговоров к разрыву. Вальдемар уже после смерти царя Михаила был выслан из Москвы. Это была в XVII веке последняя неудачная попытка прибегнуть к брачному союзу как средству укрепления международных связей.

Новые явления в дипломатии Московского государства XVII века

Вопросы, разрешавшиеся в XVI-XVII веках дипломатическим путем, были гораздо сложнее и разнообразнее, чем раньше. В их числе было много таких, которые до тех пор не входили в круг дипломатических сношений, как выдача политических преступников (например, самозванца Анку-динова), покупка боевых припасов, наем военных сил, заключение займов, разрешение закупки в России хлеба и т.д., В XVII веке московская дипломатия начинает активно интересоваться и внутренними делами иностранных держав, причем уже тогда усваивает себе роль блюстителя монархических начал в Европе. Так, правительство Алексея Михайловича порвало торговые сношения с Англией, в виде репрессии за казнь Карла I, за то, что англичане «всею землею учинили злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти», и отказывалось признавать Английскую республику; царь Алексей продолжал осведомляться о здоровье вдовы Карла I и оказывал денежную помощь ее сыну, претенденту на английский престол, будущему Карлу II. Так же недоброжелательно относилась московская дипломатия и к поддержке, которую оказывали короли французский и датский «мужикам» голландцам против английского короля. Ордин-Нащокин считал, что лучше соединиться всем государям Западной Европы, чтобы уничтожить все республики, которые суть «ничто иное, как места заблужения».

И в другом отношении московская дипломатия XVII века уже намечала пути царской дипломатии XVIII и XIX веков. В борьбе с Турцией она использовала естественную вражду покоренного турками православного населения против своих поработителей. В лице греков и славян, особенно духовенства этих народов, Москва имела преданных агентов, дававших ценную информацию. Устанавливались даже методы секретной переписки. В 1682 г. патриарх иерусалимский просил через русских посланников, приезжавших в Константинополь, чтобы государь приказал «писать к нему, патриарху, без имени и грамоты складывать малыя и печатать какою малою печатью, чтобы того никто не знал, и он-де таким же образом станет писать о великих делах, о которых потребно и государю надлежит ведать».

К XVII веку относится и начало борьбы с заграничной прессой в целях прекращения печатной пропаганды против царской России. Так, московское правительство протестовало перед Швецией против печатавшихся в Риге во время восстания Разина «авиз» (сообщений), в которых унижалось царское достоинство, «и такие полные лжи куранты [листки] распространялись подданными короля во всей Европе». Протестовало оно и против напечатанного в 1655 г. в Ревеле пасквиля на московских царей, в котором царь Иван Васильевич назван тираном, а сам Алексей Михайлович уподоблялся Герострату за то, что «своевольно тиранствовал в Ливонии». В договор с Речью Посполитой 1650 г. была внесена специальная статья об истреблении книг, отзывавшихся неблагоприятно о

Московском государстве; одним из поводов для расторжения мира с Польшей московская дипломатия выставляла напечатание «по королевскому и панов-рады велению» книг, в которых имеется «про... великих государей наших и московского государя, про бояр и про всяких чинов людей злые бесчестия и укоризны и хулы».

Осложнение и расширение дипломатических и торговых отношений Московского государства с государствами Западной Европы вызвало появление в Москве иностранных резидентов и агентов, представлявших интересы различных государств. Уже в 1585 г. упоминается английский резидент, функции которого приближались к консульским; с 1623 г. английские резиденты действуют непрерывно, за исключением времени разрыва дипломатических сношений с Англией в связи с образованием в ней республики. В конце 20-х годов появляются «датские прикащики». В 1631 г. Голландским штатам было разрешено иметь своего резидента, но этим правом они воспользовались только в 1678 г. С 1631 г. в Москве жили постоянно шведские агенты; польские были допущены в 1673 г., но действовали с перерывами. Попытки Франции в 1629 г. и Бранденбурга в 1676 г. завести своих резидентов в Москве не увенчались успехом. Официально резиденты назначались «для удобнейшего по делам изустно, нежели через почту донесения». В действительности помимо консульских обязанностей по защите торговых интересов своих соотечественников они выполняли функции шпионов и осведомителей. Шведскому резиденту поручалось следить за резидентами и посланниками других европейских государств, «со всем прилежанием наблюдать за происходящим при царском дворе» и обо всем доносить своему двору. Действительно, в донесениях шведских резидентов в XVII веке содержатся очень ценные для их правительства сведения о военных силах Московского государства, о торговле, о народных движениях и, наконец о борьбе придворных партий. Резидент Помме-ринг не ограничивался этим: он занимался и прямым подрывом зарождавшейся русской оружейной промышленности. В этих целях Поммеринг добивался выезда за границу иностранных специалистов, работавших на русских заводах. «Как эти уедут отсюда, - писал он в 1648 г., - тульский или другие русские горные заводы не в состоянии будут вредить горным заводам вашего королевского величества в Швеции, ибо я достал Петру Мар-ссису [содержателю тульских заводов] плохого кузнечного мастера...» Неудивительно поэтому, что московское правительство стремилось всячески избавиться от иностранных резидентов, неоднократно заявляя, что в мирное время им «быть не для чего». Само оно в течение XVII века только приступило к организации постоянных миссий за границей. Дело шло в первую очередь о тех двух государствах, с которыми Москва была наиболее связана, - о Швеции и Польше. В 1634 г. в качестве резидента был послан в Швецию крещеный немец Д.А. Францбеков, но пробыл в своей должности всего полтора года; после него только в 1700 г. был отправлен «на резиденцию» в Стокгольм князь Хилков. Вопрос о миссии в Речи Посполитой возник в 60-х годах XVII века и был решен в 1673 г. Первый русский резидент в Речи Посполитой Василий Тяпкин нес свои обязанности с 1673 до 1677 г. В 1660 г. англичанин Джон Гебдон был назначен «комис-сариусом» в Голландию и в Англию.

Отсутствие постоянных миссий за границей неблагоприятно отражалось на деятельности русской дипломатии, которая весьма слабо была осведомлена в иностранной политике. Отправленный в 1656 г. к венецианскому дожу Франциску Чемоданов по прибытии узнал, что этого «Францискуса волею божиею не стало, а после де его нынешний князь уже третий». Для пополнения этого пробела выписывались газеты, или «куранты», которые переводились в Посольском приказе. Этим курантам русские, по ироническому замечанию шведских дипломатов, верили, «как евангелию». Газетная информация, конечно, не заменяла информации дипломатической; отсюда ряд вопиющих ошибок, допущенных московскими дипломатами. Так, в 1687 г. поехал во Францию князь Яков Федорович Долгоруков с деликатной миссией предложить французскому королю Людовику XIV союз против Турции, с которой Франция в это время сама заключала союз.

Разнообразная дипломатическая деятельность должна была выработать у московских государственных деятелей известные навыки в сношениях с иностранцами. Сами иностранцы с раздражением отмечали выдающиеся природные дипломатические способности русских, они собирают вместе все тонкости закоснелого лукавства, чтобы провести иностранцев, - говорит автор описания посольства Мейерберга, - либо выдавая ложь за правду, либо умалчивая, о чем надобно сказать, и ослабляют обязательную силу всяких решений на совещаниях тысячь хитрых изворотов, дающих превратный толк, так что они совсем рушатся». Но вековая отсталость России сказалась и здесь, как и в других сторонах русской жизни XVII века. Отсутствие образования и точных знаний давало себя чувствовать во всех выступлениях московских дипломатов. Их приемы были часто весьма наивны. Лихачев, ездивший послом в 1658-1659 гг. во Флоренцию, с поразительным простодушием расспрашивал на аудиенции «грандуку» Фердинанда о том, не знает ли он, какое имел поручение от польского короля к Испании проезжавший через Флоренцию польский посол и «был ли с ним к тебе лист, и... в этом листу о чем к тебе писал?» Недостаток знаний московские дипломаты заменяли апломбом. Им ничего не стоило сослаться на несуществующие грамоты или заявить, что император Гонорий и Аркадий прислали корону первому московскому князю Владимиру. Когда же им указывали, что эти императоры жили за 600 лет до Владимира, они, не моргнув, утверждали, что были другие Гонорий и Аркадий, современники Владимира. Наконец, послы прибегали к обычному оружию слабых - к упрямству, сопровождавшемуся грубостью; это, конечно, производило неблагоприятное впечатление на иностранных дипломатов, которые по существу пользовались теми же приемами, но в более утонченной форме. Приближенные флорентийского «грандуки» внушали Лихачеву: «а про то б ведали посланники, что прочих держав послы, бывши во Флоренции, не бранились и не бесчестили, как они». Навстречу князю Долгорукову в 1687 г. в Дюнكيرхен (Дюнкерк) из Парижа был послан запрос, «не для упрямства ли какого приехали они, и не будут ли в чем воле королевского величества противны?».

Каковы были основные направления внешней политики Московского государства в XVII в.?
Дайте характеристику русским дипломатам XVII в. Что такое «посольский обряд»?
Назовите новые явления в дипломатии Московского государства в XVII в.

ТЕМА 19. ДИПЛОМАТИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В XVIII ВЕКЕ Война за испанское

наследство и начало упадка международно значения Франции.

Со второй половины царствования Людовика XIV начинается новый период дипломатической истории Европы, который был ознаменован постепенным усилением международной роли Англии в ее борьбе с Францией за первенство в грабеже колоний. Важнейшим этапом этой борьбы была война за испанское наследство. Она была начата как династическая война, но фактически превратилась в первое огромное столкновение между Францией и Англией за господство на море и в колониях.

Поводом к войне за испанское наследство (1701-1714 гг.) послужила смерть бездетного Карла II Испанского. Людовик XIV считал себя наследником испанских владений. Это было самое богатое из наследств, когда-либо существовавших. Дело шло не только о нарушении «политического равновесия» в пользу Франции, но фактически о мировой гегемонии Франции. Кроме самой Испании, «наследнику» - Людовику XIV - должны были достаться итальянские, нидерландские, а также многочисленные африканские и американские владения Испании.

Гще в 90-х годах XVII века Людовик вел переговоры с другими державами о дележе этого наследства. Англия и Голландия охотно выслушивали его предложения в расчете поживиться богатой добычей. Но у испанского короля оказался еще один наследник - австрийский эрцгерцог Карл, который приходился внуком испанскому королю Филиппу III. Людовик рассчитывал, заинтересовав Англию и Голландию, выступить с ними единым фронтом против притязаний Габсбургов и, таким образом, предотвратить возможную антифранцузскую коалицию. Послы Франции в Лондоне и Гааге убеждали англичан и голландцев в том, что вступление на престол Испании одних только Бурбонов или только Габсбургов нарушит равновесие. Французский посол в Вене настойчиво убеждал императора разделить Испанию «между претендентами во имя сохранения европейского мира. Французские дипломаты добились весьма существенных результатов. В 1698 и 1700 гг. были заключены два соглашения о разделе Испании—оба, само собой разумеется, втайне от самого испанского короля Карла II. Можно легко себе представить его негодование, когда он узнал, что делалось за его спиной. Вначале Карл, в пику Франции и Империи, решил облагодетельствовать своим наследством дальнего «бедного родственника» - курфюрста Баварского. Но тот, семилетний мальчик, внезапно и по неизвестной причине умер. Тогда Карл II решил передать все наследство, но обязательно целиком, французскому принцу: он правильно рассчитывал, что французский принц во главе нерасчлененной Испании лучше, чем раздел страны. К этому решению короля толкали французская дипломатия и сами испанцы, ибо, говорит Минье, «национальная партия ненавидела австрийцев, потому что они уже давно находились в Испании, и любила французов, потому что они еще не вступали в Испанию». 2 октября 1700 г. Карл II, посоветовавшись со своим духовником, богословами, юристами и самим папой, подписал завещание, которое передавало после его смерти Испанию со всеми ее владениями в Старом и Новом Свете внуку Людовика XIV герцогу Филиппу Анжуйскому. 1 ноября того же года король умер. Людовик XIV оказался перед двумя возможностями, созданными его собственной дипломатией и прямо противоположными друг другу. Принятие наследства означало войну почти со всей Европой. Непринятие его и верность договорам о разделе, заключенным с Англией, Голландией и императором, могли вызвать войну с Испанией, не желавшей, естественно, подвергнуться разделу. В конце концов взяло верх честолюбие короля и его главных советников, среди которых уже не было крупных людей первой половины царствования. Слова испанского посла при французском дворе, будто «Пиренеи почти уже развалились», были подхвачены и приписаны самому Людовику XIV; король будто бы сказал: «Нет больше Пиренеев!». Ни Англия, ни Голландия не были намерены воевать с королем французским, предпочитая мир опасностям войны и нарушению торговли. Они довольствовались торжественным обещанием Людовика XIV, что Испания никогда не будет соединена с Францией. Но последующее поведение французского правительства как будто подтверждало самые худшие предположения. В начале 1701 г. Людовик XIV особой грамотой признал права Филиппа V на французский престол, ввел французские гарнизоны в крепости нидерландских провинций Испании и приказал испанским губернаторам и вице-королям повиноваться ему как своему государю. Странники войны в Нидерландах и в Англии подняли вопль, упрекая Людовика XIV в том, что он добился у них согласия на предоставление ему части наследства, а на самом деле захватил его полностью. Вильгельм стал распускать слухи, что Людовик XIV намеревается вмешаться в английские дела в пользу только что изгнанных из Англии Стюартов. Людовик XIV со своей стороны, казалось, прилагал все усилия для того, чтобы сделать эти слухи правдоподобными. Он навестил умиравшего во Франции бывшего английского короля Якова II и дал ему торжественное обещание, что признает за его сыном королевский титул, вопреки собственному, за несколько лет до этого, официальному признанию королем Вильгельма III. Узнав об этом, палата общин вотировала субсидии на войну. Наиболее воинственно был в это время настроен император. Международная обстановка казалась ему чрезвычайно благоприятной для нанесения решительного удара Бурбонам, вековым врагам дома Габсбургов. Незадолго до этого он заключил мир с иурками (в Карловичах в 1699 г.). Его дипломатическая агитация среди германских князей, раздраженных хозяйничанием французов в Германии, тоже увенчалась успехом: они изъявили готовность помочь императору. Положительный ответ дали также Дания и Швеция; они боялись гегемонии Франции еще со времен Вестфальского мира. Впрочем, начавшаяся почти одновременно с войной за испанское наследство Великая Северная война отвлекла их силы на северо-восток, и никакой помощи от них император не получал.

Дела в Европе принимали неблагоприятный для Франции оборот. Снова была восстановлена коалиция 80-х годов XVII века, когда против Франции была почти вся Европа. Начавшаяся весной 1701 г. война была неудачна для Франции. Она кипела на четырех фронтах сразу: в Италии, Испании, Нидерландах и в прирейнской Германии. За сомнительными успехами Франции в первый ее период (1702-1704 гг.) последовали годы поражений и тяжелых неудач. Истощенная прежними войнами, страна голодала в ути годы (1704-1710 гг.) и восстаниями камизаров - протестантов Севеннских гор - выражала свое крайнее негодование. В последний период (1710-1714 гг.) французам удалось несколько поправить военные дела. Это позволило Людовику XIV заключить не слишком унижительный для Франции мир.

Вторая половина царствования «короля-солнца» была вообще бедна выдающимися людьми и военными талантами. Живые силы страны стояли вне официальных кругов начавшей дряхлеть блестящей монархии.

Между тем на стороне ее противников были выдающиеся дипломаты и генералы: Вильгельм III Оранский, Мальборо и даровитый австрийский полководец принц Евгений Савойский. Людовик XIV мечтал только об одном, как бы выйти из войны с не совсем ошипанными перьями..

И Юмогли разногласия и противоречия в среде его врагов. Дипломаты Людовика XIV почти после каждой кампании пытались завязать сношения с голландцами, убеждая их в том, что англичане собираются захватить Ост- и Вест-Индию, а Габсбурги, завладев Испанией, хотят восстановить империю Карла V и ее былую гегемонию в Европе. Голландцам нужно было лишь обезопасить себя со стороны Франции и продолжать свои торговые дела; поэтому они добивались только выгодных торговых договоров и установления так называемого «барьера», т. е. права держать гарнизоны в нынешней Бельгии, принадлежавшей тогда Испании. В общем они не склонны были к дорого стоившему ведению войны.

Англичане каперствовали в это время на море, успели захватить ключ к Средиземному морю - Гибралтар (1704 г.) - и навязали Португалии торговый договор (Метуэнский, 1703 г.), который подчинил Португалию Англии в экономическом отношении. На основании договора англичане получили право беспощинного ввоза в Португалию своих мануфактурных изделий, которые затем потоком контрабанды полились и в Испанию. В Америке бостонские и нью-йоркские колонисты захватывали одну за другой области новой Франции. Но главные расходы войны падали на Англию; в Англии тоже крепили мирные настроения. Выборы 1710 г. дали то-рийское большинство, враждебное войне: героя многих кампаний Мальборо обвинили в казнокрадстве, что было правдой. В 1711 г. (апрель) умер император Иосиф I, и на престол был избран младший его брат Карл, претендент на испанский трон. При этих условиях угроза восстановления империи Карла V и нового расцвета Средней Европы (Германии и Италии), за счет которой выросли и Англия и Голландия, стала казаться вполне реальной. Империя, казалось, снова готова была восстать из гроба, заколоченного Вестфальским миром. К 1710 г. ставленнику французов Филиппу V Испанскому удалось, наконец, утвердиться в своем новом отечестве: кампании 1711 и 1712 гг. не привели к победе союзников, и англичане первые протянули французам руку мира истинно по-английски, т. е. за спиной у своих союзников. Еще с января 1711 г. во Францию явился тайный агент английского правительства, предложивший заключить сепаратный мир без голландцев, «которые потеряли благорасположение короля». Предложение было принято, и дальнейшие переговоры велись настолько тайно, что в них не хотели посвящать даже английских дипломатов. Английские требования привез во Францию поэт Прайарс запиской, которая была помечена самой королевой Анной. В октябре изумленные союзники Англии, голландцы и немцы, прочли об условиях мира между Англией и Францией, смутно догадываясь о касавшихся их самих пунктах, которые, конечно, не были опубликованы.

Утрехтский мир.

В феврале 1712 г. был созван конгресс в Утрехте, на котором были подписаны мирные договоры - Утрехтский - 11 апреля 1713 г. и Раштадт-ский - 1714 г. Оба договора имели огромное значение в истории Европы ХУШ века.

Бурбонам было дозволено остаться в Испании, но с условием, что король испанский никогда не будет одновременно королем французским. За это Испания должна была уступить: 1) Габсбургам - Неаполитанское королевство, Сардинию, часть Тосканы, Миланское герцогство и испанские Нидерланды; 2) курфюрсту Бранденбургскому - испанский Гельдерн (в Нидерландах); 3) герцогу Савойекому - Сицилию; 4) Англии - Гибралтар, укрепленный пункт на острове Минорке; Англия же приобрела гнусное «асиенто», т.е. предоставленное английской компании исключительное право торговли неграми. Франция поплатилась небольшими отрезками территории в пользу Габсбургов В.Нидерландах, вывела свои войска из Лотарингии и уступила незначительные земли на юге герцогу Савойекому.

Наибольшие потери Франция понесла в Америке. Здесь ей пришлось отдать земли вокруг Гудронова залива, Ньюфаундленд и Л кадию, т. е. земли к северу от реки св. Лаврентия, заселявшиеся французскими колонистами еще сначала ХVII века. Это было прологом к ликвидации французских владений в Северной Америке. Для Англии наступал период полного ее преобладания па море.

Французская дипломатия при Людовике XV.

Царствование преемника Людовика XIV является началом полного разложения французского абсолютизма и неудач его внешней политики. Три войны, в которых Людовик XV принимал участие, - война за польское наследство (1733-1735 гг.), война за австрийское наследство (1740-1748 гг.), Семилетняя война (1756-1763 гг.), не были в такой мере необходимы для Франции, чтобы нельзя было их избежать: они получили поэтому название «войн роскоши». С точки зрения интересов усиливающейся буржуазии, эти войны были явно вредны. Вместо того чтобы сосредоточить свое внимание на защите французских колоний в Америке, Людовик XV дал втянуть себя в ряд континентальных войн, ослаблявших Францию. Результатом этого были потери американских колоний (Канады и Луизианы), которые перешли к англичанам и испанцам, и полный провал французской политики в Индии, которая в итоге деятельности знаменитого французского предпринимателя и организатора Жана Дюпле чуть было не стала французской.

У Франции этого времени не было недостатка в способных министрах и дипломатах (Вержен, Шуазель, д'Аржансон), но и самый талантливый дипломат не мог сделать хорошей дурную политику своего правительства.

Война за польское наследство.

В начале первой половины ХVIII века Россия, усилившаяся за счет Турции, I Юльши и Швеции, искала союза с Францией.

Но французское правительство боялось потерять своих старых друзей, какими были эти три государства, и Россия пошла на сближение с Австрией. Когда умер курфюрст саксонский, он же король польский Август II, Россия и Австрия поддержали кандидатуру его сына Августа III на польский престол, тогда как Франция выставила в качестве кандидата Станислава Лещинского, который и раньше был королем, но был свергнут с престола. Политика французского двора объяснялась тем, что Людовик XV был женат на дочери Станислава

Марии. «Его величество, - писал д'Аржансон, - женился на простой девице, и было необходимо, чтобы королева стала дочерью короля». Так война, которую собиралась навлечь на себя Франция поддержкой кандидатуры Лещинского на польский трон, имела своим основанием королевское тщеславие.

Французский посол в Варшаве Монти истратил 3 миллиона ливров на то, чтобы расположить поляков в пользу Лещинского. Чтобы отвлечь внимание русских и австрийцев, некий кавалер Тиаид, выдав себя за Лещипекого, с большой помпой высадился в Бресте и направился к Балтике; в это же время настоящий Лещинский тайком пробирался в Варшаву, переодетый коммивояжером. Однако польские шляхтичи, получив французские деньги, быстро разошлись по домам и не выказали большой охоты сражаться с Россией и Австрией за честь королевы французской, тем более что против Лещинского довольно сильна была партия и в самой Польше. Россия была недосаждаема для Франции, и французское правительство впервые получило предметный урок, как опасно для него пренебрегать русской дружбой. Франция попыталась натравить на Россию Швецию и Турцию, но встретила с их отказом. Пришлось защищать несчастного Лещинского собственными силами. Но флот, направленный к Данцигу, был обращен в бегство русскими кораблями, а французский десант взят в плен и отправлен в Петербург. Тогда Людовик XV, до которого дошли слухи, что русская царица попрежнему благоволит к Франции, отправил в Россию тайного посла, некоего аббата Ланглуа под именем Бернардони, чтобы предложить Анне Ивановне признать королем польским Станислава Лещинского. Аббат с величайшими затруднениями, постоянно меняя платье и скрываясь, добрался, наконец, до Петербурга; но его скоро оттуда выпроводили. Предоставленная собственным силам, Польша должна была согласиться на требование Австрии и России (1735 г.).

«Секрет короля».

Личное влияние короля Людовика XV стало сказываться после 1743 г., когда он сам взялся за дела. Результатом этого была прежде всего резкая перемена курса политики по отношению к Германии. Вместо традиционной борьбы с Габсбургами и поддержки протестантских князей, к середине 50-х годов XVIII века, т. е. к началу Семилетней войны, Людовик XV круто повернул в сторону Австрии, против Пруссии и ее короля Фридриха II. Сам по себе этот поворот не был вреден для Франции. Наоборот, он освобождал Францию от традиционной угрозы со стороны ее исконного врага Габсбурга и мог бы развязать ей руки для борьбы с Англией за господство на море и в колониях, но Людовик XV был возмущен «коварной» политикой Фридриха II. В январе 1756 г. прусский король внезапно заключил договор с Англией о защите ганноверских владений. Точнее сказать, Фридрих был взят на работу английским королем Георгом II для защиты фамильных владений английской династии (английские короли по происхождению были ганноверскими курфюрстами). Людовик XV ввязался в абсолютно ненужную войну на континенте с той целью, чтобы помочь императрице Марии-Терезии отвоевать у Фридриха II Силезию, захваченную им во время войны за австрийское наследство (1740-1748 гг.). Результаты для Франции были самые плачевные. Силезия осталась за Фридрихом II, а Франция была разбита на море и в колониях. Французская Америка и Индия попали в руки англичан (1763 г.).

Все это было результатом личной политики Людовика XV.

Король в такой мере не доверял окружающим, боясь их воздействия на свою волю, и до такой степени презирал своих министров, что создал особый тайный кабинет, во главе которого с 1743 г. стоял принц Конти. Это был своего рода заговор короля против своих собственных министров. Король, помимо официальных послов, имел в других государствах собственных тайных агентов, с которыми переписывался через голову своих министров. В числе этих тайных агентов были такие выдающиеся дипломаты, как граф Броулли, Бретейль и Вержен. Часто по приказу короля они вели политику, прямо противоположную той, которую проводил официальный представитель французского правительства, и, несмотря на все свое искусство, в конце концов принуждены бывали делать глупости. Королю нравилось водить за нос своих министров, не посвящая их в «секрет короля», а то, что от такой дважды тайной политики страдает Франция, Людовика XV тревожило мало.

1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ В XVIII ВЕКЕ

В XVIII веке Англия, после двух революций окончательно сформировавшая свой политический строй, ведет планомерную политику расширения торговли и колоний. Островное положение Англии оберегает ее от нападений со стороны Европы. Поэтому все свои усилия она направляет на заморские предприятия, ограничиваясь в Европе политическими комбинациями, о которых Бисмарк впоследствии сказал: «Политика Англии всегда заключалась в том, чтобы найти такого дурака в Европе, который своими боками защищал бы английские интересы». Это была политика найма «друзей» и натравливания их на своего главного врага, каким в XVIII веке для Англии стала Франция.

XVIII век - время, которое создало великую Английскую империю, - был временем ожесточенного поединка за эту империю между Францией и Англией. В течение XVI века Англия нанесла смертельный удар Испании; в XVII веке она победила Голландию, которая в XVIII веке стала уступать Англии и в торговом отношении. Но существовала еще Франция - величайшая держава континента, которая приобрела в XVII веке огромные территории в Америке и протягивала руки к Индии. Французы утвердились, далее, на Антильских островах. В середине века Франция явно начинала наступать на Англию и грозила вырвать у нее гегемонию на море. Французский министр Машо (1745-1757 гг.), желая поддержать отечественное мореходство, повысил пошлины с иностранных кораблей до 5 ливров с тонны. В начале 50-х годов XVIII века Франция усиленно строила военный флот и пополняла арсеналы вооружением: в 1756 г. французский флот почти равнялся английскому. В первую половину XVIII века в английском парламенте господствовала партия вигов; эта партия не желала осложнять капиталистическое преуспевание страны внешними конфликтами. «Если придут французы, платить им я буду, податься - покорно благодарю!» - таков был лозунг этого времени. Однако французские успехи скоро вызвали возбуждение в господствующем классе Англии. Пора мирных отношений с беспокойным соседом миновала. Вдохновителем непримиримой борьбы против

Франции стал Уильям Питт Старший.

Питт Старший.

Властный, суровый и решительный политик, который ставил превыше всего могущество Англии и ее власть над морями, Питт воспользовался тем, что Франция нелепой политикой своего короля была втянута в так называемую Семилетнюю войну (1756-1763 гг.) на стороне Австрии, России, Швеции и Саксонии против Фридриха II Прусского. Как истый представитель английских моряков, торговцев и колонизаторов, Питт решил сокрушить колониальную и морскую мощь Франции. Он энергично поддержал Фридриха II, предоставив ему очень большую субсидию. Одновременно он блокировал французские берега, бомбардировал порты и разрушал доки. Главное же внимание Питт обратил на колонии. Он вооружил английских колонистов в Северной Америке, и скоро при их помощи была завоевана вся страна, занятая до сих пор французами, т. е. Канада. При заключении мира в Париже в 1763 г. Англия закрепила за собой Канаду и все земли к востоку от Миссисипи (Луизиану). Испания уступила ей Флориду. Незадолго до этого было покончено и с ост-индскими владениями Франции.

Политика Англии в Индии.

Огромная страна - Индия - в XVII веке была объединена мусульманскими султанами, так называемыми Великими Моголами.

К началу XVIII века это единство распалось, и страна сделалась добычей европейских завоевателей. Сперва здесь имели перевес французы (в 40-х годах), но французское правительство не поддержало своих колонизаторов. Одного из них, Лабурдоннса, посадили в Бастилию, другого, Жана Дюпле, энергичного и талантливого организатора, в самый разгар его предприятий отозвали и отдали под суд. Его преемник Лалли остался без поддержки в борьбе против англичан. Когда он был разбит, его отправили на эшафот. Словом, правительство Людовика XV осталось верным себе, - безрассудным. Напротив, английская Ост-Индская компания успешно действовала в Индии как представитель государства, встречая полную поддержку со стороны своего правительства. Особенно прославился своими победами Клайв, приказчик Ост-Индской компании, ставший впоследствии лордом. Англичане захватили крупнейшие пункты торговли на обоих побережьях Индостана (Бомбей, Мадрас, Калькутта в устье Ганга). Местные князьки (раджи и султаны) сохраняли свою власть, но компания брала у них на откуп сбор податей, которые затем нещадно выколачивались у населения. Доходы раджей зависели, таким образом, от деятельности компании. Раджи сделались пайщиками и соучастниками эксплуатации страны компанией, которая крепко держала их в руках благодаря неслыханным барышам от откупов и торговли.

2. ГЕРМАНИЯ XVIII ВЕКА. АВСТРО-ПРУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

Война за австрийское наследство. Фридрих II как дипломат.

В XVIII веке господствующий класс в Англии имел уже в своем распоряжении колоссальные средства: он мог покупать себе повсюду союзников, готовых отстаивать своими боками английские интересы. Это было тем легче, что в Европе не было недостатка в желающих продать за почтенную сумму. Страной, которая кишела государями, согласными служить за деньги чужим интересам, по преимуществу стала Германия. Политически окончательно распавшаяся после Тридцатилетней войны, Германия представляла жалкое зрелище в XVII-XVIII веках. В ней было, по выражению самих немцев, столько государств, сколько дней в году. В действительности их было еще больше. Так, владения так называемых имперских рыцарей, т. е. мелких сеньоров, подчинявшихся непосредственно императору - а их было больше тысячи - были тоже фактически независимыми государствами: власть императора вне наследственных земель Габсбургов давно свелась к нулю. Вся эта коронованная мелочь влачила довольно жалкое существование и, постоянно нуждаясь в деньгах, придумала особый способ обогащения. Мелкие князья Германии, получившие по Вестфальскому миру (1648 г.) право вести самостоятельную политику, занимались тем, что за субсидии уступали свои армии любому, кто готов был дать за это деньги. Происходила самая бесстыдная продажа солдат, а вместе с ними и своей родины. За одну только половину столетия немецкие князья зарабатывали таким путем не менее 137 миллионов ливров от Франции и 46,5 миллиона фунтов стерлингов от Англии. Дело это оказалось настолько прибыльным, что немецкие князья учиняли настоящие облавы на подданных, забирая их в солдаты, а затем продавая их целыми армиями своим богатым союзникам. Так, ландграф Гессенский для усмирения восставших против Англии американцев продал Англии 17-тысячную армию; за это он получил, кроме вознаграждения за убитых и раненых, 2 800 тысяч фунтов стерлингов. Четыре других менее крупных немецких княжества в 70-х годах XVIII века за 5 лет таким же путем заработали до 33 миллионов талеров.

Среди этого политического хаоса в Германии постепенно выделяются два действительно крупных государства: Австрия и Пруссия. В XVII и XVIII веках быстрое расширение Пруссии и превращение ее в великую державу составляет важнейший факт истории Восточной Европы. Ядром этого государства было курфюршество Бранденбургское, которое попало в начале XV века в руки дома Гогенцоллернов. В начале XVII века к Бранденбургу была присоединена Пруссия, т. е. бывшие земли Тевтонского ордена, принадлежавшие другой ветви тех же Гогенцоллернов. Со времени Фридриха-Вильгельма I, так называемого «великого курфюрста» (1640-1688 гг.), Бранденбург - Пруссия начинает играть уже значительную роль в международных событиях. С этого же времени Пруссия становится соперником Австрии в пределах Германии. Пруссия была типичной военно-крепостнической державой. Ее господствующий класс - дворянство - жил эксплуатацией барщинного труда крестьян, прикрепленных к поместью, продукты которого сбывались на рынках капиталистически развивающейся Западной Европы. Курфюрсты бранденбургские, впоследствии прусские короли, сами были крупнейшими помещиками. Необходимость охраны речных торговых путей и постоянной борьбы с соседями, в

первую очередь с Швецией, за овладение побережьем Балтики, через которую хлеб и другое сельскохозяйственное сырье сбывалось за границу, превратила Пруссию в военную державу. Прусские короли были под стать своим юнкерам, как называли здесь дворян. Жадные скопидомы, беззастенчивые во внешней политике, они, пользуясь благоприятным моментом, за счет владений соседних князей увеличивали территорию Пруссии. Фридриху II (1740-1786 гг.) принадлежат наибольшие успехи в деле расширения своего государства.

Фридрих начал свое царствование с того, что, вопреки данному его предшественником обещанию признать наследницей австрийского престола дочь Карла VI Марию-Терезию, потребовал от нее за такое признание богатую и промышленную Силезию. Когда Мария-Терезия ему отказала, он вступил в антиавстрийскую коалицию (война за австрийское наследство 1740-1748 гг.) и захватил Силезию. «Не говорите мне о величии души!» - сказал Фридрих по этому поводу одному английскому дипломату. - Государь должен иметь в виду только свои выгоды». Когда Франция, ведя свою традиционную политику против Габсбургов, решила использовать затруднительное положение Марии-Терезии, Фридрих II дал заверение французскому послу в том, что «поделится с Францией, если останется в выигрыше». Результатом этого было соглашение Франции, Испании, Баварии и Пруссии о разделе австрийского наследства. В то время как французы вели свои войны в Германии и «работали на прусского короля» («pour le roi de Prusse»), сам прусский король уже заключил тайное соглашение с Марией-Терезией. Он обещал ей никогда не требовать ничего другого, кроме Нижней Силезии с городами Бреславлем и Нейсе; для того же, чтобы продемонстрировать свою верность союзникам, он договорился с Марией-Терезией, что будет для видимости две недели осаждать Нейсе, а затем город сдастся. Впоследствии Фридрих утверждал, что поступил так потому, что Франция-де стремится к разложению Германии, а он, Фридрих, по этой причине решил «спасти» Марию-Терезию. Когда австрийцы, освободившись от самого опасного врага, прижали франко-баварские войска, Фридрих II прислал им на помощь... один гусарский полк. Одновременно он добился от курфюрста Карла-Альберта Баварского, избранного под давлением французов императором, согласия на присоединение к Пруссии Верхней Силезии, фактически принадлежавшей той же Австрии. Понимая, что австрийцы добровольно не уступят ему этой области, Фридрих круто повернул фронт против австрийцев и разбил их при Чаславе, затем при поддержке англичан получил всю Силезию. Когда все эти махинации Фридриха II стали известны в Париже, негодованию не было предела. «Друг» короля Вольтер, который не совсем понимал, что произошло, и поздравлял Фридриха с успехом, принужден был публично отречься от поздравительного письма, чтобы не попасть в Бастилию.

Нет необходимости следить за дальнейшими перипетиями войны. Аа-хенский мир 1748 г. окончательно отдал Силезию в руки Фридриха II. Мария-Терезия была вне себя от ярости. Она заявила английскому послу, который имел неосторожность поздравить ее с миром, что скоро надеется вернуть свое, «хотя бы ей пришлось отдать на это последнюю юбку». Для нее было ясно, что отныне самым опасным соперником Австрии в германских делах была Пруссия, которая стала великой державой Европы. Марии-Терезии удалось создать против Фридриха II коалицию, в которую вошли Франция и Россия. После этого против Пруссии начата была так называемая «Семилетняя война» (1756-1763 гг.).

Семилетняя война и дипломатия Фридриха II.

Семилетняя война была последним общеевропейским конфликтом, который имел тит Фридриха II место перед Великой буржуазной революцией во Франции. В этом конфликте наметились те противоречия и та расстановка международных сил, которые определились вполне во время революции; после этого они существовали в течение значительной части XIX века. Во-первых, в новую фазу вступила англо-французская борьба за колонии и за мировое господство. Во-вторых, соперничество Австрии и Пруссии из-за гегемонии в Германии приобрело особую остроту. Эти два главных противоречия и лежали в основе всего конфликта. Одновременно исчез вековой антагонизм между Францией и Австрией - между Бурбонами и Габсбургами. Он превратился в свою противоположность - франко-австрийский союз. Наконец, в европейский конфликт энергично вмешалась Российская империя. Это явилось характернейшим новым моментом, который свидетельствовал о неуклонно возрастающем удельном весе России и о росте ее международного влияния.

Французы недаром называют период со второй половины XVII века до наполеоновских войн включительно «второй Столетней войной». Как и в первой Столетней войне (1338-1453 гг.), Англия и Франция боролись за первенство в мире. Но в XVII веке мир был гораздо более широк, чем в XIV, когда фактически он еще ограничивался одной Европой. Быстро развивающаяся капиталистическая Англия ревниво наблюдала за успехами французского агента Дюпльс в Индии и захватами Франции в Америке. Торговый флаг Англии в это время стал развеиваться во всем мире; ее колонисты в Северной Америке исчислялись сотнями тысяч, тогда как французов там было не более 30 тысяч. Со времени войны за испанское наследство Англия вела скрытую войну с Францией. В 50-х годах ее корабли стали открыто охотиться за французскими торговыми судами: в 1755 г. в течение одного месяца они захватили 300 судов с 8 тысячами человек экипажа. Когда Людовик XV заявил протест и довольно нерешительно потребовал наказания виновных, англичане в ответ захватили два французских фрегата. Людовику XV пришлось начать войну.

Напряженные отношения между Австрией и Пруссией не прекращались со времени войны за австрийское наследство. Мария-Терезия деятельно готовилась к новой войне. Австрия, Пруссия, Франция, Англия - все вели энергичную дипломатическую работу, запасаясь союзниками. В результате в конфликт была вовлечена почти вся Европа.

Неожиданный для всей Европы союз двух старых соперников - Франции и Австрии - и выступление Франции против своего старого союзника - Пруссии - осуществились следующим образом.

Англия со времени «второй Столетней войны» поддерживала в Европе монархию Габсбургов как соперницу Франции. С XVIII века эта политика стала вдвойне необходимой, так как Англии приходилось защищать от французов на континенте Ганновер - фамильное владение новой английской династии. Но со

времени войны за австрийское наследство англичанам стало ясно, что на континенте появилась новая военная держава: это была Пруссия, которая наряду с Россией и Австрией непрочь была получать английские субсидии. Так как Мария-Терезия требовала слишком большую сумму за защиту Ганновера и было мало надежды, что, занятая войной за Силезию, она сможет эту защиту осуществить, англичане отказались ей платить (1755 г.) и попробовали «нанять» Фридриха II. Гот согласился с тем большей охотой, что это спасало его от возможной диверсии со стороны России. Кроме этого, Фридрих надеялся, что его дипломатического искусства хватит на то, чтобы договор, фактически направленный против Франции, не поссорил его с французами.

В России были не на шутку встревожены успехами Фридриха II. Канцлер Бестужев занял решительную позицию против Пруссии, находя ее опасной для России («по причине ее соседства и увеличения ее могущества»). Так как протестантская Германия, а в частности Пруссия, находилась в дружественных отношениях с Францией, врагом Англии и Австрии, то Бестужев в 1755 г. заключил с английским послом Вильямсом договор. По нему Россия, нанявшись к Англии, обязывалась за 500 тысяч фунтов единовременно и 100 тысяч ежегодной субсидии выставить против врагов Англии на континенте 80-тысячную армию. В качестве врага, естественно, подразумевалась Пруссия.

Нанимая Фридриха II, англичане считали, что Австрия и так будет воевать против Франции: таким образом, Англии удастся по дешевой цене получить коалицию из России, Австрии и Пруссии, которая сокрушит Людовика XV на континенте. В то же время она сама будет захватывать французские колонии. Фридрих, заключая договор с англичанами, думал, что, войдя в компанию с англичанами и русскими, он обезопасит себя от нападения со стороны России. Что же касается своего «друга» Франции, то он рассчитывал выступить посредником в англо-французском споре и заработать таким путем благоволение Франции, не порывая с Англией. К тому же он тяготился презрительно-высокомерным покровительством Людовика XV и считал, что самому ему пора проявить «самостоятельность».

Можно представить себе негодование русских и французов, когда они узнали, что между Фридрихом и Англией подписан в Уайтхолле договор (16 января 1756 г.), согласно которому та и другая сторона обязывались поддерживать мир в Германии и выступать с оружием в руках «против всякой державы, которая посягнет на целостность германской территории». И Австрия и Россия увидели в этом договоре предательство со стороны Англии. Последняя, убедившись, что результаты ее дипломатической стряпни прямо противоположны ее ожиданиям, спокойно укрылась на своем острове. Все шишки достались на долю Фридриха II. Франция в пылу негодования на неблагодарность прусского короля бросилась в объятия Австрии.

Мария-Терезия после войны за австрийское наследство считала возможным привлечь Францию на свою сторону. Во Францию был отправлен едва ли не самый крупный дипломат в Европе XVIII века Кауниц: он еще в 1748 г. доказывал любовнице Людовика XV мадам де Помпадур, что Австрия готова отказаться от части бельгийских провинций (Фландрии и Брабанта), если только Франция поможет Австрии вернуть Силезию. В 1751 г. Кауниц был назначен австрийским послом в Париж. Здесь он внушал французам, что только благодаря попустительству таких великих держав, как Франция и Австрия, выросли Пруссия и Сардиния, задача которых - сеять раздор между великими державами и пользоваться этим, чтобы округлять свои владения.

Таким образом, почва для сближения Австрии и Франции была подготовлена. Последним толчком к союзу между ними была в данном случае излишняя «тонкость» дипломатии Фридриха. Тотчас же после разбойного нападения англичан на французские суда в 1755 г. Фридрих II предложил Людовику XV смелый план. Пусть Людовик XV захватывает немедленно Бельгию; он, Фридрих, вторгнется в Богемию и, разгромив австрийцев, завладеет всей Германией. Таким образом, прусский соблазнитель еще в XVIII веке замыслил план, напоминавший идеи Бисмарка в 1866 г. В Вене в это время уже стало известно, что Фридрих одновременно ведет переговоры с Англией. Мария-Терезия немедленно довела об этом до сведения Людовика XV. Известие о заключении Уайтхоллского договора между Фридрихом и Англией было подтверждением венских предупреждений. Людовик XV решил. 1 мая 1756 г. был заключен первый Версальский договор между Австрией и Францией о взаимной гарантии: каждая из сторон обещала в помощь другой армию в 24 тысячи человек против всякого агрессора. Незадолго до этого императрица Елизавета отказалась ратифицировать англо-русский договор и заключила оборонительно-наступательный союз с Австрией (25 марта 1756 г.). Для нападения на Фридриха II Россия обязывалась дать в помощь Австрии армию в 80 тысяч. В случае победы над Фридрихом Австрия должна была получить Силезию, Россия - Восточную Пруссию. Французские «Дипломаты добились вовлечения в эту коалицию Августа III, курфюрста саксонского и короля польского. В 1757 г. к коалиции примкнула и Швеция, соблазненная субсидиями и надеждами на Померанию.

Окончательно коалиция была сформирована двумя союзными договорами: русско-австрийским (2 февраля 1757 г.), который повторял условия предыдущего договора, но давал России субсидию в 1 миллион рублей ежегодно, и вторым, Версальским (1 мая 1757 г.), по которому вместо 24 тысяч Франция обязывалась выставить 105 тысяч человек и давать Марии-Терезии ежегодно субсидию в 12 миллионов флоринов. Началась война. Положение Фридриха скоро стало катастрофическим, хотя он и обнаружил в этой войне блестящие дарования полководца. Фридрих действовал быстро и решительно, поспевая ко всем границам, бил врагов поодиночке и из десяти битв проиграл только три. Фридриху помогали исключительно бездарность французских генералов, военные достоинства которых определяла мадам де Помпадур, непрестительная медлительность австрийских полководцев и обилие притекавших к нему английских субсидий. Самые тяжелые поражения нанесли Фридриху русские при Гроссе-гердерорфе в 1757 г. и при Кунерсдорфе в 1759 г. В 1760 г. русские войска на некоторое время заняли даже Берлин, к началу 1762 г. положение Фридриха стало настолько тяжелым, что в письме к своему брату, принцу Генриху, он писал: «Если, вопреки нашим надеждам, никто не придет нам на помощь -прямо говорю вам, что я не вижу никакой возможности отсрочить или предотвратить нашу гибель». Фридриха спасла смерть императрицы Елизаветы Петровны (5 января 1762 г. нов. ст.). На русский престол вступил горячий поклонник Фридриха Петр III. Новый император не только отказался от всех завоеваний в Пруссии, но и изъявил желание оказать Фридриху помощь. Корпусу Чернышева было предписано соединиться

с Фридрихом для совместных наступательных действий против Австрии.

Таковы были события на восточном театре европейской войны.

Чем больше Франция увязала в ненужной для нее антипрусской авантюре, тем большее удовольствие испытывала Англия: для нее европейские державы усердно таскали каштаны из огня. Занятая на востоке, Франция оказалась бессильной на западе. Англичане захватили к 1759 г. Канаду и в 1761 г. завладели Пондшпери в Индии. Французский флот был почти полностью уничтожен. Война была закончена двумя мирными трактатами: Парижским - на западе (10 февраля 1763 г.) и Губертсбургским - на востоке (15 февраля 1763 г.). Франция потеряла Канаду со всеми относящимися к ней областями, т. е. долину реки Огайо и весь левый берег реки Мисси-сиппи, за исключением Нового Орлеана. Вдобавок она должна была отдать Испании правый берег той же реки и уплатить вознаграждение за уступленную Англии испанцами Флориду. Франция принуждена была отказаться и от Индостана, сохранив за собой лишь пять городов. Австрия навсегда потеряла Силезию.

Таким образом, Семилетняя война на западе покончила с заморскими владениями Франции, обеспечила полную гегемонию Англии на морях, а на востоке положила начало гегемонии Пруссии в Германии.

Этим было предпрещено будущее объединение Германии под эгидой Пруссии.

3. ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII ВЕКЕ.

Пётр I унаследовал от XVII века две сложные проблемы: турецкую и шведскую. Разрешение и той и другой означало выход к морю, в первом случае - к Чёрному, во втором - Балтийскому. Но первые годы царствования Петра были посвящены всецело черноморской проблеме. Чёрное море было до тех пор внутренним морем Турции. Оттоманская Порта, по образному выражению одного русского дипломата, берегла его, «как чистую и непорочную девицу, к которой никто прикоснуться, не смеет. Скорее султан допустит кого-либо во внутренние свои покои, чем согласится на плавание чужих кораблей по водам черноморским; это может случиться разве тогда, когда Турецкая империя обратится вверх ногами». К Петру от правления Софьи перешел антитурецкий «аллианс» (союз), и он в союзе с Австрией, Венецией и Речью Посполитой продолжал войну. Взятие Азова и постройка Таганрога обеспечили России господство на Азовском море. Однако пока Керченский пролив был в руках турок, это ещё не давало ей доступа в Черное море. Между тем союзники России, удовлетворённые достигнутыми успехами, уже склонялись к заключению мира.

«Великое посольство» 1697-1698 гг., в котором Петр участвовал инкогнито, имело задачей добиться продолжения войны и привлечения новых союзников. До тех пор во внешней политике Петр всё ещё шёл старыми путями, но когда он убедился в полной неудаче своей дипломатической миссии, он с необычайной быстротой перестроил все основания своей внешней политики. Ввиду невозможности при данной международной обстановке пробиться к Чёрному морю, всплыл старый план «северного союза» против Швеции и завоевания если не всей Прибалтики, то по крайней мере Ингерманландии и Карелии.

Момент был благоприятен. При участии известного лифляндского авантюриста Паткуля, который мечтал оторвать Ливонию от Швеции, складывалась коалиция прибалтийских стран-Дании, Речи Посполитой и Бранденбурга (Пруссии)-против Швеции. К этой коалиции хотели привлечь Россию, приняв, однако меры к тому, «чтобы этот моушественный союзник не выхватил из-под носа жаркое и не шёл дальше и Нарвы и Чудского озера».

3 августа 1698 г. в Раве Пётр заключил словесное соглашение с королём польским и курфюрстом саксонским Августом II об общих действиях против Швеции. Курфюрст бранденбургский Фридрих и Пётр ещё в 1697 г. при проезде посольства через Бранденбург уже договорились о том же. В Москве в 1699 г. заключён был тайный договор с Речью Посполитой, направленный против Швеции; одновременно, чтобы устранить подозрения шведов Пётр подтвердил Кардинский договор, отказавшись, впрочем, принести клятву на кресте. Так сложился тройственный союз России, Речи Посполитой и Дании; Бранденбург от непосредственного участия в войне воздержался. С этого момента Пётр принимал все меры, чтобы ускорить окончание войны на юге и развязать себе руки на севере. Миссия дьяка Украинцева в Константинополе, поддержанная внушительно демонстрацией русского флота, увенчалась полным успехом: за Россией остались все сё завоевания. На следующий день по получении известия о мире с I Юртой, 9 августа 1700 г., была объявлена война Швеции. К этому времени одна из союзниц, Дания, уже вышла из войны, вынужденная заключить сепаратный мир в Травендале. Занятие Карлом XII Польши и выход из войны другого союзника Петра, Августа II, который уступил польский престол ставленнику шведского короля Станиславу Лещинскому, заставили и Россию искать посредников для заключения мира, чтобы удержать завоевания, произведённые на побережье Финского залива. С этой целью Пётр обращался и к Голландским штатам и к Людовику XIV. Одновременно он искал новых союзников. В Англии А.А.Матвеев вёл на эту тему разговоры с английскими министрами; они, однако оказались «в тонкости и пронырстве subtilнее самых французов». Делались попытки убедить Данию возобновить военные действия. Таким образом, в этот решающий момент войны Петр развил активнейшую дипломатическую кампанию. Блестящая Полтавская «виктория» сразу перевернула всю политическую обстановку. Война, которую вела Россия со Швецией в союзе с давними противниками этой державы, сразу превратилась в войну общеевропейскую. Все хотели теперь получить свою долю в наследии разваливавшегося государства.

Вместе с тем остро ставился вопрос и о сохранении при этом принципа европейского равновесия. В Польшу был немедленно восстановлен Август II, Дания омять присоединилась к антишведской коалиции, а в 1714 г. в войну вступила и Пруссия (Бранденбург).

С Ганновером был заключен договор, гарантировавший доброжелательный нейтралитет. Наоборот, торговые державы - Англия и Голландия - были заинтересованы в том, чтобы не допускать в Прибалтике усиления России, которое грозило их торговле. Обе державы стремились путём дипломатических интриг расстроить расширение антишведской коалиции. Фракция, занятая войной за испанское наследство, не могла

активно вмешаться в дела Северной Европы; тем не менее, пытаясь не допустить разгрома Швеции и усиления влияния России и Речи Посполитой, она побуждала к выступлению Турцию, которая и без того была встревожена победами русского оружия. После неудачных попыток найти в Европе союзников против турок I Іеір прибег к тому средству, которое уже намечалось в XVII веке. Он провел агитацию среди христианского населения Турецкой империи и заключил договоры с христианскими вассалами султана - с молдавским и валахским господарями. Прусская кампания была неудачна для русских, но благодаря дипломатическому искусству вице-канцлера I Ш.Шафирово и подкупам удалось добиться от турок сравнительно лёгких условий мира. Ценой возврата Азова и других приобретений 1700 г. Пётр обеспечил себе тыл в дальнейшей борьбе со Швецией. Северная война, перекинувшись на территорию Германии, принимала всё более широкие размеры. Ввод русских войск в Померанию и проект десанта в Швецию через Данию встревожили Англию, которая, по выражению Маркса, «должна была явиться опорой или главной помехой планам Петра Великого». В выходивших в Англии политических памфлетах резко критиковалась политика правительства, которое не выполнило своих обязательств в отношении Карла XII. Английская дипломатия пустила все средства. До сведения Петра было доведено, что Англия не допустит разгрома Швеции. Интригами Англии объясняется отсутствие единства в действиях союзников, среди которых из английских источников распространялись о широких завоевательных планах Петра в Европе. «Болтаемся туне, - жаловался Петр, - ибо, что молодые лошади в карете, так наши соединенные [союзники], а наипаче коренные, сволочь хотят, да коренные не думают».

При натянутых отношениях с Англией Петру естественно было искать союза с враждебной ей Францией. Для этого в 1717 г. он и ездил в Париж. Результатом этой поездки был Амстердамский договор между Россией, Францией и Пруссией. По этому соглашению участвовавшие в нём державы обязались охранять договоры, которые должны были прекратить Северную войну. Амстердамское соглашение показало, насколько возросло в Европе значение русской дипломатии; вместе с тем оно подготовило почву для дальнейших переговоров. В 1718 г. на Аландских островах открылся мирный конгресс русских и шведских уполномоченных. Однако вследствие смерти Карла XII он был прерван, и война продолжалась. Англия ещё более активно повела свою политику, стремясь приостановить успехи России на германской территории. В 1720 г. под давлением Английской дипломатии Дания вновь заключила сепаратный мир со Швецией, отказавшись от всех своих завоеваний. Примирилась со Швецией и Пруссия. Наконец, в Вене между Империей, Англией и Речью І Іосюлитой, но без участия Франции, заключён был оборонительный союз, острiem своим направленным против России. Со своей стороны русские дипломаты вели в 1718г. переговоры с испанским правительством о наступательном союзе против Англии с целью свержения Ганноверской династии и восстановления Стюартов. Союз не состоялся, но Пётр не прервал сношений со Стюартами, имея в виду использовать угрозу реставрации для давления на английское правительство. Тогда Англия открыто стала на сторону Швеции, заключила с ней союз, и английский флот дважды - в 1720 и 1721 гг. - появлялся в Балтийском море якобы для охраны берегов Швеции от русских десантов. В действительности имелось в виду принудить Россию принять посредничество Англии. Пётр па это не пошел. Дело ограничилось безрезультатной морской демонстрацией. Услуги посредничества предлагали не только английский король, регент Франции и венский двор. Было принято посредничество Франции. Ништадский мир 1721 г. закрепил за Россией Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Финляндии с Выборгом. «Сила и престиж Швеции», тяготевшие над Европой со времени Тридцатилетней войны, пали. Мир открывал для России возможность добрососедских отношений со Швецией, с которой в 1724 г. русское правительство вступило даже в союзный договор.

Таким образом, полутора вековая борьба за Прибалтику кончилась в пользу России. «Войну шведскую, - говорит Маркс, - с точки зрения, как её целей, так и результатов и продолжительности, мы можем справедливо назвать основной войной Петра Великого». «Ни Азовское, ни Чёрное, ни Каспийское море не могли открыть Петру прямой выход в Европу». Благодаря завоеванию Прибалтики «России было обеспечено превосходство над северными соседними государствами; благодаря ему же Россия была втянута в непосредственный и постоянный контакт с любым государством Европы. Наконец, им были заложены основы для установления материальных связей с морскими державами, которые, благодаря этому завоеванию, попали в зависимость от России в отношении материалов для кораблестроения». Вместе с тем Россия в результате своей победы над Швецией заняла одно из первых мест в «концерте» европейских держав. «Мы, - говорит Пётр, - от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают».

На востоке Пётр проявлял большой интерес к Средней Азии, через которую шёл транзитный путь в Индию. І Іесчая экспедиция А.Бсковича-Черкасского должна была «хивинского хана склонить к верности и подданству, привести и бухарского хана, хотя не в подданство, то в дружбу». Едва освободившись от Северной войны, Пётр уже в декабре 1721 г. перешел к выполнению новой задачи - войне с Персией. Тут, как и в Турции, он опирался на поддержку христианских подданных шаха. Кар-талинекий (грузинский) царь Вахтапг перешел на сторону России; одновременно и армянский католикос обратился к Петру от имени армянского народа за помощью против персов. Блестящие успехи русских войск привели к завоеванию Дербента и Баку с прилегающими землями провинций Гиляна, Мозандерана и Астрабада. Укрепление России в прикаспийских странах вызвало осложнение и в отношениях с Турцией, которую возбуждали против России Англия, Франция и Венеция. Турецкие войска были двинуты в Закавказье, и Карталинское царство вынуждено было признать верховенство султана. Тем не менее разграничение, произведённое в 1724 г. между Россией, Персией и Турцией, закрепило за Россией большую часть её завоеваний.

Таковы были в основном итоги внешней политики Петра I. «Этот действительно великий человек, - говорит Энгельс, - ... первый оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, І Іерсии, Польше... так и по отношению к Германии».

І Іровозглашение І Петра I императором 22 октября 1721 г. было внешним выражением достигнутых в его

царствование международных успехов в России. Акт этот не сразу был признан европейской дипломатией. При жизни I Петра только Голландия и Швеция официально признали этот титул.

Та сложная внешнеполитическая деятельность, которая развернулась при Петре I, требовала реорганизации учреждения, ведавшего международными сношениями, и создания новых дипломатических кадров. Доморощенные дипломаты с их приёмами выработанными на ходу, уже не были пригодны для новых задач внешней политики, выдвинувших сложной международной обстановкой начала XVIII века. При Петре вся дипломатическая служба реорганизуется по западноевропейскому образцу. В иностранных государствах образуются постоянные дипломатические миссии, отсутствие которых давало себе так сильно чувствовать ещё в XVII веке. Уже в 1699 г. в Голландию был направлен А.А.Матвеев в звании «чрезвычайного и полномочного посла», в 1701 г. был назначен «министр» в Вену и т. д. Одновременно в важнейших европейских и некоторых внеевропейских странах появляются русские консулы для охраны торговых интересов царских подданных. С другой стороны, и при царском дворе с конца XVII века возникают постоянные иноземные представительства. Пётр с большой настойчивостью проводил принцип неприкосновенности личности послов, когда дело шло о представителях его стороны. Большой шум наделал в 1708 г. случай с русским послом в Англии А.А.Матвеевым, который был арестован за долги, причем подвергся оскорблениям и даже побоям. Этот инцидент вызвал сильное волнение среди всего дипломатического корпуса в Лондоне, увидевшего в оскорблении русского посла нарушение международного права. Матвеев был освобождён. Пострадавшего посетили все «до единого иностранные министры, содрогаясь оттоком афронте, от века не слыханном и нигде в истории ... беенрикладпом». Королева Анна выразила сожаления по поводу случившегося. Пётр потребовал смертной казни для лиц, нанёсших его послу оскорбление. Виновные, действительно, были привлечены к ответственности. Сам Пётр, однако, гораздо меньше стеснялся с иностранными послами. В 1718 г., он арестовал голландского резидента в Петербурге Дсбиса, который обвинялся в посылке неблагоприятных для России донесений своему правительству и в подозрительных отношениях с русскими подданными царя; к послу был приставлен караул, у него были отобраны все бумаги, сам царь подверг его допросу. Пётр потребовал от Голландских штатов его отзыва.

Старый Посольский приказ уже не удовлетворял новым потребностям государства в работоспособном органе внешнеполитических сношений. Уже в начале XVIII века рядом с ним возникает при Петре «походная Посольская канцелярия», к которой постепенно переходят все функции Приказа. По образцу Швеции в 1716г. в «Посольской канцелярии» был введён коллегиальный порядок решения дел, и она сама была переименована в «Посольскую коллегия». Наконец, в 1720 г. была образована особая коллегия иностранных дел, которая сменила старый Посольский приказ. Европейские порядки не сразу принимались в русской дипломатической среде. Под новой оболочкой продолжали держаться старые навыки местничества и понятия чести. Из иностранной практики черпались в первую очередь соответствующие стороны этикета. «Русские, - писал в 1711 Ог. датский посланник Юль, - не отрешаются ни от одного из старых русских обычаев, которые моют служить им к возвеличению, и в настоящее время изучают чужие обычаи, пригодные для такого поддержания и умножения их достоинства и чести». Иностранные послы обижались на то, что русские официальные лица никогда не делали первыми визитов. Любопытный случай местничества произошел при пожаловании Меньшикову датского ордена Слона. Датский посланник предварительно взял с Меньшикова обязательство отдавать предпочтение этому ордену перед всеми остальными, не исключая ордена Андрея Первозванного. Меньшиков его обманул и стал носить оба ордена по переменно. Даже сам Пётр не отрется от старинных понятий чести. При приёме иностранных послов он не имел при себе «ни шляпы, ни другого чего, чем покрыть голову», очевидно, чтобы не снимать шляпы при произнесении чужого титула. Все эти ухищрения, к которым прибегали ещё в первое десятилетие XVIII века, конечно, были пережитком торжественного церемониала московских царей. С самими иностранными послами обращались порой не с тем уважением, которого требовал царь в отношении собственных послов. До приезда в столицу их окружали по-прежнему самым бдительным и придирчивым надзором, их служителей не выпускали со двора, а сами послы могли выходить лишь с разрешения местного коменданта.

Не сразу выработалось и необходимое для ведения широкой политики дипломатическое умение. Очень недоброжелательно отзывались в 1708 г. министры Людовика XIV о русских послах, приезжавших во Францию, которые, по их словам, «ничего не искали к пользе государя своего у короля и только делали гордые запросы». Таковы кадры, с которыми Пётр начинал свою дипломатическую работу в совершенно невыносимых масштабах. Тем более поражают те быстрые успехи, которые делает молодая петровская дипломатия. Ко второй половине царствования Петра вырастает новое поколение умелых и тонких дипломатов, которые отлично ориентировались в международных отношениях и с большой ловкостью, и с несомненным талантом. Инструкция, данная в 1718 г. Петром, уполномоченным на Лланском конгрессе, является, несомненно, образцом дипломатического такта и искусства. Пётр предлагает «шведских уполномоченных глубже в негоциацию ввести ... и весьма ласково с ними обращаться». 13 основу переговоров должно быть положено стремление «не только со Швецией мир заключить, но и обзаться дружбой».

По столам Петра шли и его помощники на поприще дипломатии. Записка, поданная М.П.Бестужевым-Рюминым в 1720 г. по поводу английского проекта «медиации» (посредничества), является образцом отчётливости мысли и здравого смысла. Шаг за шагом Бестужев распутывает нити английских интриг. Будучи посланником в Швеции, тот же Бестужев не только тонко вникал в современное состояние страны, в которой он был аккредитован, но и изучал её историю. Московская «грубость» отошла в область преданий. С расширением сферы дипломатической деятельности функции русских дипломатов при Петре чрезвычайно усложнились. На них лежала литературная борьба с вредными для России политическими настроениями за границей. Когда в Гаагу пришло известие о Нарвском поражении, долженствовавший рассеять дурное впечатление, произведённое этим известием; шведский посол был вынужден заказать опровержение.

С большим мастерством использовала петровская дипломатия те внутренние противоречия, которые

имелись в неприятельских странах. Вмешательство во внутренние дела соседних государств было обычным средством воздействия на их политику. В 1703 г. П.А. Толстому, одному из выдающихся дипломатов Петра, удалось, например, добиться в Константинополе не только смены, но и казни визиря, враждебно настроенного к России. Для своих целей русское правительство при Петре, как и при предшественнике, пользовалось агентурой турецких христиан.

Одним из основных «каналов», каким производилось воздействие на политику иностранных государств, были подкупы, посредством которых получалась ценная политическая информация. При заключении мирного договора с Турцией в 1711 г. оказалось нужным дать большие взятки не только визирю и муфтию (главе мусульманского духовенства), но и английскому и голландскому послам; в 1720г. для достижения «вечного мира», кроме турецких сановников, подкуплены были французский посол и его жена.

Взятки считались необходимыми не только в Константинополе. В 1701 г. министр при венском дворе князь 11.Л.Голицын жаловался на отсутствие средств для подкупов, хотя «не так мужья, как жены министров бесстыдно берут».

К тем же приёмам прибегали и иностранные правительства в России. Особенно обвинялся во взяточничестве подканцлер Петра I, умный, но жадный до денег Шафиров.

Пётр крепко держал в своих руках нити русской дипломатии. Он лично участвовал во всех переговорах, выполняя функции и посла и министра иностранных дел. Он дважды ездил за границу с дипломатическими целями и лично заключал такие важные договоры, как соглашение в Раве (1698 г.) и договор в Амстердаме (1717 г.). У себя на родине царь непосредственно сносился с иностранными послами и беседовал с ними запросто в домашней обстановке, - это был самый верный, а иногда и единственный способ довести то или иное дело до конца.

У Петра были свои принципы международной политики. Основным его правилом была политическая добросовестность и верность обязательствам. «Лучше можно видеть»- писал он, - что мы от союзников оставлены, будем, нежели мы их оставим, ибо гонор пароля честь данного слова драже всего есть».

Сила внешней политики Петра заключалась в том, что он не разбрасывался на несколько проблем, а сосредотачивался на одной; этой одной проблеме он и подчинял все усилия своей дипломатии, отказываясь от выполнения других, раз они не стояли на первой очереди. Так, польский вопрос для Петра существовал только в рамках Северной войны. Единственный раз Петру пришлось против воли уклониться от этого основного принципа его внешней политики, - это было в 1711 г., во время навязанной ему войны с Турцией. Этим отличается внешняя политика Петра I от колеблющейся и противоречивой политики его предшественников. Такой твёрдости в проведении определённой линии не было и в политике его ближайших преемников.

Из трёх основных задач, которые стояли перед Россией в XVII веке, одна, шведская, была полностью разрешена при Петре I. Оставались две другие - польская и турецкая. Они и являлись стержневыми вопросами русской внешней политики в течение всего XVIII века. Наряду с этим вопросом «европейского баланса» (равновесия) и стремление играть решающую роль в общеевропейских делах и поддерживать международный престиж, приобретённый Россией при Петре I, определяли ряд других дипломатических мероприятий.

В конце царствования I Петра I Западная Европа разделялась на две противостоявшие группы держав. Франция, Англия и Пруссия осенью 1725 г. заключили договор, направленный против Австрии и Испании. Господство России над Прибалтикой продолжало беспокоить Англию, и по создавало очередное недопонимание между обоими государствами, вызвавшее даже появление английской эскадры в Балтийском море в мае 1726 г. При таких условиях Россия неизбежно должна была примкнуть к Австрии, которая является к тому же естественной её союзницей и против Турции.

Театром другого столкновения с англо-французской союзной системой была опять Прибалтика. Иод влиянием французской дипломатии в 1741 г. против России выступила Швеция. Война закончилась Абоским миром, который закрепил и частично расширил условия Ништадского мира.

В середине 40-х годов XVIII века Россия была втянута в войну между Австрией и Англией, - с одной стороны, и Францией и Пруссией - с другой. В этой войне русская дипломатия, впрочем, не проявляла достаточной чёткости и определённости. Решительному выступлению предшествовал длительный период колебаний, вызванных столкновением иностранных и местных влияний при петербургском дворе. Последовательную антипрусскую политику вёл умный и тонкий канцлер А.П.Бестужев-Рюмин, который стоял за союз с Австрией. В 1746 г. возобновлён был оборонительный союз с Австрией. В 1756 г. политическая конъюнктура в Западной Европе неожиданно и резко изменилась. Начавшаяся война между Англией и Францией побудила английское правительство заключить соглашение с Пруссией, гарантировать нейтралитет Германии в этой войне (Уайтхолл-ский договор). Ввиду того, что Россия была связана «субсидией конвенцией», можно было рассчитывать, что и она будет вынуждена примкнуть к этому соглашению. Уайтхоллский договор 1756 г. выявил новую перегруппировку политических сил в Европе. Франция пошла на сближение и союз с Австрией. В Петербурге появились колебания и борьба за английское и французское влияние. Наконец, Русское правительство заняло совершенно определённую позицию и ввиду опасности, которая представляла для России чрезмерное усилие Пруссии, примкнуло к Австро-французскому союзу, «чтобы, ослабить короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и беззаботным». Намечался раздел Пруссии, в результате которого должны были получить разрешение на существенные вопросы внешней политики России - турецкий и польский. В конце концов, официально Россия присоединилась к австро-французскому союзу. С Англией дипломатические отношения не были порваны, так как обе стороны дорожили выгодами, которые давала им взаимная торговля. Это отрывало широкий простор для интриг Англии и Петербурга. Успехи русского оружия в Пруссии приближали Фридриха II к «краю гибели». Он готов был уже отречься от престола, когда смерть Елизаветы в 1762 г. освободила его от самого опасного из врагов.

Пётр III, большой поклонник Фридриха II, снова резко повернул направление русской внешней политики, не только заключив мир с Пруссией, но и, поспешив вступить с ней в союз. Недостаток устойчивости во внешней

политике России открывал перед иностранными державами возможность вести чрезвычайно бесцеремонные интриги в Петербурге, и открыто вмешиваться во внутренние дела Российской империи. Как известно, Елизавета Петровна в 1741 г. была посажена на престол гвардией, при деятельном содействии французского посла Шетарди, который надеялся добиться этим путем сближения России с Францией. Шетарди финансировал переворот, и первое время пользовался большим влиянием при дворе. Однако он встретил серьезного и умного противника в лице канцлера А. П. Бестужева. Во время отсутствия Шетарди в России австрийский посол маркиз Ботта-Адорни, воодушевленный успехом своего французского коллеги, повел разговоры среди оппозиционно настроенной части русской знати о возможности восстановления на престоле свергнутого Ивана Антоновича. Чтобы устранить Бестужева, его враги попытались замешать его в этот заговор. Это не удалось. В 1744 г. Шетарди вернулся в Петербург с миссией вовлечь Россию в войну на стороне Франции и Пруссии; он открыто заявлял, что намерен свалить канцлера. В союзе с Шетарди была преданная Фридриху II принцесса Ангальт-Цербская, мать невесты великого князя Петра Федоровича, будущей Екатерины II. Бестужев поступил со свойственной ему решительностью: перехваченная переписка Шетарди помогла ему скомпрометировать французского посла, который и был выслан из России. Позже, в 1756 г., английский посол Чарльз Вильяме разрабатывал с великой княгиней Екатериной Алексеевной план захвата ею власти после смерти Елизаветы Петровны. Эта смелая игра иностранных дипломатов в Петербурге объясняется той легкостью, с какой при поддержке кучки гвардейцев в России в XVIII веке происходили перевороты.

Очень много денег тратили иностранные правительства на подкупы русских министров и сановников. В 1725 г. французскому послу Компре-дону было разрешено его правительством истратить до 60 тысяч червонцев на «графикации публичные и секретные». Всем лицам, которые были полезны для заключения союза между Францией и Россией, начиная с всесильного Меншикова, канцлера Головкина, Оегермана и др. и заканчивая приближенными к Екатерине I дамами. Принято было выплачивать регулярные ежегодные пенсии руководителям внешней политики России, и самые выдающиеся государственные деятели той эпохи не гнушались принимать такое вознаграждение сразу от нескольких иностранных дворов. Не без юмора описывает подобный эпизод английский посол Вильяме. «Уже с некоторого времени, - писал он в августе 1756 г., - канцлер [Бестужев] просил меня доставить ему крупную пенсию от короля, говоря, что ему здесь дают ежегодно лишь 7000 руб., а на такое жалование он не может жить по своему положению; что ему известны интересы его отечества, связанные с интересами Англии, и что потому тот, кто служит хорошо России, служит и Лшлии; таким образом, он может служить королю, не действуя прогин сноси совести и не нанося вреда своему отечеству...»

Однако, получая деньги от всех иностранных дворов, руководители внешней политики России вели свою собственную линию, отнюдь не жертвуя интересами своей страны ради чужих интересов.

Лице правительства стремились иметь в чужих государствах своих агентов, через которых получались необходимые им сведения. Русская разведка была поставлена неплохо. Достаточно сказать, что при Анне Ивановне русский посланник в Турции Нсплюев имел агента в свите французского посла, и через него получал известия о всех шагах своего соперника. В Швеции, в 1747 г. пришлось даже изменить систему канцелярской переписки, потому что русский посланник барон Корф имел возможность узнать обо всех тайных государственных делах. В 1726 г. выяснялось, что прусский советник Фербер сообщал в Петербург об интимных разговорах своего государя; Фербер был казнен.

Более дерзко, чем Россия, использовали тайную агентуру тогдашние ее враги - Англия и Пруссия. В этом смысле они сумели использовать даже будущую императрицу, великую княгиню Екатерину Алексеевну, урожденную немецкую принцессу. Еще мать ее была агентом Фридриха II, пока не была выслана из России по распоряжению императрицы Елизаветы. Английский посол Вильяме сумел найти доступ и к Екатерине через своего секретаря Станислава Понятовского (будущего польского короля), так и путем крупных займов. Одной из характерных черт этого периода является усиление секретной дипломатии, действовавшей помимо официальных представителей и органов, призванных руководить внешней политикой. Так, императрица Елизавета Петровна и французский король Людвиг XV находились между собой в тайной переписке без ведома своих министров.

Хитросплетенная паутина дипломатических интриг и путей воздействия на полигаку соседних стран ярко отражает сложность международной обстановки в Европе накануне французской буржуазной революции 1789 г., в период окончательного образования национальных государств. К чести русской дипломатии той эпохи следует отнести ее умение не только закрепить успехи, достигнутые при I Петре I, но и играть решающую роль в делах Западной Европы. Отсталая, по сравнению с Западной Европой, Россия в XVIII в. менее своих соседей испытывала противоречия между строем феодальным и буржуазным, которые раздирали страны, стоявшие на более высокой ступени экономического развития. Поэтому правительство и могло проводить, несмотря на смену лиц на престоле, решительную политику.

Международным успехам России способствовало и наличие в составе правительства выдающихся дипломатов. Таков был знаменитый Андрей Иванович Остерман, начавший свою карьеру при Петре I в качестве одного из участников мирных переговоров со Швецией; его настойчивости и ловкости Россия была обязана блестящим I Ишштадтским миром. Опыт и природные дарования выработали в нём совершенно исключительные дипломатические данные. «Часто, пишет о нём Манштейн, - иностранные министры в течении двух часов проговорят с ним и при выходе из его кабинета знают не больше того, сколько знали, входя туда. Что он ни писал, что ни говорил, могло пониматься двояко. Тонкий, притворный, он умел владеть своими страстями и в случае нужды даже разнежиться до слез. Он никогда не смотрел никому в глаза из страха, чтобы не изменили ему, он умел держать их неподвижно». Про Остермана говорили, что у него проявлялась подагра в руке всякий раз, когда надо было подписать опасную бумагу.

Человеком другого типа был А.П.Бестужев-Рюмин, честолюбивый, хитрый, владевший всеми тайнами дипломатических успехов, но далеко не умевший так скрывать свои чувства, как Остерман. Бестужев был

создателем определённой политической системы, которую он и проводил последовательно в жизнь; в основу её он полагал союз России с Австрией для противодействия возраставшему могуществу Пруссии и для наступления на Турцию. Деятельность русской дипломатии в период между 1726 и 1762 гг. подготовила разрешение тех основных проблем внешней политики, которые стояли перед Россией с конца XVII века. «И на севере - Швеция, сила и престиж которой пали именно вследствие того, что Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России.... На юге - турки и их данники, крымские татары, представлявшие собою лишь обломки прежнего величия ... бывшая в состоянии полного развала Польша..., неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию и обречённая тем самым стать лёгкой добычей своих соседей.... За Польшей лежала другая страна, которая казалась, пришла тогда в состояние безнадежного развала, Германия. Со времени Тридцатилетней войны Римско-германская империя являлась государством лишь по имени. ... И в качестве соперницы австрийской династии уже начинала наряду с ней постепенно выдвигаться прусская». «Никогда мировое положение не было более благоприятно для завоевательных планов царизма, чем в 1762 г... Семилетняя война расколола всю Европу на два лагеря. Англия сломала мощь французов на море, в Америке, в Индии, а затем покинула на произвол судьбы своего континентального союзника, прусского короля Фридриха II. Этот последний стоял на краю гибели в 1762 г...». Такова была международная обстановка, в которой пришлось действовать вновь образовавшемуся правительству Екатерины II. Во главе ведомства иностранных дел фактически стоял один из наиболее образованных и умных государственных деятелей того времени - Н.И.Панин - «самый искусный, самый смелый, самый ревностный человек при моем дворе», как писала о нем Екатерина II тотчас по вступлении на престол.

С первых же шагов большое и активное участие во внешней политике своего государства принимала сама Екатерина. Ни один серьезный вопрос в этой области не проходил мимо нее, ни одно ответственное решение не принималось без непосредственного ее вмешательства. «Я хочу управлять сама, и пусть знает это Европа» - говорила она Потемкину. С молодых лет вовлеченная придворными интригами в большую политику, Екатерина имела уже значительный опыт в деле дипломатии, и свои недюжинные дипломатические способности развила в дальнейшем до совершенства. Она обладала большим искусством притворства, которое в XVIII веке, как и часто позже, считалось основным качеством дипломата. «Весьма ошибутся, - говорила она сама про себя, - кто по персональным приемам будет судить о делах». Не менее искусно использовала Екатерина II «просветительную» фразеологию, которой она умело прикрывала свои честолюбивые замыслы.

Сила Екатерины как дипломата заключалась, однако, не в этом. Как умная женщина, она понимала, что достоинство страны, которой она управляет, есть и ее собственное достоинство. В своих дипломатических выступлениях она выставляла себя поборницей национальной политики, не отделяя себя от России. «Я императрица России, - писала она по поводу задевшего ее лично притязания датского двора участвовать в опеке над великим князем Павлом Петровичем, - и худо оправдала бы надежды народа, если бы имела низость вручить опеку над моим сыном, наследником русского престола, иностранному государству, которое оскорбило меня и Россию своим необыкновенным поведением». Она так часто повторяла подобные суждения, что, наконец, сама убедила себя в их истине, и это давало всем ее действиям большую уверенность и силу.

В течение почти 20 лет Екатерина работала рука об руку с Паниным, хотя лично ему не доверяла и не любила его, считая его сторонником ограниченной формы правления. В ноябре 1780 г. Панина сменил «полномочный для всех переговоров» князь А.А.Безбородко. Даровитый и работоспособный, исполнительный чиновник, владевший отлично даром составлять доклады, он был, в сущности, только прекрасным исполнителем воли императрицы. Официально Безбородко занимал должность ее секретаря. Занявший место Панина вице-канцлер, сын знаменитого отца, сам полная бездарность - граф Иван Андреевич Остерман, «автомат» и «соломенное чучело, ничего не делающее и не имеющее веса», был «первоприсутствующим» в иностранной коллегии только по имени. Зато непосредственное участие во всех «политических тайнах» принимал в это время Потемкин. Екатерина любила называть Потемкина своим «учеником» в политике, но сама поддавалась увлекательности и блеску его внешнеполитических проектов.

В позиции, которую заняла Екатерина в отношении участников Семилетней войны, сказалось новое направление международной политики России. Новый внешнеполитический курс заключался в том, чтобы Россия могла «следовать своей собственной системе, согласной с ее истинными интересами, не находясь постоянно в зависимости от желаний иностранного двора». Правительство отлично понимало, какой ущерб, для интересов и достоинства России происходит «от сопряжения дел политической системы нашей империи с другими посторонними державами», которые только искали «пользоваться нами». «Мы систему зависимости нашей от них (дворов версальского и венского) переменим, - заявлял Панин, - и вместо того установим дружную бес-ирепятствующую нам в делах действующую». «Время всем покажет, - писала Екатерина в начале своего царствования, - что мы ни за кем хвостом не тащимся». Поэтому Екатерина все свои усилия направляла к тому, чтобы заставить западноевропейские державы служить интересам Российской империи и помогать ей осуществить планы, которые со времени царя Алексея и Петра I не сходили с очереди:

воссоединить украинские и белорусские земли, всё ещё находившиеся под властью Речи Посполитой, укрепить положение России в Прибалтике и продвинуть к Чёрному морю. На пути осуществления этой программы стояла в первую очередь Франция, которую поддерживала Австрия.

Уже раньше намечалось сближение с Пруссией, имевшее целью «вырвать» Фридриха II «из рук Франции», т. е. предотвратить объединение ею государства с основным врагом России. Пруссия являлась естественным противником германского императора. Однако по словам Энгельса, «этот противник был еще слишком слаб, чтобы обходиться без помощи Франции или России, - особенно России, - так что чем больше он освобождался от вассального отношения к Германской империи, тем вернее он попадал в вассальное отношение к России. Сближение между Россией и Пруссией вылилось в оборонительный союз, заключенный в апреле 1764г. в Петербурге. Секретными статьями договора были предусмотрены: денежная субсидия России от Пруссии в случае войны с Турцией, единство действий в Швеции и, наконец, недопущение каких-либо изменений в

конституции Польши, так как обе договаривавшиеся державы были заинтересованы в поддержании политической слабости Речи Посполитой.

В 1766 г. был заключен торговый договор с Англией. И в данном случае согласие русского правительства было куплено ценой полного единодушия с ним в польском вопросе, проявленного со стороны Англии. Англию связывали с Россией и более широкие политические соображения, поскольку у них был один общий противник - Франция. Отсюда единство действий русской и английской дипломатии и в Швеции, находившейся в союзе с Францией.

В отношении Швеции русская дипломатия совместно с английской держалась приблизительно тех же методов, что в Польше. Она и тут стремилась искусственно сохранить архаическую форму шведского государственного устройства и поддерживала на сейме англо-русофильскую партию:

Сепаратные соглашения с отдельными государствами по вопросам североευропейской политики Панин пытался объединить в общую «северную систему». Мысль о такой системе подал еще в 1764 г. русский посол в Дании барон Корф. Проект его заключался в том, чтобы «на севере составить -знатный и сильный союз держав» против Франции и ее союзницы Австрии с участием Англии. В состав «северного аккорда» должны были войти Россия, Пруссия и Дания, «в качестве держав активных», и Польша и Швеция - «в качестве держав пассивных»; от последних требовалось только сохранение мира. «Северный аккорд» должен был «вывести Россию из постоянной зависимости» от других держав и предоставить ей «в общих делах знатную часть, руководства», особенно на севере. Идея «аккорда» не встретила, однако, сочувствия в Берлине.

Несмотря на неудачу проекта Корфа - Панина, Россия в достаточной степени развязала себе руки в отношении Польши. Как повод для вмешательства в дела Речи Посполитой и подчинения ее воле российского самодержавия был использован дипломатией прием защиты интересов некаатолического населения Польши (диссидентов).

В 1766 г. Россия и Пруссия потребовали сохранения во что бы то ни стало права «либерум вето», являвшегося наиболее вредным архаизмом в сеймовой конституции. Широко использованы были подкупы, но прибегали и к более решительным мерам: отряды русских войск не покидали польской -территории. Русскому послу Репнину удалось в 1767 г. объединить диссидентов и часть католиков, недовольных правительством, и образовать конфедерацию (союз шляхты).

Одновременно Россия взяла на себя гарантию сохранения старой польской конституции, без отмены которой невозможно было и думать о выходе Речи Посполитой из состояния непрерывной анархии, выгодного для ее соседей.

Чтобы остановить дальнейшие успехи русской политики, Австрия и Франция прибегли к содействию Турции. Под непосредственным воздействием австрийского и французского послов Турция в конце 1768 г. объявила войну России. В связи с турецкой войной и был выдвинут вопрос о разделе Польши. Эта идея обсуждалась в русских и прусских дипломатических кругах едва ли не с 1763 г. Екатерина неоднократно зондировала почву в Берлине. Едва началась турецкая война, как Фридрих II уже выступил открыто с проектом раздела.

С величайшим мастерством Екатерина и Панин оттягивали прямой ответ, несмотря на чрезвычайную настойчивость прусского короля; они желали точнее узнать намерения своего союзника и, по возможности, снизить его требования. Только заключением летом 1771 г. Австрией оборонительного союза с Турцией заставило русское правительство поторопиться с разделом. В начале 1772 г. уже было достигнуто предварительное соглашение между заинтересованными державами. Окончательно оно было скреплено в августе. Россия получила польскую часть Ливонии и часть Восточной Белоруссии. За это ей пришлось понизить свои требования в отношении Турции. 1 Ю Куяук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Россия получила Киибурн, Керчь, Епикале и Азов и добилась признания независимости Крыма. Последний пункт Кучук-Кайнарджийского договора открыл, однако, русской дипломатии возможность вмешательства и крымские дела: это завершилось в 1783 г. присоединением Крымского полуострова к владениям Российской империи.

Г конца 70-х годов Екатерина, получив от союза с Фридрихом II все, что могла, начинает отклоняться от панинской ориентации на Пруссию и искать новых путей в своей европейской политике. Чувствуя силу государства, во главе которого она стояла, русская императрица хочет играть решающую роль в судьбах Центральной Европы и осуществить мечту, не покидавшую ее с первых лет ее царствования, — «быть вершительницей судеб Европы». Разразившаяся в Европе война за баварское наследство между Пруссией и Австрией дала Екатерине удобный повод для этого. Фридрих в качестве союзника ожидал военной помощи от России; но Екатерина предпочла выступить властным посредником и обратилась в Вену с грозной декларацией, предлагая Марии-Терезии «вполне удовлетворить справедливые требования немецких князей».

Тешепский мир 1779 г., закончивший войну, был триумфом русской императрицы. Она выступала в качестве не только посредника, но и гаранта закрепленного договором порядка. С этого момента Россия становилась, говоря словами современников, как бы «сочленом империи» и «по своему усмотрению» могла участвовать в делах Германии. Немецкие князья осаждали своими просьбами императрицу, обращаясь к ней за разрешением своих споров и недоразумений, славословия ее за «дарованный Германии мир, прославляя ее, яко спасительницу ее, и прося, чтобы, продолжая таковые излаянные благодеяния в качестве ручательщицы германской конституции, ни на час ее от милостивейшего воззрения не отлучала».

Сам престарелый Фридрих II заискивал перед «северной Семирамидой», в надежде при ее содействии создать под своим главенством союз князей в Германии и образовать грозную антианглийскую коалицию.

Германией не ограничивались перспективы екатерининской внешней политики. Англия стремилась использовать русские силы для войны с Америкой и даже предлагала за это уступить России остров Минорку. Однако Екатерина и тут предпочла предписывать международные законы, а не сражаться за других. В связи с англоамериканской войной Россия выступила 28 февраля 1780 г. со знаменитой декларацией о морском воору-

женном нейтралитете. Этот акт устанавливал права нейтральных судов на море защищать себя оружием. К декларации присоединилась большая часть государств, кроме Англии, против которой она и была направлена.

Тешенский мир и декларация о «вооруженном нейтралитете» наглядно показали, насколько далеко шли теперь притязания русской дипломатии, и какого значения достигла Россия в области международных отношений. Но они же свидетельствовали и об отходе от «северной системы» Панина.

С 1780 г. начинается сближение России с Австрией; встреча Екатерины II с императором Иосифом в Могилеве в этом году нанесла «ужасный удар влиянию прусского короля». На этом свидании установлено было «одинаковое положение» России и Австрии в отношении Турции и Польши, и путем обмена собственноручными письмами заключен оборонительный союз. В следующем году Панин был уволен в заграничный отпуск.

Все внимание русской дипломатии, руководимой непосредственно самой Екатериной и всесильным Потемкиным, отныне направлено было на разрешение турецкой проблемы и осуществление так называемого «греческого проекта». Дело шло уже не о территориальных приобретениях за счет Турции, а о полном изгнании турок из Европы и о восстановлении Греческой империи, корона которой предназначалась внуку императрицы Константину Павловичу; из Молдавии и Валахии предполагалось образовать буферное государство Дакию.

Австрия со своей стороны должна была получить западную часть Балканского полуострова. «Царьград в качестве третьей российской столицы, - это означало бы, однако, не только моральное господство над восточно-христианским миром, это было бы также решительным шагом к господству над Европой». К этому «решительному шагу» русская дипломатия готовилась исподволь. Приняты были меры к тому, чтобы ослабить сопротивление Франции. Торговый договор, заключенный с этой страной в 1786 г., способствовал значительному улучшению отношений между обеими странами и в частности отказу Франции от антирусской агитации в Константинополе. Наконец, знаменитое путешествие Екатерины в «Тавриду» имело целью демонстрировать подготовленность России к войне за Чёрное море, а участие в нём австрийского императора Иосифа скрепляло антитурецкий союз с Империей.

Порта не стала ожидать нападения. Она сама объявила в 1787 г. войну России, побуждаемая к тому Англией. Согласно Могилевскому соглашению 1780 г., в союзе с Россией выступила Австрия. Неожиданно в войну вступила и Швеция, которая попыталась использовать удобный случай для возврата части потерянных при Петре прибалтийских земель. Англия и Пруссия, теперь стоявшие на враждебной к России позиции, не допустили, чтобы Дания, союзница России, вмешалась в шведско-русскую войну. Был момент, когда, казалось, Петербургу грозила опасность. Однако, в конечном итоге, по миру в Вереле, 1790 г., Швеция должна была отказать от какого-либо изменения границ. Шведская война и заключение сепаратного мира с Австрией расстроили планы Екатерины в отношении Турции; поход на Константинополь не мог состояться, и Ясский мир 1791 г. только продвинул границы России до Днестра и утвердил односторонний акт о присоединении Крыма.

В итоге - русская дипломатия эпохи Екатерины в основном разрешила задачи, унаследованные ею от XVII века, закреплены были достижения Петра Великого в Прибалтике; воссоединены земли, населенные родственными русскому народу белорусами и украинцами. Россия стала твёрдой ногой на Чёрное море. Наконец, Российская империя завоевала решающий голос и делах общеевропейских. Во внешней политике Екатерины, по выражению Энгельса, «уже отчётливо намечены все существенные черты» политики царизма в XIX веке, - устремление на Балканский полуостров, «ослабление морского превосходства Англии посредством ограничительных международных правил», вмешательство в дела германских государств. Возросшее в течение XVIII века международное значение России сказалось и в том, что постепенно за её правителями был признан присвоенный им императорский титул (Германской империей - в 1744 г., Францией - 1762 г. и Речью Посполитой - 1764 г.). В то время как Западная Европа раздиралась внутренними противоречиями, отсталая, но «единая, однородная, молодая, быстро растущая Россия, почти неуязвимая и совершенно не доступная завоеванию», сумела занять выдающееся положение среди прочих европейских держав.

Эту цель преследовала в частности собственная переписка Екатерины с Вольтером, Гримом, Дидро и другими представителями «Просветительной эпохи». Вместе с тем Екатерина деятельно следила за заграничными изданиями, которые могли принести вред России или ей лично как императрице. Ей удалось остановить печатание книги Рюльера о перевороте 1762 г. По её поручению в Амстердаме был напечатан «Антидот-опровержение на вышедшую в Париже книгу аббата Шани д'Отероша о России и т.д. К числу новых дипломатических приёмов следует отнести и приглашение иностранных дипломатов к участию в поездках императрицы по России, - например, в 1785 г. для осмотра водного пути из Балтийского моря на Волгу и в 1787 г. - в Крым. Здесь, в непринуждённой беседе с самой императрицей или с Потёмкиным затрагивались, а нередко и разрешались самые сложные дипломатические вопросы. Французский посол Се-гюр в своих записках многословно рассказывает, как им использовались эти совместные поездки для пропаганды идеи франко-русской дружбы. Так, во время поездки 1785 г. была подготовлена почва для заключения франко-русского торгового договора, ратифицированного в Киеве на пути в Крым. Большое значение имели и непосредственные переговоры с иностранными государями. Екатерина вела оживлённую «партикулярную» переписку с Фридрихом II, стремясь этим путём воздействовать на политику союзного государства и получать необходимые сведения. Не довольствуясь перепиской, Екатерина устраивала и личные свидания

Гак, она потребовала, чтобы принц Генрих, брат Фридриха II, поехавший в 1770 г. с визитом в Швецию, оттуда заехал и в Петербург. В 1780 г. состоялось свидание Иосифа II и Екатерины в Могилеве. Она добила в 1787 г. участия его в поездке в «Тавриду», несмотря на явное желание императора уклониться от встречи, которая к очень многому обязывала. Во время этих встреч «коронованных особ» между развлечениями и обедами в шуточных разговорах разрешались важнейшие вопросы международной политики.

Из старых приемов дипломатического воздействия при Екатерине II особенно широко применялась демагогическая агитация среди православного населения в чужих странах. Известно, как использовала царская ди-

пломатия диссидентский вопрос для вмешательства в дела Речи Посполи-той. Во время первой турецкой войны правительству Екатерины II удалось вызвать восстание на островах Архипелага, и впервые в Кучук-Кайнарджийский договор с Турцией внесены были статьи, касавшиеся религиозных прав христианского населения Турции. Той же политики держалась Екатерина и в отношении Крыма. Под предлогом спасения местных христиан - греков и армян - от насилия со стороны татар, все они принудительно были выселены в 1779 г. на побережье Азовского моря. Словом, всюду в отношении христиан «царизм мог принять позу «освободителя», чтобы достигнуть своих собственных целей.

В области дипломатического этикета Россия во второй половине XVIII века уже ничем не отличалась от Западной Европы. Впрочем, русская практика вносит некоторые уточнения в деталях. Так, в 1750 г. Елизавета Петровна решила допускать к аудиенциям только послов, посланников и «полномочных министров», а простые министры и резиденты должны были вручать свои грамоты в Коллегии иностранных дел. При Екатерине II введено было одно новшество, которое должно было подчеркнуть высокое положение России среди прочих государств Европы. При официальном представлении императрице иностранные послы должны были употреблять международный в то время французский язык, на каковом отвечала и императрица; если же посол произносил приветствие на своем родном языке, то она отвечала по-русски, хотя, как известно, сама говорила на русском языке не вполне правильно. Так, когда лорд Бэкингем приветствовал Екатерину на английском языке, она отвечала по-русски; его преемник Макартней, чтобы выслужиться перед императрицей, произнес речь на французском языке. Ту же цель - не уронить достоинства России - имело требование, чтобы послы при представлении целовали руку императрицы; из-за этого произошел конфликт в 1762 г. с австрийским послом графом Мерси, который сперва отказался выполнить эту церемонию под предлогом, что она не принята при венском дворе, а затем потребовал, было обязательство, что и русский посол в Вене будет целовать руку австрийской императрице, но должен был уступить и в этом. Очень большую щепетильность проявляло правительство Екатерины Пив вопросе о ее титуле. В 1766 г. французский двор отказался к титулу «Ma]e81e» («величество») прибавить «Iтpeпaйe» («императорское»), утверждая, будто такое добавление противно правилам французского языка. Екатерина написала по этому поводу не лишнюю достоинства резолюцию: «противу же правилам языка и протокола российского принимать грамоты без надлежащей титулатуры».

Сложность дипломатической деятельности второй половины XVIII века поставила на очередь реорганизацию учреждения, ведавшего внешнеполитическими сношениями. При Петре I иностранная коллегия была еще сравнительно небольшим учреждением (в 1718 г. в ней числилось всего 120 служащих); в 1762 г. их было уже 261. Бюджет ее достигал более полумиллиона рублей. Коллегия имела президента, носившего обычно звание канцлера, и вице-президента и делилась на 1) Секретную экспедицию, или политический департамент, в котором между двумя чинами распределялись дела европейские и азиатские, и 2) Публичную экспедицию, в которой отдельные лица заведовали «управлением казной», «текущими делами», «почтовыми делами» и в которую входил, кроме того, «церемониальный департамент». Предполагалось, что дела вершились коллегиально. Фактически хозяевами были президент и его заместитель, хотя Екатерина II еще в 1781 г. указом напоминала о необходимости делать все дела сообща. Во время длительных отъездов двора в Москву (при Петре II и Елизавете Петровне) коллегия переезжала с ним, и в Петербурге оставлялась для текущих дел «Петербургская контора».

Значение внешней политики в государственной жизни Империи требовало сосредоточения дел, связанных с этой отраслью управления, и приближения их к носителю верховной власти, без санкции которого не могло быть принято ни одно решение. Такую цель преследовал основанный в 1726 г. Верховный тайный совет, в котором наряду с другими делами докладывались и обсуждались «министерские реляции и доношения».

При Екатерине II в 1768 г., в связи с войной с Турцией, был образован особый совет для обсуждения дел военных и политических. Совет должен был решать только общие вопросы, не входя в детали. Однако при императрице, которая лично решала все основные вопросы внешней политики, совет не мог играть большой роли.

Коллегиальная организация управления внешней политикой, установленная в XVIII веке, была, несмотря на выяснившиеся ее недостатки, отменена только в XIX веке. Впрочем, учреждение министерств при Александре I по манифесту 8 сентября 1802 г. коснулось сравнительно мало Коллегии иностранных дел. Она продолжала существовать под руководством министра и его товарища; но постепенно ее значение умирало и, наоборот, усиливалась единоличная власть министра. Окончательно коллегия была уничтожена указом 10 апреля 1832 г. и вместо нее было создано Министерство Иностранных Дел.

БИБЛИОГРАФИЯ Документы

Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX вв.-М., 1957.
Хрестоматия по истории древнего мира. - М., 1992 Хрестоматия по истории средних веков. - М., 1993.

Литература

- Аммиан Марцеллин. Римская история. Пер. с латинского. Ю.А.Кулаковского и А.И.Сонни. - М., Ладомир, 2005.
- Налаян Б.П. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединение Восточной Армении к России. - Ереван, 1988.
- Блюш Ф. Ришелье. - Серия ЖЗЛ. - М: Молодая Гвардия. - 2006.
- Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. - М, 2002.
- Беловолов Ю.Г. Реформы Карла III в испанских колониях Америки (XVIII век). - Донецк, Цифровая типография, - 2006.
- Ванденберг Ф. Гладиатор. - Харьков, Клуб. - 2007.
- Василевская В. Тутмос. - М., Астрель. - 2002.
- Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII - начало XX в (Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченкова М.Г., Шеремет В.И.). - М, 1978.
- Всемирная история. - Учебник. - М, 1997.
- Геродот. История. - Перев. с греч. - Ленинград, 1972.
- Гребенюк А.В. Цивилизация античного мира и Средневековая Европа. -М, 1994.
- Дипломатический словарь // Гл. ред. А.А. Громыко. - В 3-х т., -М, 1984.
- Жадько Е. Сто великих династий. - М., ВЕЧЕ. - 2001.
- Зленко А. Дипломатія і політика. - Харків, ФОЛЮ. - 2003.
- Дынгес А.А. Русско-шведские торгово-экономические отношения в 1661-1700 гг.-Донецк, 1997.
- История нового времени стран Европы и Америки. - I период. - Под ред. А.В.Адо. - М, 1986.
- История Индии в средние века. - М, 1986.
- История дипломатии. -Т.1. - Под ред. В.П. Потемкина. - М., 1941.
- История Японии с древнейших времен до наших дней. - М., 1986.
- История Европы. - В 4-х т. - М., 1984.
- История Франции. - В 3-х т. - Под ред. А.З.Манфреда. - М, 1972.
- Историческая энциклопедия. - К., 1995.
- История дипломатии. - М., Акт. - 2006.
- Іваницька О.П. Альфонсо XIII - король парадоксів. - Чернівці, 2006.
- Іваницька О.П. Франко-каудільйо Іспанії. - Вінниця. - Книга-Вега, 2002.
- Камбон, Жюль. Дипломат. - Киев, 1997.
- Кеймен Г. Испания: дорога к империи. - М., Хранитель. - 2007.
- Киссинджер Г. Дипломатия. - М, 1997.
- Клула И. Борджиа. - Ростов-на-Дону, ФЕНИКС. - 1997.
- Конрад Н.Н. Древняя история Японии. - М, 1974.
- Котрелл Морис. Пророчества Тутанхамона. - М., ЭКСМО, 2006.
- Крижанівський О.П. Історія Стародавнього Сходу. - К., 1996.
- Культура Древнего Рима. - В 2-х т. - Отв. ред. Б.С. І Ьлубцова. - М, 1985.
- Куманецкий, Казимеж. История культуры Древней Греции и Рима. -Перев. с польского. - М., 1990.
- Левин Д. Дипломатия. - М., 1962.
- Макиавелли, Никколо. Государь. - М., 1998.
- Манфред А.З. Великая французская буржуазная революция XVIII в. -М, 1956 и другие издания.
- Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. -М, 1987.
- Митфорд Н. Мадам де Помпадур. - Ростов-на-Дону, Феникс, 1998.
- Медичи, Лоренцо. Заговор королевы. - М., Иностранка. -2007.
- Никольсон Г. Дипломатия. Перев. с английского под ред. и с предисловием А.А.Трояновского. - М., 1941.
- Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права. - Т.І. - Раздел 1 - Государство и право Древнего Востока. - М., 1998.
- Пасков С.С. Япония в раннее Средневековье. - М., 1987.
- Павленко Н.И. Петр Великий. - М., 1998.
- Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. - М., 1985.
- Перес-Реверте, Артуро. Мыс Трафальгар. - М., ЭКСМО. - 2006.
- Протопопов А.С, Козьменко В.М., Елманова П.С. История международных отношений и внешней политики России (1640 - 2000). - Учебник для вузов / Под ред. А.С.Протопопова. - М., 2001.
- Рыжов К. Все монархи мира. - Древняя Греция, Древний Рим, Византия. - М., 1998.
- Светоний, Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. - Перев. Кон-чаловского. - М., 1966.
- Современные международные отношения. - Учебник / Под ред. А.В.Торкунова. - М., 1999.
- Татаринова К.Н. Очерки по истории Англии (1640-1815). - М., 1958.
- Цезарь, Гай Юлий. Записки о Галльской войне - Пер. Рудакова В. -СПб., 1967.
- Цвейг, Сетфан. Мария Стюарт. - Киев, ГЛОБУС, 1992.

Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. - М., 1988.
Шохман А.С. Восточная политика Александра Македонского. - Казань, 1976.
Шуновер Л. Изабелла I. - М., ТЕРРА-КНИЖНЫЙ КЛУБ. - 2004.
Элбрахт П. Трагедия пирамид. 500 лет разграбления египетских усыпальниц. - М., Прогресс, 1984.